W 54/265

1 2 ф
лов-Сиб.
Дальн. отн.

П. 12 д. ф. о
W 54 / 265
Б. II / 526
Российская Федеративная Советская Республика. Центральная библиотека

Н. П. Павловъ-Сильванскій.

ФЕОДАЛЬНЫЯ ОТНОШЕНІЯ

ВЪ УДѢЛЬНОЙ РУСИ.

1887
1661
1912

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „В. С. Балашевъ и К°". Фонтанка, 95.
1901.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, за 1901 годъ.

БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. Ленина

2007237635

ФЕОДАЛЬНЫЯ ОТНОШЕНІЯ ВЪ УДѢЛЬНОЙ РУСИ [1]).

Für eine Zeit, in welcher die Quellen aus Fragmenten bestehen, wird niemand das allein Richtige gefunden zu haben glauben. Ich bin ferne von dieser Meinung. Es genügt mir, wenn ich nachgewiesen habe, dass neben den bisher verfolgten Ansichten noch eine andere Darstellung der Verhältnisse möglich ist.
Paul Roth, Gesch. des Beneficialwesens.

I. Вассальная служба.

1. Вассальныя отношенія находятся въ тѣсной преемственной связи съ отношеніями дружинными. Въ виду этого изученіе вассальной боярской службы удѣльнаго времени я начинаю сравненіемъ русскихъ дружинныхъ отношеній съ германскими.

Близкое сходство русскихъ дружинъ кіевскаго времени съ дружинами германскихъ конунговъ замѣчено давно. Погодинъ еще въ 1846 г. сопоставилъ лѣтописныя извѣстія о дружинахъ съ описаніемъ норманской дружины, и Кавелинъ, разбирая трудъ Погодина, писалъ: „изображеніе норманской дружины по Стрингольму, дѣйствительно, *разительно сходно* съ отрывочными извѣстіями лѣтописи и авторъ правъ, говоря: не кажется ли, что оно сдѣлано по Нестору?“ [2]). Если же мы, пользуясь новыми изслѣдованіями Вайца или Бруннера, ближе сравнимъ основныя черты русскихъ и германскихъ дружинъ,

[1]) Эта статья, находящаяся въ тѣсной связи съ напечатанными раньше статьями о патронатѣ и иммунитетѣ въ Удѣльной Руси, представляетъ собою общій очеркъ изслѣдованія, приготовляемаго къ печати и въ нѣкоторыхъ частяхъ еще невполнѣ законченаго.

[2]) *М. Погодинъ*, Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи, т. III, с. 228—232. *К. Кавелинъ*, Собраніе сочиненій, т. I, с. 173 (1897).

то должны будемъ признать въ нихъ не только разительно сходные, но и тожественные по существу институты.

Въ Кіевской Руси, также какъ у франковъ или лонгобардовъ, англо-саксовъ или норманновъ, княжеская дружина представляетъ собою вольное военное товарищество. Дружинники воины—не подданные и не наемники: это свободные люди, клятвенно обязавшіеся вѣрно служить своему вождю-господину на полѣ брани. Отношенія дружинника къ князю опредѣляются свободною связью службы и вѣрности.

Нравственная связь, отвлеченная принадлежность дружинника къ дому князя поддерживается въ древнѣйшее время реальной близостью къ княжескому дому, сожительствомъ дружинниковъ съ княземъ. На войнѣ дружинники близко сопутствуютъ князю, составляя какъ бы его тѣлохранительный отрядъ. Въ мирное время большая часть ихъ живетъ во дворѣ князя. Въ принадлежности къ домашнему товариществу (Hausgenossenschaft) князя Бруннеръ видитъ отличительный признакъ дружинниковъ: они „ѣдятъ, пируютъ и спятъ въ палатахъ господина“ [1]). На такую же близость русскихъ дружинниковъ къ княжескому дому указываютъ извѣстія нашей лѣтописи. Желая охарактеризовать любовь князя Мстислава Тмутараканскаго къ дружинѣ, лѣтописецъ говоритъ, что онъ для дружины „имѣнья не щадяше, ни питья, ни яденья браняше“ (1036). Во дворѣ князя были особыя палаты, служившія жилищемъ или столовой для дружины; они назывались *гридницей* отъ слова *гридь* — дружина. На близость дружинниковъ къ княжескому дому указываетъ, повидимому, и терминъ огнищанинъ, обозначающій, по мнѣнію Соловьева, человѣка, принадлежащаго къ княжескому огнищу — очагу — дому (подобно тому, какъ терминъ дворянинъ обозначалъ человѣка, принадлежащаго къ княжескому двору) [2]).

Сожительство дружины съ княземъ весьма рано начинаетъ разрушаться. Въ меровингское время многіе дружинники, сохраняя принадлежность къ княжескому дому, мундіуму (огнищу), живутъ уже въ отдаленіи отъ князя на пожалованной имъ землѣ или во ввѣренномъ ихъ управленію округѣ. Въ Кіевской Руси мы также видимъ многихъ

---

[1]) *H. Brunner*, Deutsche Rechtsgeschichte (System. Handbuch K. Binding's), т. I, § 19, с. 133 — 143. Въ дальнѣйшемъ сравненіи я буду держаться Бруннера, не дѣлая на него ссылокъ. Дополнительныя свѣдѣнія о русскихъ дружинныхъ порядкахъ см. въ моей книгѣ: „Государевы служилые люди“, гл. I.

[2]) Сходное съ мнѣніемъ *Соловьева* объясненіе даетъ *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*. О другихъ толкованіяхъ см. названную мою книгу, с. 296.

дружинниковъ, управляющихъ городами въ качествѣ посадниковъ, въ отдаленіи отъ князя, или живущихъ въ своихъ болярскихъ селахъ. У насъ, совершенно такъ же какъ на западѣ, съ теченіемъ времени дружина все больше отдаляется отъ князя, пріобрѣтая земельную осѣдлость.

2. Высшій разрядъ дружинниковъ у насъ, такъ же какъ на западѣ, пользуется особыми преимуществами. Жизнь старшихъ дружинниковъ охраняется или особой пеней, сверхъ обычной виры за убійство, какъ у англо-саксовъ и норманновъ, или повышенной вирой, въ тройномъ размѣрѣ, какъ у франковъ. По Салической правдѣ за убійство человѣка, состоящаго in truste dominica, взималось 600 солидовъ, вмѣсто 200, взимавшихся за убійство свободнаго франка (ст. 41). Точно также по Русской правдѣ за убійство огнищанина назначена была вира въ 80 гривенъ, вмѣсто обычныхъ 40 (ст. 18). Эта высшая вира охраняла жизнь не всѣхъ членовъ дружины, а только высшій ея разрядъ, у насъ—огнищанъ, у франковъ—антрустіоновъ, которые, такъ же какъ наши огнищане, составляютъ „eine hervorragende Klasse des königlichen Gefolges“.

Наши источники совершенно такъ же, какъ германскіе, не даютъ возможности выяснить ближе разряды, степени и чины дружинниковъ, кромѣ дѣленія дружины на высшую и низшую, или старшую и младшую. Точное значеніе различныхъ наименованій дружинниковъ: „гридь, отроки, дѣтскіе, пасынки, болярцы“, такъ же какъ германскихъ: Degen, Gasindi, Gafolgi, Austaldi и проч., трудно поддается объясненію. Любопытно, однако, что у насъ встрѣчаются наименованія, совершенно соотвѣтствующія германскимъ. Наши *отроки* соотвѣтствуютъ выраженію Degen (degan, thegan), слову, родственному съ греческимъ teknon и обозначающимъ *отрока* (Knabe) и слугу (Diener), а также витязя (Held). Нашей дружинѣ—друзьямъ соотвѣтствуетъ выраженіе austaldi, hagustaldi (сакс. и франк.)—друзья. О низшихъ членахъ дружины слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторые изъ нихъ исполняли обязанности по домашнему хозяйству князя, сближаясь съ его невольными слугами. Это обстоятельство давало нѣкоторымъ германскимъ историкамъ основаніе сближать вообще дружинниковъ съ княжеской челядью. Къ такому же неправильному заключенію приходили, независимо отъ германскихъ, и нѣкоторые наши историки.

3. Несмотря на большую близость къ князю, на тѣсную нравственную связь вѣрности, дружинники пользуются большой самостоятельностью въ своихъ отношеніяхъ къ нему. Князь—ихъ вождь, но

не господинъ и не государь. Вольные вѣрные мужи, они вѣрны ему, они слѣдуютъ за нимъ только до тѣхъ поръ, пока одобряютъ его дѣйствія. Воля дружины, поэтому, связывала волю князя. Эта сторона отношеній дружины къ князю ярко обрисована въ нашей лѣтописи. Мы видимъ въ ней, что князья предпринимаютъ всѣ важныя дѣйствія, „сдумавше съ дружиною". Лѣтопись даетъ намъ даже живое описаніе одного совѣщанія князей съ дружинами, разсказываетъ, какъ князья Владиміръ Мономахъ и Святополкъ-Михаилъ „сѣли думать" съ своими дружинами „въ единомъ шатрѣ" (конечно, только съ виднѣйшими мужами, какъ представителями остальныхъ) и какъ Владиміръ Мономахъ убѣждалъ дружинниковъ въ необходимости начать войну съ половцами (1103 годъ). О совѣщаніяхъ королей съ дружиной свидѣтельствуютъ также и западноевропейскіе источники. „Антрустіоны,—говоритъ Бруннеръ,—играютъ значительную роль въ совѣтѣ короля, въ особенности они принимаютъ участіе въ обсужденіи узаконеній". „Въ совѣтѣ короля,—съ своей стороны, замѣчаетъ Вайцъ.—сидятъ слуги короля и его дружина и оказываютъ свое вліяніе на политику" [1]). Безыскусственныя отмѣтки лѣтописи Фредегарія объ отношеніи дружинниковъ-левдовъ (leudes) къ тѣмъ или инымъ дѣйствіямъ королей вполнѣ сходятся съ такими же отмѣтками нашей лѣтописи: „Теодориха убѣждали левды его заключить миръ съ Теодебертомъ"; „Андреева же дружина пріѣздяче къ нему жаловаху, глаголюще: что твориши княже? поѣди прочь"... [2]).

4. Отъ королевской дружины германскіе историки строго отличаютъ древнѣйшую германскую знать (Adel). Вайцъ ясно показалъ, что у всѣхъ германскихъ племенъ были древніе знатные роды, не входившіе въ составъ дружинниковъ и пользовавшіеся извѣстными преимуществами, независимо отъ дружинной службы королю или герцогу. „О связи между знатью и дружиной,—говоритъ онъ о лонгобардахъ,—не можетъ быть и рѣчи: обѣ стоятъ совершенно отдѣльно, одна подлѣ другой" [3]). Въ нашей исторіографіи точно также давно уже установлено существованіе въ Кіевской Руси рядомъ съ кня-

---

[1]) *H. Brunner*, D. Rechtsgesch., т. II, с. 100. *G. Waitz*, D. Verf.-Gesch., т. II, с. 103. Эта сторона отношеній дружины къ князю выяснена и сопоставлена съ германскими отношеніями *В. И. Сергѣевичемъ*, Р. Юр. Др., т. II, вып. II, с. 342, 467 и слѣд.

[2]) *G. Waitz*, т. II, с. 354 (выписка изъ Фредегарія). Лавр. лѣт., 1149 (с. 307).

[3]) *G. Waitz*, D. Verf. Gesch., т. I, с. 393 и др. *Бруннеръ* также отличаетъ древнюю Adel отъ Gefolgschaft: т. I, с. 107, 247 и слѣд.

жескими боярами-дружинниками такъ называемыхъ бояръ земскихъ. Лѣтопись называетъ ихъ старцами, старѣйшинами, боярами, нарочитыми мужами [1]). Представители старой земской знати, конечно, нерѣдко вступали въ ряды княжескихъ дружинниковъ, но дружины отнюдь не были аристократическимъ учрежденіемъ. Доступъ въ нихъ, какъ у насъ, такъ и на западѣ, открытъ былъ для всѣхъ свободныхъ людей и даже полусвободныхъ. Въ Салической правдѣ (дополненія къ ней) упоминаются римляне и *литы*—дружинники (in truste dominica) [2]). Подобное указаніе на отсутствіе въ нашихъ дружинахъ аристократической замкнутости даетъ наша первоначальная лѣтопись, разсказывая, какъ Владиміръ Святой „сотвори великимъ мужемъ“ сына кожевника въ награду за то, что онъ побѣдилъ въ единоборствѣ печенѣжскаго богатыря (992).

Отличая дружину отъ древней знати, нѣмецкіе историки, съ другой стороны, въ военномъ отношеніи строго отличаютъ дружину отъ *народнаго ополченія*. Германскія дружины были обыкновенно немногочисленны, отъ 15 до 240 человѣкъ. Наша лѣтопись даетъ безспорныя данныя для отличія дружины отъ народнаго ополченія. Въ битвѣ 1024 г. князь Мстиславъ, разсказываетъ лѣтописецъ, „съ вечера исполчивъ дружину, и постави Сѣверъ (ополченіе сѣверянъ) въ чело противу Варягомъ, а самъ ста съ дружиною своею по крилома“. Когда, благодаря этому строю, вся тяжесть сѣчи пала на ополченіе, Мстиславъ на слѣдующій день, при видѣ труповъ павшихъ сѣверянъ, замѣтилъ: „кто сему не радъ? се лежитъ Сѣверянинъ, а се Варягъ, а дружина своя цѣла“. Ополченіе обыкновенно разумѣется подъ словами *вои*, *помочь*, *полкъ* или подъ областнымъ названіемъ: новгородцы, суздальцы;

---

[1]) *И. Бѣляевъ*, Жители московскаго государства, *Временникъ*, кн. 3, 1849. *М. Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ ист. р. пр., изд. 3, с. 29—30. Государевы служилые люди, с. 1—3. *Брунеръ* считаетъ наиболѣе вѣроятнымъ мнѣніе, что „Die Adeligen der Urzeit“ принадлежали къ тѣмъ родамъ, „Geschlechter, aus welchen man die Könige, die Fürsten, die Priester zu nehmen pflegte“, op. cit., I, 107. Точно также *М. Ф. Владимірскій-Будановъ* предполагаетъ, что въ классъ земскихъ бояръ вошли „туземные князья, лишенные своихъ владѣній Рюриковичами“.

[2]) *Fustel de Coulanges*, Les origines du système féodal, с. 326. *Brunner*, т. II, с. 99: „Antrustionen konnten nicht nur Freie, sondern auch Liten und Knechte sein“. „Вообще личныя качества при возвышеніи въ обществѣ преобладали въ древнихъ славянскихъ [? какъ и въ германскихъ] обществахъ надъ рожденіемъ и наслѣдственностью“: *Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ, с. 34.

нерѣдко, однако, это различіе не выдерживается и дружиною называется все войско [1]).

5. Вассальныя отношенія на западѣ развились изъ отношеній дружинныхъ. Вассалы отличаются отъ дружинниковъ, главнымъ образомъ, своей земельной осѣдлостью и хозяйственной самостоятельностью. Вассалитетъ—это отдѣлившаяся отъ князя, осѣдлая, землевладѣльческая дружина [2]).

У насъ съ теченіемъ времени, дружинники, такъ же какъ на западѣ, пріобрѣтаютъ земельную осѣдлость. Съ развивающейся въ XII вѣкѣ осѣдлостью князей, обращающихъ волости въ наслѣдственную собственность, развивается, какъ давно выяснено нашими историками, и „частная поземельная собственность дружины". Въ исходѣ кіевскаго періода дружинники превращаются въ бояръ и слугъ землевладѣльцевъ. *Боярская служба* удѣльнаго времени, выростая такъ же какъ вассалитетъ изъ службы дружинной, по основнымъ своимъ началамъ тожественна, какъ мы сейчасъ увидимъ, со службой вассальной.

Вглядимся ближе въ отношенія вассалитета. Что такое германскій вассалъ? Это, прежде всего, *военный слуга* своего господина сюзерена. „Столько же историко-юридическій, какъ и политическій центръ тяжести вассалитета—говоритъ Бруннеръ—лежитъ въ военно-служебной обязанности вассала" [3]). Всѣ вассалы обязаны выступать въ походъ по первому требованію господина. Кромѣ военной службы, часть вас-

---

[1]) Отъ постоянной дружины *Бруннеръ* отличаетъ сборную дружину, составлявшуюся для опредѣленнаго предпріятія изъ добровольцевъ: eine Gefolgschaft ohne Hausgenossenschaft (т. I, с. 137). Въ нашей лѣтописи также можно замѣтить, рядомъ съ постоянными дружинами, постоянно сопровождавшими своего вождя, дружины—сборные отряды: *Лавр. лѣт.* с. 303 (1148), 345 (1122) ср. с. 286 (1130).

[2]) Генетическая связь дружины и вассалитета въ послѣднее время детально выяснена *Бруннеромъ* въ его Исторіи права, и въ спеціальныхъ статьяхъ. Ее признаютъ *Гизо*, *Ротъ*, *Цёпфль*, и др. Проф. *Виноградовъ* говоритъ, что вассалитетъ есть позднѣйшее названіе дружинной коммендаціи. *Вайцъ* тщетно пытался доказать, что вассалитетъ находится въ связи единственно съ коммендаціей-патронатомъ, но не съ дружиной.

[3]) *H. Brunner*, II, 268. Проф. *Виноградовъ* видитъ въ „вооруженной службѣ" „отличительный признакъ вассалитета въ противоположность оброчнымъ и зависимымъ отношеніямъ низшаго разряда": *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1880, № 12, с. 360. *Фюстель де Куланжъ* считаетъ военную службу кореннымъ отличіемъ дружинной коммендаціи отъ иной. *Вайцъ* также не отрицаетъ того, что вассалы суть военные слуги, но въ этой военной службѣ онъ не видитъ существенной черты вассалитета, полагая, что только принятіе бенефиція возлагало на вассала обязанность военной службы: т. IV, с. 276.

саловъ несетъ также *придворную службу*; тѣ вассалы, которые не живутъ при дворѣ сеньера, обязаны являться ко двору по первому его требованію (die Verpflichtung der Hoffahrt). Бруннеръ остроумно видитъ въ этой обязанности пережитокъ древняго дружиннаго сожительства (домовой общины). Часть вассаловъ, далѣе, несетъ *гражданскую службу* по той или другой, порученной имъ, господиномъ должности. Они управляютъ областями; присутствуютъ въ королевскомъ судѣ; засѣдаютъ въ королевскомъ совѣтѣ; исполняютъ обязанности королевскихъ пословъ (missi) [1]).

Точно такую же картину служебныхъ обязанностей и дѣятельности вообще нашихъ *бояръ и слугъ* даютъ договорныя и духовныя грамоты удѣльныхъ князей. Наши бояре, такъ же какъ вассалы, безъ всякаго сомнѣнія, прежде всего военные слуги князей. Договорныя грамоты свидѣтельствуютъ о непремѣнной обязанности ихъ выступать въ походъ, когда „князь ихъ садится на конь“ противъ своего недруга. Великій князь Дмитрій Іоанновичъ обязываетъ своего двоюроднаго брата Владиміра Андреевича: „а коли ми будетъ всѣсти на конь, а тобѣ со мною, или тя куды пошлю и *твои бояря съ тобою*“ (1388). Если князь Владиміръ Андреевичъ найдетъ нужнымъ не брать съ собою въ походъ кого либо изъ бояръ, то онъ долженъ предварительно условиться объ этомъ съ великимъ княземъ: „а кого коли оставити у тобя бояръ, про то ти мене доложити, то ны учинити по згадцѣ: кому будетъ слично ся остати, тому остатися; кому ѣхати, тому ѣхати“ (1362). Бояре, находящіеся въ округѣ города, которому грозитъ опасность осады, избавляются отъ обязанности являться къ полку своего князя. Но они должны защищать этотъ городъ: „а городная осада, гдѣ кто живетъ, тому туто и сѣсти“... (1390) [2]).

Такъ же какъ вассалы, бояре — военные слуги въ мирное время несутъ придворную и гражданскую службу. При дворѣ князя они служатъ окольничими, казначеями, чашниками и проч. Часть бояръ и слугъ живетъ въ непосредственной близости къ князю на его дворѣ [3]).

---

[1]) *H. Brunner*, II, 267—269. *G. Waitz*, IV, 255.

[2]) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I, №№ 27 (1362), 33 (1388). А. Арх. Эксп., I, № 10 (1390). См. также другія цитаты ниже. О городной осадѣ см. Госуд. Служ. люди, с. 299, прим. 14.

[3]) Здѣсь въ лицѣ дворныхъ людей—дворянъ они сближаются съ невольными слугами. Та же близость вассаловъ къ несвободнымъ или полусвободнымъ дворовымъ слугамъ замѣчена и на западѣ; Вайцъ даже весь вассалитетъ выводитъ изъ такой дворовой службы.

Часть исполняетъ различныя должности по мѣстному гражданскому управленію; служитъ намѣстниками, волостелями, доводчиками: управителями—кормленщиками.

Служебныя обязанности вассаловъ обозначаются общими терминами: servitium и obsequium—служба. Отношеніе вассала къ господину, замѣчаетъ Вайцъ, обозначается словами *служить* (*servire*) *служба* (*servitium*); вассалъ называется иначе *слугою* [1]). Наши грамоты говорятъ о *боярахъ и слугахъ*, при чемъ по существу ни въ чемъ не отличаютъ бояръ отъ слугъ. Боярами назывался высшій разрядъ слугъ князя. Отношеніе къ князю обозначается, точно такъ же какъ на западѣ, словами *служить*, *служба*. Помимо всего прочаго, такимъ образомъ и самая терминологія даетъ основаніе для тѣснаго сближенія нашихъ удѣльныхъ *бояръ-слугъ* съ *вассалами-слугами*.

6. Свободную боярскую военную службу отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ принудительной военной повинностью подданныхъ. Эта послѣдняя проистекаетъ изъ территоріальнаго подданства. Служба же боярина обусловливается, какъ и служба вассальная, особою его личною договорной связью съ княземъ. Въ такомъ именно личномъ характерѣ вассалитета заключается важнѣйшая его черта, важнѣйшее его отличіе отъ государственнаго подданства, съ которымъ онъ нерѣдко вступаетъ въ конфликтъ [2]). Личный, дружинно-вассальный характеръ службы удѣльнаго боярина-слуги явственно виденъ изъ договорныхъ грамотъ. Во многихъ договорахъ вассальная служба боярина отдѣляется отъ его государственнаго подчиненія мѣстной власти въ отношеніи суда и дани. Боярин, владѣющій землею и живущій въ данномъ княжествѣ, весьма часто является „слугою“ не мѣстнаго, а иного князя. Предоставляя такому боярину „служить“, кому онъ хочетъ, договорныя грамоты обязываютъ его въ отношеніи дани и суда подчиняться мѣстному князю: „А кто *служитъ* намъ или тобѣ, *а живетъ* въ нашей вотчинѣ, въ великомъ княженьи, или въ твоей вотчинѣ во Тфери, и на тыхъ намъ [взаимно] взяти дань, какъ и на своихъ, по цѣлованью, безъ хитрости“ (1368). Судомъ и данью боярин обязанъ „потянути по землѣ и по водѣ“, но на войну онъ идетъ непремѣнно съ воеводою того князя, которому служитъ;

[1]) „Anderer Seits wird das Verhältniss zum Herrn als ein Dienen (servire), Dienst (servitium) bezeichnet; der Vassall heisst um des Willen auch wohl selber Diener (famulus, puer)“: *G. Waitz*, т. IV, 272—273.

[2]) „Die Dienstpflicht der Vassallen konnte in Konflikt treten mit den öffentlichen Unterthanenpflichten“: *H. Brunner*, II, 269.

договоры не нарушаютъ существа вассальной боярской службы: „а кто которому князю служитъ, гдѣ бы ни жилъ, тому съ тѣмъ княземъ и ѣхати, кому служитъ“ (1390) [1]).

Выборъ господина сеньера зависѣлъ единственно отъ желанія слугъ-вассаловъ. Могущественный и доблестный сеньеръ имѣлъ много вассаловъ, потому что многіе добивались чести и выгодъ, связанныхъ со службой ему. Яркое указаніе на эти отношенія даетъ тверская лѣтопись, разсказывая, какъ тверской князь Василій привлекалъ къ себѣ слугъ своею доблестью: „зѣльно мнози служаху ему... сынове сильныхъ прилагахуся ему“ (1362) [2]).

7. Боярин, военный слуга, былъ *вольнымъ слугою* своего князя-господина. Онъ сохранялъ за собою право во всякое время, по своему усмотрѣнію, порвать свою служебную связь съ господиномъ. Эта свобода боярской службы, право отъѣзда или право отказа, существовала до конца удѣльнаго порядка. Въ договорныхъ грамотахъ постоянно встрѣчается извѣстная статья: „*а боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля*“. Великіе и удѣльные князья не только всегда подтверждали боярское право отъѣзда, но даже взаимно обязывались не гнѣваться, „не держать нелюбья“ на отъѣхавшихъ слугъ, и „не посягати на нихъ безъ исправы“.

Мнѣ предстоитъ теперь обсудить весьма важный вопросъ, въ какой мѣрѣ эта свобода нашей боярской службы отвѣчаетъ основнымъ началамъ вассалитета. Хорошо извѣстно, что по законамъ каролинговъ свобода службы вассаловъ отнюдь не была столь безусловной. Карлъ Великій постановилъ въ капитуляріи 813 года, что никто не долженъ оставлять своего сеньера, если только сеньеръ не совершитъ явнаго насилія въ отношеніи своего слуги: покусится на его жизнь, побьетъ палкой, обезчеститъ его жену или дочь, или, наконецъ, отниметъ его вотчину (hereditas). Не здѣсь ли и заключается тотъ су-

---

[1]) С. Г. Г. и Д., I, № 28 (1368) и А. А. Э., I, № 10 (1390). Для большей ясности приведемъ въ связи постановленія о боярахъ изъ договора 1389 г.: а) „А боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля b) А кто живетъ твоихъ бояръ въ нашихъ удѣлѣхъ и въ отчинѣ въ великомъ княженьи, а тѣхъ ны, блюсти какъ и своихъ, и дань взяти, какъ и на своихъ“ (и vice versa) с) въ случаѣ войны „которые бояре твои живутъ въ нашихъ удѣлѣхъ и въ вел. княженьи, а *ны бояре съ тобою*; а коли ми послати своихъ воеводъ изъ которыхъ городовъ, и *твои бояре поидутъ съ твоимъ воеводою*; а твой воевода съ моимъ воеводою вмѣстѣ“: С. Г. Г. Д., № 35 (1389).

[2]) П. С. Р. Л., т. XV, с. 469. Тамъ же нѣсколько выше: „вси сынове тверстіи прилагахуся къ нему и храбро служаху ему“, с. 468.

щественный пунктъ различія между боярской службой и вассалитетомъ, который разрушаетъ въ корень устанавливаемое мною тожество этихъ учрежденій?

Къ такому именно выводу о коренномъ различіи между боярской службой и вассальной пришелъ Б. Н. Чичеринъ, противопоставившій временный характеръ боярской службы постоянству вассальнаго договора. Начало вольной службы удѣльнаго времени Чичеринъ совершенно правильно ведетъ отъ вольной дружины древнѣйшаго кіевскаго періода. „Это выраженіе: *люди вольные*—говоритъ онъ—совершенно соотвѣтствуетъ слову *франки*, hommes francs, которое на западѣ означало то же самое понятіе. Оба явленія принадлежатъ одному времени и сходны между собою, потому что происходятъ изъ одного источника, именно изъ дружиннаго начала, изъ этого союза лицъ, совершенно свободныхъ, никому не подчиненныхъ и соединенныхъ между собою единственно договоромъ. Этотъ дружинный типъ, разбивши первоначальную родовую связь, вошелъ какъ составной элементъ, въ большую часть гражданскихъ отношеній того времени. Но на западѣ бродячая жизнь франковъ скоро превратилась въ подчиненіе, хотя личное, договорное, однако, постоянное. Тамъ дружины пришли въ столкновеніе съ предыдущею, развитою гражданственностію; тамъ самая природа страны мало способствовала кочеванію. И вотъ мы съ раннихъ временъ видимъ ограниченія перехода слугъ... Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ постановленій нельзя не видѣть государственныхъ стремленій, которыми тогдашніе короли и императоры пытались воскресить Римскую Имперію. Но во всякомъ случаѣ это сообщало *договорамъ постоянный, наслѣдственный характеръ, который не только сохранился, но еще болѣе развился при утвержденіи феодализма.* У насъ же до самого образованія Московскаго государства бояре и слуги свободно переѣзжали отъ князя къ князю и договоры носили характеръ временный“ (Опыты, 334).

Итакъ, вассальная связь, вассальный договоръ, по мнѣнію Чичерина, есть договоръ постоянный, прочный, неразрывный; служебная же связь боярина съ княземъ — временная, слабая, совершенно свободная. Съ одной стороны „прочность и крѣпость гражданскихъ отношеній“, съ другой—„совершенная ихъ шаткость“. Это блестящее и столь мѣткое на первый взглядъ противоположеніе обнаруживаетъ, однако, полную „шаткость“ при первомъ же обращеніи къ трудамъ историковъ феодализма.

При сравненіи боярской службы и вассалитета, какъ двухъ правовыхъ институтовъ, прежде всего важно отмѣтить, что западно-

европейскіе историки отнюдь не считаютъ неразрывность вассальной связи, которую пытался утвердить Карлъ Великій и ближайшіе его преемники, существеннымъ элементомъ вассалитета. На капитуляріи Карла они смотрятъ, какъ на постановленіе, шедшее въ разрѣзъ съ основнымъ началомъ уже сложившагося института, какъ на законъ, стремившійся измѣнить обычай, но его вполнѣ не измѣнившій. Вассально-служебная связь, на западѣ совершенно такъ же, какъ у насъ, выросла изъ связи дружинной и должна была сохранить, присущій послѣдней, принципъ полной свободы. Если мы будемъ противопоставлять, какъ сдѣлалъ Б. Н. Чичеринъ, постоянную вассальную службу временной, вольной службѣ боярской, то въ такомъ случаѣ должны будемъ признать, что въ этой послѣдней, лучше и полнѣе выразилось одно изъ основныхъ началъ германскаго вассалитета. Но, на самомъ дѣлѣ этого не было. Близость нашихъ удѣльныхъ учрежденій къ феодальнымъ столь велика, что всѣ основныя черты, весь скелетъ вассалитета совпадаетъ съ скелетомъ соотвѣтствующаго русскаго института — боярской службы.

Что неразрывность вассальной связи отнюдь не опредѣляла существо вассалитета, это показываетъ неувѣренность и колебанія законодательной власти, пытавшейся установить эту неразрывность. Карлъ Лысый въ 847 г., ссылаясь на узаконенія своихъ предшественниковъ, постановилъ, чтобы никто не оставлялъ своего сеньера безъ справедливой причины (sine justa ratione), и велѣлъ затѣмъ, черезъ короткое время, въ 856 г. разрѣшилъ переходъ вассаламъ, которымъ почему-либо не нравится ихъ сеньеръ (cui suus senioratus non placet) [1]). Вассалъ обязывался быть вѣрнымъ до тѣхъ поръ, пока онъ не порвалъ служебнаго договора, пока онъ служитъ и владѣетъ бенефиціемъ: „я сохраню вѣрность, какъ тебѣ обѣщалъ, пока буду твоимъ и буду владѣть твоимъ имѣніемъ:“ fidelitatem, sicut tibi promisi, adteneam, quamdiu tuus fuero et tua bona tenuero [2]). Въ этомъ обязательствѣ нѣтъ и тѣни указанія на постоянство, неразрывность до-

---

[1]) *Waitz*, IV, 266, 267 прим. 2 и 1.

[2]) Другое такое же свидѣтельство даетъ Auctor vetus: „quamdiu homo suus sit et beneficia ab eo habuerit“: *Waitz*, т. VI, с. 70, прим. 3. Приводя эти свидѣтельства, противорѣчащія взгляду на неразрывность вассальскаго договора, Вайцъ излагаетъ ихъ, опуская слова „quamdiu homo suus sit“, и „quamdiu tuus fuero“. Въ другихъ извѣстіяхъ вассалы клянутся быть вѣрными, но отнюдь не даютъ обѣщанія служить до смерти или не покинуть господина. См. напр. цитату у Вайца, т. VI, с. 71, прим. 3.

говора. Вассалъ обѣщается служить вѣрно до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ слугою господина.

Указывая на связь вассальныхъ отношеній съ дружинными, и опредѣливъ послѣднія, какъ „связь чисто личную и совершенно свободную", Гизо замѣчаетъ, что „та же свобода продолжала существовать" и послѣ земельной осѣдлости дружины. „Карлъ Великій предпринялъ, съ одной стороны, опредѣлить, въ какихъ случаяхъ коммендатъ можетъ покинуть своего патрона, съ другой стороны, обязать каждаго свободнаго человѣка избрать себѣ патрона". Но — говоритъ Гизо—„Charlemagne n'obtint pas tout ce qu'il voulait; *longtemps encore une extrême mobilité* régna dans ce genre de rapports". Таже неустойчивость отношеній характерна и для позднѣйшаго времени разцвѣта феодализма: „вассалы часто имѣли притязаніе на то, что они могутъ порвать феодальную связь и отдѣлиться отъ ихъ сюзерена произвольно, безъ всякаго повода, единственно по своему желанію. Правда, памятники феодальнаго законодательства не признаютъ этихъ притязаній законными"... Законодательство пыталось положить предѣлъ, оформить „эту возможность разлучаться, порывать соціальную связь, но она тѣмъ не менѣе оставалась *первоначальной и господствующей основой феодализма*"? (*le principe primitif et dominant de la féodalité*) [1]).

Королевская власть была слишкомъ слаба, чтобы заставить уважать законъ, шедшій въ разрѣзъ съ феодальной свободой. Капитуляріи Карла Великаго и его сыновей не были забыты во Франціи и въ позднѣйшее время, въ XI, XII вѣкахъ; но они получили особое значеніе. Въ нихъ видѣли не ограниченіе свободы, а подтвержденіе права вассала порвать связь съ сеньеромъ, если онъ не исполнитъ обязанностей вѣрности и покровительства. Найти поводъ для обвиненія сеньера въ нарушеніи его обязанностей, вообще, было не трудно. Вассалы пользовались этимъ, какъ указываетъ Люшеръ, чтобы подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ перенести на другого сюзерена свои fidelitas et hommagium. Названный историкъ приводитъ рядъ примѣровъ такого перехода крупныхъ феодаловъ отъ одного сюзерена къ другому въ XII вѣкѣ и говоритъ о „*феодальной независимости, доведенной до крайнихъ предѣловъ*" [2]). Гдѣ же то постоянство, та нераз-

[1]) *M. Guizot,* Histoire de la civilisation en France, éd. 1859, т. III, с. 250—251, т. IV, с. 72—73, ср. с. 28.

[2]) „L'indépendance féodale, ainsi poussée à ses dernières limites, mettait en danger l'existence même de la monarchie et retardait la formation définitive da la

рывность вассальныхъ отношеній, которую Чичеринъ противополагаетъ вольной службѣ удѣльныхъ бояръ?

Установленное Карломъ Великимъ ограниченіе свободы службы вассаловъ совершенно не привилось въ германскихъ странахъ. Нѣмецкій феодализмъ отличается отъ французскаго меньшей формальностью вообще и въ частности полнымъ признаніемъ вольности вассаловъ. „Нѣмецкое и лангобардское ленное право,—говоритъ Брунеръ — не даютъ указаній на неразрывность вассалитета (Unkündbarkeit). То и другое право въ этомъ пунктѣ *вернулось къ основоположеніямъ германскаго дружиннаго быта*. А именно считалось, что вассалъ правоспособенъ при условіи возвращенія лена, разорвать служебное отношеніе [1]).

Вайцъ, не имѣя достаточной опоры въ источникахъ, утверждаетъ, что и въ Германіи, въ ленный періодъ, вассалъ могъ *по праву* оставить господина, только въ томъ случаѣ, если господинъ не исполнялъ своихъ обязанностей вѣрности и покровительства, и указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что дѣйствительность мало соотвѣтствовала праву. „Памятники XI столѣтія наполнены отзвукомъ жалобъ на то, что присяга, принесенная князьями королю и вассалами своимъ господамъ, мало почитается, часто нарушается только изъ погони за выгодой, чтобы отъ другихъ получить бо́льшія преимущества, новые лены". Во время частыхъ междоусобій князей соперниковъ—продолжаетъ Вайцъ—„вассалы присоединялись то къ одной сторонѣ, то къ другой, оставляли своихъ старыхъ господъ, чтобы отъ новыхъ получить большія выгоды... Здѣсь властвовала сила обстоятельствъ и давала просторъ произволу" [2]). Въ этомъ произволѣ, однако, сохранялась древняя дружинная воля и выражался важный обычный принципъ свободной вассальной связи. Одна и та же шаткость отношеній господствовала у насъ и на западѣ. Разница только въ томъ, что нѣкоторые феодальные короли тщетно пытались ограничить свободу

---

nationalité": *Achille Luchaire*, Histoire des institutions monarchiques de la France sous les premiers capétiens, t. III, 1883, c. 40—41.

[1]) *H. Brunner*, т. II, 221. Явившееся у франковъ „die Beschränkung der Kündbarkeit beruht wahrscheinlich auf einer Einwirkung der Gallo-römischen Patronatsverhältnisse, die auf Lebenszeit eingegangen wurden, wie sich denn überhaupt daraus die strengere Ausgestaltung erklären dürfte, die das Lehnwesen in Frankreich erfuhr. Da die Staatsgewalt aus militärischen Gründen ein Interesse hatte, das Band der Vassalität zu festigen, trat sie zu Gunsten der Unkündbarkeit in die Schranken: idem, c. 233.

[2]) *G. Waitz*, Deutsche Verf.-Gesch., т. VI, изд. 1896, с. 98, 101.

вассаловъ; наши же удѣльные князья открыто признавали своихъ бояръ *вольными слугами*.

Впрочемъ, и въ нашемъ договорномъ правѣ удѣльнаго времени можно очень рано найти попытки ограниченія права отъѣзда вольныхъ бояръ. Новгородъ, напримѣръ, въ 1368 г. рѣшился установить правиломъ — конфискацію земель отъѣхавшихъ бояръ. На практикѣ такая мѣра, по всей вѣроятности, нерѣдко примѣнялась всѣми князьями; гнѣваясь на отъѣхавшаго боярина, они, вѣроятно, нерѣдко отнимали у него землю. Но Новгородъ установилъ открыто такой порядокъ въ договорѣ 1368 г., заявивъ, что, въ случаѣ отъѣзда новгородскихъ бояръ къ великому князю Тверскому, ихъ „села, земли и воды" будетъ вѣдать Великій Новгородъ, „а ты бояромъ и слугамъ ненадобѣ" (№ 28). Естественно, такая мѣра, не отмѣняя права отъѣзда, должна была сильно стѣснить возможность пользованія этимъ правомъ.

Другія договорныя ограниченія права отъѣзда еще ближе стоятъ къ западно-европейскимъ, законодательнымъ и также договорнымъ ограниченіямъ свободы вассальной службы. Эта послѣдняя ограничивалась главнымъ образомъ въ виду того, что вассалъ обыкновенно владѣлъ бенефиціемъ; ограниченія относились главнымъ образомъ къ вассаламъ-бенефиціаламъ. У насъ точно также еще въ XIV вѣкѣ князья дѣлаютъ попытки отнять право перехода у тѣхъ слугъ, которые владѣли землею, пожалованною имъ подъ условіемъ службы (бенефиціемъ), а именно „слугъ подъ дворскимъ". Князья взаимно обязывались: „Слугъ, которые потягли къ дворскому, въ службу не приимати" (1368).

8. Разсмотрѣвъ обязанности вассала-слуги, мы должны разсмотрѣть, въ чемъ заключались обязанности господина въ отношеніи къ его вассалу.

Главной обязанностью господина было покровительство своему вассалу. Это покровительство и даетъ основаніе нѣкоторымъ историкамъ тѣсно сближать вассалитетъ съ патронатомъ, видѣть въ немъ по преимуществу одно изъ отношеній защиты. Выраженіемъ или послѣдствіемъ этого покровительства были привилегіи вассала въ области судебнаго процесса. Королевскіе вассалы имѣли право апелляціи къ королю: недовольные судебнымъ рѣшеніемъ графа они могли перенести свое дѣло на личный судъ короля (или замѣнявшаго его въ этихъ случаяхъ высшаго сановника, палатнаго графа). Во Франціи въ позднѣйшее время вассалъ по общему правилу во всѣхъ судеб-

ныхъ дѣлахъ подлежалъ юрисдикціи своего сеньера. Въ Германіи же юрисдикція сеньера въ отношеніи вассаловъ ограничивалась дѣлами, касавшимися ленныхъ отношеній.

Наши жалованныя грамоты сохранили указанія на принадлежность боярамъ-вассаламъ Удѣльной Руси судебныхъ преимуществъ того же порядка. Получая иммунитетныя привилегіи, бояре и слуги освобождались вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенно отъ подсудности намѣстникамъ и получали право на личный судъ великаго князя или его боярина введеная.

Кромѣ покровительства, господинъ долженъ былъ давать своему вассалу также и матерьяльную помощь. Наши великіе князья, также какъ западно-европейскіе сеньеры, „*кормили по службѣ*“ своихъ слугъ. Они, съ одной стороны, давали имъ въ управленіе—кормленіе волости, съ другой стороны, жаловали имъ земли въ собственность или въ условное владѣніе. О тожественныхъ съ бенефиціями нашихъ „жалованьяхъ — служнихъ земляхъ“ удѣльнаго времени я буду говорить подробнѣе дальше во второй главѣ.

9. Итакъ, всѣ основныя черты боярской службы совпадаютъ съ основными чертами вассалитета. Скелеты обоихъ этихъ учрежденій тожественны. Наши бояре удѣльнаго времени, наравнѣ съ вассалами, суть вольные военные слуги землевладѣльцы, получающіе отъ князя-господина за службу покровительство и матерьяльную помощь въ видѣ земли и доходныхъ должностей (бенефиціи — жалованія). Они связаны съ княземъ независящимъ отъ территоріальнаго подданства свободнымъ договоромъ о службѣ. Мы знаемъ содержаніе нашего вассально-служебнаго договора; посмотримъ теперь, какими обрядностями онъ закрѣплялся.

Въ нашихъ источникахъ сохранилось нѣсколько любопытныхъ указаній на существовавшія у насъ въ древности символическія обрядности разнаго рода, сходныя и тожественныя съ германскими [1]). Однако, при заключеніи договора о службѣ у насъ не употреблялись ни коммендація, ни инвеститура. Коммендаціи — „поручительству“ у насъ соотвѣтствовало челобитье. Въ выраженіи „бить челомъ въ службу“, по всей видимости, сохранился слѣдъ дѣйствительно совершавшагося прежде обряда. Лица, вступавшія въ службу, „били челомъ въ землю“ на дѣлѣ, въ знакъ своего подчиненія. Въ

[1]) Напримѣръ, отводъ межи съ дерномъ на головѣ. Собранныя мною данныя о такихъ обрядностяхъ сообщу въ другомъ мѣстѣ.

этой обрядности челобитья нѣтъ основанія видѣть бо́льшую униженность нашего обряда коммендаціи и тѣмъ менѣе дѣлать отсюда выводъ о бо́льшей подчиненности нашихъ слугъ, въ сравненіи съ васалами. Обрядъ коммендаціи на западѣ въ позднѣйшее время совершали, стоя на колѣняхъ, иногда даже на колѣняхъ касались ногъ господина [1]). Отъ колѣнопреклоненія уже недалеко до челобитья [2]).

Вступленіе въ вассальную связь называлось на западѣ *коммендаціей* (se commendare, commendatus), терминами, которые употреблялись также для обозначенія всякаго рода отношеній защиты. Въ нашей древности были термины, вполнѣ соотвѣтствующіе словамъ se commendare, commendatus: закладываться-задаваться, закладень. Эти слова у насъ, однако, употреблялись для обозначенія однихъ только отношеній защиты, но не вассально-служебной связи. Для обозначенія вступленія въ службу было особое слово *приказаться*. Но имъ пользовались рѣдко: о боярахъ и слугахъ, вступающихъ въ службу, говорили обыкновенно: „имегъ служити", „учнетъ служити" и „билъ челомъ въ службу" [3]).

При разрывѣ вассальнаго договора на западѣ употреблялась обрядность экфектукаціи — преломленія соломы. Обрядность эта имѣла совершенно такое же значеніе, какъ существующій донынѣ актъ объявленія войны. По воззрѣніямъ того времени отказъ отъ службы, самъ по себѣ, не заключалъ въ себѣ ничего предосудительнаго, не былъ измѣной, хотя бы онъ былъ сдѣланъ при обстоятельствахъ, крайне затруднительныхъ для господина. Въ правѣ отказа выражалась дружинно-вассальная свобода. Измѣнникомъ считался только тотъ васалъ, который покинетъ своего сеньера, не заявивъ ему открыто о своемъ отказѣ; только въ такомъ случаѣ на него падала „magna et perpetua infamia". Васалъ волент оставить господина, но онъ въ такомъ случаѣ, какъ указываетъ Вайцъ, „долженъ былъ формально взять назадъ вѣрность, и въ особенности прежде, чѣмъ онъ этого не сдѣлалъ, не начинать противъ господина враждебныхъ дѣйствій" [4]).

---

[1]) Genua flectunt, pedibusque manus supponunt, *Waitz*, т. VI, с. 67, прим. 1.

[2]) Въ Галицкихъ пѣсняхъ встрѣчаются указанія на пожалованіе дружинникамъ при вступленіи въ службу *коня* и *оружія*, совершенно такъ же какъ на западѣ. Добрый панъ „daje na rik po sto czerwonych, *po konykowy taj po szabelsi*, po pari sukon, taj po szaroczi"... (*Соловьевъ*, Ист. Россіи, кн. I, т. I, с. 265—266.

[3]) „Биди челомъ великому князю въ службу бояре Новгородскіе и всѣ дѣти боярскіе и житіи; да приказався вышли отъ него", (1478): П. С. Р. Л., т. VIII, с. 197.

[4]) *G. Waitz*, т. VI, с. 100, прим. 1, 2 и с. 96, прим. 2.

Лѣтопись сохранила намъ драгоцѣнное извѣстіе о такомъ формальномъ отказѣ бояръ отъ службы. Когда нижегородскіе бояре въ 1392 г. рѣшили оставить своего князя Бориса Константиновича и перейти къ врагу его, московскому князю, то старѣйшій изъ бояръ Василій Румянецъ открыто заявилъ своему князю: „*господине княже, не надѣйся на насъ, уже бо есмы отнынѣ не твои, и имѣти есмя съ тобою, но на тя есмы*“ [1]).

В. И. Сергѣевичъ [2]), отмѣтивъ это извѣстіе, прекрасно оцѣнилъ его смыслъ: у нижегородскихъ бояръ „и подозрѣнія не было о томъ, что они измѣняютъ своимъ обязанностямъ. Наоборотъ, рѣчь Румянца проникнута сознаніемъ права ихъ сдѣлать то, что они сдѣлали. Нижегородскіе бояре не украдкой перебѣгаютъ къ противнику своего господина; они дѣлаютъ это на глазахъ всѣхъ и сами торжественно заявляютъ о своемъ переходѣ“—буквально такъ же, прибавлю я, какъ западно-европейскіе вассалы. Въ удѣльной Руси мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ тѣ же самыя воззрѣнія, тѣ же самыя отношенія, тѣ же самыя учрежденія, что́ и въ феодальной Европѣ.

10. Весьма важной чертой феодальнаго государственнаго строя является фактъ существованія вассаловъ—военныхъ слугъ не только у короля — главы государства, но и у частныхъ лицъ — крупныхъ землевладѣльцевъ. Частныя лица въ феодальномъ государствѣ имѣютъ своихъ военныхъ слугъ, независящихъ отъ верховной власти, и этимъ обезпечиваютъ свою феодальную самостоятельность. Военные слуги частныхъ лицъ, служатъ своимъ сеньерамъ на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какъ и королевскіе вассалы, по одинаковому вассальному договору.

Въ Удѣльной Руси военные слуги также были не только у великихъ князей, но и у частныхъ лицъ. Наши бояре—военные вассальные слуги князей, въ свою очередь, также какъ западные васеалы, имѣли своихъ военныхъ слугъ, своихъ подвассаловъ, вавассеровъ или arrière-вассаловъ, какъ ихъ называли на западѣ.

Отъ кіевскаго времени сохранился рядъ цѣнныхъ указаній на боярскія дружины. Виднѣйшіе княжескіе дружинники имѣли свои собственные отряды военныхъ слугъ, не смѣшивавшіеся съ княжеской дружиной. Лѣтописецъ именуетъ боярскихъ дружинниковъ одинаково съ княжескими — „отроками“. Напомню хорошо извѣстную цитату:

[1]) Никоновская лѣт., 1392; П. С. Р. Л, т. XI, с. 148.
[2]) Р. Юрид. Древн., т. I, с. 315.

„Въ се же лѣто рекоша дружина Игореви: отроци Свѣньлъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази: поиди княже съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы“ (945 г.). Русская Правда содержитъ особое постановленіе о наслѣдованіи лицъ, принадлежавшихъ къ боярскимъ дружинамъ: „аще въ боярстѣй дружинѣ, то за князя задница не йдетъ“ (ст. 86, Мус.-Пушк. списк.). Эта статья, какъ и приведенное мѣсто изъ лѣтописи, ясно указываютъ на обособленное, независимое отъ князя, положеніе боярскихъ дружинниковъ, которые, также какъ позднѣйшіе подвассалы, не были непосредственно лично подчинены князю и зависѣли отъ него только черезъ посредство своего господина, служившаго князю [1]).

Въ удѣльное время, съ переходомъ дружинныхъ отношеній въ отношенія вассальныя, съ превращеніемъ княжескихъ дружинниковъ въ слугъ—вассаловъ князя, измѣнилось соотвѣтственно и положеніе дружинниковъ боярскихъ. Значительная часть ихъ осѣла на землю, сохранивъ военно-служебную связь съ боярами. Боярскіе дружинники сдѣлались военными слугами бояръ, ставъ къ нимъ въ тѣ же отношенія, въ какихъ ихъ господа-бояре стояли къ князьямъ-сеньерамъ. Наши источники XV, XVI вѣковъ сохранили немногія, но вполнѣ убѣдительныя указанія на то, что боярскія дружины не исчезли безслѣдно въ удѣльное время и превратились въ дворы боярскихъ слугъ—подвассаловъ.

„Какъ Богъ поручилъ великому князю Ивану Васильевичу подъ его державу Великій Новгородъ и по его государеву изволенію *расшущены изъ княжескихъ дворовъ и изъ боярскихъ служилые люди*. И тутъ имъ имена, кто чей бывалъ, какъ ихъ помѣстилъ государевъ писецъ, Дмитрій Китаевъ“. Этимъ боярскимъ служилымъ людямъ Іоаннъ III далъ помѣстья изъ земель, отобранныхъ у новгородскихъ бояръ. Намъ хорошо извѣстны и имена этихъ людей и размѣры данныхъ имъ боярщинокъ въ 7, 11, 13 деревень съ населеніемъ въ 16, 18, 33 человѣка крестьянъ [2]).

Историки давно обратили вниманіе на это извѣстіе. Но разематривая его, внѣ связи съ подобными фактами, обнаруживающими феодальныя

[1]) Не привожу здѣсь другихъ извѣстій, собранныхъ *М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ*, Обзоръ, с. 32, и *В. И. Сергѣевичемъ*, Р. Юр. Др., т. I, с. 302—303. Цифры лѣтописи для состава боярскихъ дружинъ, въ 3.000 и 1.700 человѣкъ, несомнѣнно преувеличены.

[2]) *Карамзинъ*, т. VI, прим. 201. *Временникъ* М. Общ. Ист. и Др. кн. XI. *Приморскій*, Опис. рукоп. Археол. Общ. 1879. *П. Павловъ-Сильванскій*, Рос. служ. люди, с. 309.

черты удѣльныхъ порядковъ, нѣкоторые наши историки склонялись къ мысли, что эти боярскіе служилые люди или послужильцы были ничѣмъ другимъ, какъ боярскими холопами. При такомъ объясненіи, однако, разсматриваемое извѣстіе возбуждаетъ рядъ недоумѣній. Почему Іоаннъ III обратилъ вниманіе на боярскихъ холоповъ? зачѣмъ онъ счелъ нужнымъ распустить ихъ изъ боярскихъ дворовъ? наконецъ, какъ онъ могъ возвысить ихъ въ такое привилегированное положеніе, надѣлить помѣстьями, сдѣлать изъ боярскихъ холоповъ своихъ государевыхъ служилыхъ людей, несмотря на полную ихъ неподготовленность къ такой роли? Всѣ эти недоумѣнія исчезаютъ, разъ только мы отрѣшимся отъ стремленія объяснять своеобразные порядки Удѣльной Руси болѣе близкими намъ позднѣйшими отношеніями московскаго времени. Іоаннъ III перевелъ на новгородскія боярщины не боярскихъ холоповъ, а боярскихъ служилыхъ людей, которые своей предшествовавшей военной службой боярамъ вполнѣ были подготовлены для военной службы государю. Выраженіе „распущены изъ боярскихъ дворовъ“, конечно, нѣтъ основаній понимать буквально въ томъ смыслѣ, что послужильцы жили въ боярскихъ дворахъ; это общее выраженіе указываетъ только на принадлежность послужильцевъ къ боярскимъ дворамъ. Принадлежа къ боярскому двору, такъ же какъ государевы дворяне принадлежали къ государеву двору, они владѣли землею, собственною или пожалованною. Только такихъ послужильцевъ-землевладѣльцевъ, боярскихъ слугъ помѣщиковъ государь и могъ надѣлить боярщинами—населенными имѣньями, какъ людей опытныхъ уже въ помѣщичьемъ хозяйствѣ. Выводя служилыхъ людей изъ боярскихъ дворовъ, Іоаннъ III, очевидно, хотѣлъ ослабить феодальную самостоятельность бояръ и князей, опиравшуюся на дворы собственныхъ ихъ военныхъ слугъ, и это его распоряженіе стоитъ въ связи съ рядомъ мѣропріятій, направленныхъ къ уничтоженію удѣльно-феодальныхъ порядковъ и завершенныхъ опричниной Іоанна Грознаго. Подобно этому, объясняетъ разсматриваемое мѣропріятіе Іоанна III В. И. Сергѣевичъ: „Крѣпнущее изо дня въ день московское государство начинаетъ находить для себя неудобными старые порядки. Его уже безпокоятъ дружины бояръ (= боярскіе служилые люди) и вотъ онъ распускаетъ ихъ изъ боярскихъ дворовъ, но для того, чтобы помѣстить ихъ на собственныхъ земляхъ. *Изъ служилыхъ людей бояръ, они становятся непосредственно служилыми людьми московскаго государя*“ [1]).

[1]) Р. Юридич. Древн., т. I, с. 303, (Курсивъ мой). Ср. *В. И. Сергѣевичъ*,

Въ Тверскомъ княжествѣ, поздно присоединенномъ къ Москвѣ, старые феодальные порядки сохранились дольше, чѣмъ въ Московскомъ государствѣ. Тверская писцовая книга 1548 г. даетъ намъ любопытнѣйшую картину разсматриваемыхъ служебныхъ отношеній, сохранившихся въ видѣ неожиданнаго архаизма до начала царствованія Іоанна Грознаго. Здѣсь мы встрѣчаемъ много боярскихъ служилыхъ людей, такихъ же послужильцевъ, какихъ Іоаннъ III выводилъ изъ боярскихъ дворовъ, и находимъ опредѣленнѣйшія указанія на характеръ ихъ отношеній къ господамъ, не имѣющій ничего общаго съ холопствомъ. Описывая вотчинныя земли тверскихъ дѣтей боярскихъ, писцовая книга отмѣчаетъ, кому они служатъ. Всѣ дѣти боярскія, надѣленныя помѣстьями изъ государевыхъ земель, естественно „служатъ царю и великому князю"; ему служитъ и большая часть дѣтей боярскихъ вотчинниковъ. Этотъ терминъ—служить—имѣетъ въ этой книгѣ, какъ и въ другихъ памятникахъ, спеціальный смыслъ службы военной [1]). И вотъ, наряду съ дѣтьми боярскими, служащими государю, мы встрѣчаемъ здѣсь большое число такихъ же дѣтей боярскихъ вотчинниковъ, „служащихъ" частнымъ лицамъ княжескихъ и некняжескихъ родовъ. „Въ Микулинскомъ же уѣздѣ села и деревни бояръ и дѣтей боярскихъ тверичъ и микулинцевъ"—читаемъ въ писцовой книгѣ и затѣмъ послѣ каждаго описанія мелкихъ имѣній дѣтей болрскихъ находимъ слѣдующія отмѣтки о ихъ службѣ: „Юмранъ служитъ царю и великому князю, а братья его служатъ князю Дмитрею Ивановичю Микулинскому, Алабышъ не служитъ никому"—„Огарокъ служитъ князю Семену Ивановичю Микулинскому, а Шестой служитъ Василью Петровичю Борисова"; „Иванъ служитъ царю и великому князю, а Богданъ служитъ владыкѣ тверскому". Особенно знаменательно это противопоставленіе: службы царю и службы частнымъ лицамъ [2]). Эти дѣти боярскія владѣли небольшими имѣніями отъ 12 до

„Древности русскаго землевладѣнія": *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1900, № 9, 72, примѣчаніе.

[1]) Писцов. книги XVI вѣка. *Н. Калачова*, отд. II, с. 140—291. Книга отмѣчаетъ изрѣдка, по какой десятнѣ служитъ тотъ или иной сынъ боярскій: см. напр. с. 164, 217. О лицахъ, служащихъ государю въ ключникахъ, сытникахъ, конюхахъ, въ посошныхъ воеводкахъ, книга даетъ особыя отмѣтки, не употребляя термина „служить": „Гриди служитъ царю и великому князю, Ивашко да Васка царя и вел. князя конюхи", с. 171, id. с. 185; „Ивашко служитъ царю и вел. князю, а Третьякъ въ сытникѣхъ", с. 213, id. 235; „Михайло не служитъ никому, а живетъ въ губныхъ старостахъ въ Микулинѣ, с. 242.

[2]) Писцов. книги *Н. Калачова*, отд. II, с. 184, 127.

100 четей пахотной земли въ одномъ полѣ, а въ дву потому жъ [1]).

Изъ числа частныхъ лицъ они служили какъ князьямъ: Микулинскимъ, Мстиславскому, Голицыну, Ростовскому, Курлятеву, Оболенскимъ, Серебряному, Щепину, Лопатину, такъ и лицамъ нетитулованнымъ: В. П. и Г. Т. Борисовымъ, Морозову, Умному, Пятому-Поношину, Яхонтову, Житому, Дѣю Заборовскому; кромѣ того, удѣльному князю Владиміру Андреевичу и тверскому владыкѣ [2]). Писцовая книга называетъ этихъ дѣтей боярскихъ иногда *слугами*: Петруша Бураковъ „слуга" княгини Микулинской, „служитъ княгинѣ", ясно отличая ихъ отъ холоповъ—людей [3]). Эти боярскіе слуги—служилые люди сами владѣютъ холопами [4]).

11. О многихъ тверскихъ дѣтяхъ боярскихъ писцовая книга отмѣчаетъ: „служитъ тверскому владыкѣ". Что касается такихъ владычныхъ, или архіерейскихъ дѣтей боярскихъ, а также бояръ, то о нихъ мы имѣемъ довольно много свѣдѣній, проливающихъ яркій свѣтъ на изучаемыя отношенія военной вассальной службы частнымъ лицамъ вообще. Духовные владыки нашей древности, митрополиты и архіепископы носятъ рѣзкія, неоспоримыя черты феодальныхъ сеньеровъ. Совершенно такъ же, какъ западно-европейскіе духовные феодалы, они окружены штатомъ свѣтскихъ военныхъ слугъ землевладѣльцевъ, бояръ и дѣтей боярскихъ, служащихъ имъ на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, на какихъ другіе бояре и дѣти боярскіе слу-

[1]) У служившаго князю Д. П. Микулинскому Андрея Ильина сына Ферелкина было двѣ деревни и одинъ починокъ, „16 четьи въ одномъ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 75 копенъ". Нефедко Рязановъ, служившій князю С. П. Микулинскому, и Куземка Медвѣдевъ, служившій царю и великому князю, имѣли вдвоемъ 18 четей въ одномъ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 30 копенъ, лѣсу на 1 чети. Тоже, с. 184.

[2]) Статист. таблицы въ книгѣ *И. И. Лаппо*, Тверской уѣздъ въ XVI вѣкѣ, с. 228—230 (Чт. М. Об. Ист. и Др., 1894, кн. IV). Первый отмѣтилъ значеніе разсматриваемыхъ извѣстій тверской писцовой книги *С. М. Середонинъ*: Сочиненіе Джильса Флетчера, 1891, с. 89—90. „Слово служить—говоритъ онъ между прочимъ,—даже для служилаго сословія не значило служить государеву и государю: официальный документъ одинаково обозначаетъ этимъ именемъ и службу государю и службу княгинѣ Микулинской". По вычисленію *В. П. Серѣевича*, „число лицъ, служившихъ частнымъ лицамъ, составляетъ 50% того числа, которое было на службѣ великаго князя" (230): *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1900, № 9, с. 71.

[3]) Писц. кн. отд. II, с. 173 („слуга"). „Княжъ Дмитреева *человѣка* Ивановича Микулинского Созона", с. 169.

[4]) См. напр., случайное упоминаніе: Матрена, жена сына боярскаго Ефимова „сказала, врѣпости украдены: побѣжалъ *холопъ* покрадчи"; тоже, с. 188.

жатъ великимъ княземъ. Въ подтвержденіе этого достаточно привести слѣдующее постановленіе о боярахъ и слугахъ митрополита Кипріана, изъ уставной грамоты вел. кн. Василія Дмитріевича, около 1400 г.: „А про войну, коли язъ самъ князь великій сяду на конь, тогды и митрополичимъ бояромъ и слугамъ, а подъ митрополичимъ воеводою, а подъ стягомъ моимъ великого князя". Митрополичьи бояре и слуги обязаны выступать въ походъ вмѣстѣ съ войсками великаго князя, но они нисколько не зависятъ отъ великаго князя; военные слуги митрополита, они зависятъ единственно отъ него, своего господина; они выступаютъ въ походъ не иначе, какъ подъ митрополичьимъ воеводою. Въ постановленіи этомъ отчетливо выраженъ основной принципъ личной вассальной службы: vassallus vassalli mei non est meus vassallus. Великій князь Василій Дмитріевичъ, нарушаетъ этотъ принципъ только въ отношеніи тѣхъ бояръ, которые раньше служили ему и недавно „приказались" митрополиту: „а кто будетъ бояръ или слугъ не служивалъ Алексѣю митрополиту (предшественнику митрополита Кипріана), а приказался ново митрополиту (Кипріану), а тѣ пойдутъ подъ моимъ воеводою великаго князя, гдѣ который живетъ, инъ подъ тѣмъ воеводою и есть" [1]).

Въ своей враждѣ къ удѣльно-феодальнымъ порядкамъ, Іоаннъ Грозный, наряду съ владѣтельными князьями, губилъ и владычныхъ бояръ, усиливавшихъ свѣтское значеніе архіереевъ: „По убіеніи митрополита (Филиппа)—разсказываетъ князь Курбскій—не токмо многихъ клириковъ, но и нехиротописанныхъ мужей благородныхъ сколько помучено различными муками и погублено". Къ этому онъ прибавляетъ слѣдующее любопытное замѣчаніе о митрополичьихъ благородныхъ мужахъ: „бо тамъ есть въ той землѣ обычай: на церковной землѣ многіе мужи благородные свѣтлыхъ родовъ имѣнія маютъ, во время мирное епископамъ служатъ, а егда брань належитъ отъ супостатовъ окрестныхъ, тогда и въ войску христіанскомъ бываютъ, когда не хиротонисаны" [2]).

„Архіерейскіе бояре—говоритъ проф. Каптеревъ въ спеціальномъ изслѣдованіи о свѣтскихъ архіерейскихъ чиновникахъ—въ древнѣйшее время ничѣмъ не разнились отъ бояръ княжескихъ по своему происхожденію и общественному положенію... Они поступали на службу къ архіереямъ точно также и на тѣхъ же условіяхъ, какъ и къ князь-

[1]) А. Арх. Экси., I, № 9 (1389 или 1404).
[2]) Сказанія князя Курбскаго, т. I, с. 160.

имъ, т. е. съ обязательствомъ отбывать военную повинность и нести службу при дворѣ архіерея, за что получали отъ него въ пользованіе земли“ [1]). Архіерейскіе бояре и дѣти боярскія служатъ архіереямъ на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, на какихъ эти послѣдніе, въ лицѣ своихъ воеводъ, служатъ великимъ князьямъ. Точно также боярскіе слуги, боярскіе служилые люди служатъ боярамъ на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, на какихъ бояре служатъ князьямъ. Всѣ эти отношенія покоятся на одной и той же основѣ—вассально-служебномъ договорѣ. Мы имѣемъ въ Удѣльной Руси не только вассаловъ, но и подвассаловъ, ту же самую лѣствицу вассальныхъ связей, что и во всѣхъ феодальныхъ государствахъ.

12. Московское правительство, энергично искоренявшее удѣльно-феодальные порядки, въ половинѣ XVI вѣка отказывается признавать вассально-служебныя связи частныхъ лицъ и приравниваетъ боярскихъ слугъ къ холопамъ. Въ тверскомъ княжествѣ великокняжескіе писцы въ 1540 г. еще записывали дѣтей боярскихъ, „служащихъ“ боярамъ. Судебникъ же 1551 г. говоритъ только о правилахъ пріема дѣтей боярскихъ въ холопы: „А дѣтей боярскихъ служивыхъ и ихъ дѣтей, которые не служивали, въ холопи не пріймати никому опричь тѣхъ, которыхъ государь отъ службы отставитъ“ (ст. 81). Точно также наказъ 1621 г. предписываетъ дворянскимъ окладчикамъ сыскивать подлинно, кто изъ дѣтей боярскихъ „*къ кому пошелъ въ холопи* или въ монастыри, и каковы тѣ ихъ помѣстья и вотчины и сколько крестьянъ, и можно ли было имъ самимъ государева служба служить, и помѣстья ихъ и вотчины нынѣ въ раздачѣхъ, *или тѣми ихъ помѣстьями и вотчинами владѣютъ тѣ, у кого они живутъ*“ [2]). Наказъ этотъ предусматриваетъ любопытный случай поступленія дѣтей боярскихъ въ холопство вмѣстѣ съ вотчинами и помѣстьями. По всей вѣроятности, правительство здѣсь также, какъ въ судебникѣ, лишь называетъ холопствомъ, лишь приравниваетъ къ холопству отказывавшія и отрицавшіяся имъ отношенія частной боярской службы [3]).

13. Встрѣчая въ русской древности феодальныя черты, наши

[1]) *И. Каптеревъ*, Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси, М. 1874, с. 64—65, 97. См. также *М. Горчаковъ*, О земельныхъ владѣніяхъ всер. митрополитовъ, патріарховъ и св. синода, Спб. 1871, с. 239—243. *С. Середонинъ*, Сочин. Дж. Флетчера, с. 291—295. *Моя* книга Госуд. служ. люди, с. 306—307.

[2]) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. III, № 59, с. 244.

[3]) Отдѣльныя извѣстія о холопихъ земледѣльцахъ „помѣщикахъ своихъ государей“ бояръ см. *С. Ѳ. Платоновъ*, Очерки по истор. смуты, с. 133.

историки отмѣчали ихъ нерѣдко мимоходомъ, въ совершенно неопредѣленныхъ или загадочныхъ выраженіяхъ. Примѣромъ этому можетъ служить отношеніе М. Ф. Владимірскаго-Буданова къ разсмотрѣннымъ выше архіерейскимъ дѣтямъ боярскимъ, а также къ боярскимъ знакомцамъ, которыхъ онъ сопоставляетъ съ архіерейскими слугами. Во 2-мъ изданіи его „Обзора исторіи русскаго права“ я нашелъ о нихъ лишь слѣдующія слова: „къ служилымъ царскимъ людямъ надо присоединить дворянъ и дѣтей боярскихъ архіерейскихъ и знакомцевъ боярскихъ (военныя дружины бояръ и служилыхъ князей); тѣ и другіе, вмѣстѣ съ частною службою, отправляли и государственную (военную въ походахъ и административную въ вотчинахъ)“. Только теперь въ новомъ изданіи своего „Обзора“ проф. Владимірскій-Будановъ нашелъ нужнымъ пояснить (въ большомъ критическомъ примѣчаніи, посвященномъ моему разсужденію о русскомъ патронатѣ),—что въ этихъ архіерейскихъ дѣтяхъ боярскихъ и знакомцахъ можно найти ясные „*признаки феодализма*“. Здѣсь онъ впервые описываетъ основныя черты положенія указанныхъ разрядовъ лицъ и отмѣчаетъ ихъ важнѣйшій феодальный признакъ: военную службу частному лицу: „знакомцы—говоритъ онъ—служили боярину военною службою“; архіерейскіе дѣти боярскіе получали „*отъ церкви* помѣстья“ и служили „*за нихъ* военную службу“ [1]). Въ лицѣ уважаемаго профессора я пріобрѣтаю, такимъ образомъ, сильнаго союзника по одному изъ основныхъ вопросовъ моего изслѣдованія.

Что касается указываемыхъ проф. Владимірскимъ-Будановымъ *боярскихъ знакомцевъ*, то, какъ мнѣ кажется, онъ напрасно придаетъ имъ такое большое значеніе въ дѣлѣ отысканія признаковъ феодализма и напрасно сопоставляетъ ихъ такъ тѣсно съ архіерейскими дѣтьми боярскими. Боярскіе знакомцы, иначе называвшіеся также держальниками, должны отступить на второй планъ передъ бояр-

[1]) Проф. *Владимірскій-Будановъ* оставляетъ въ новомъ изданіи „Обзора“ безъ измѣненія (с. 131) приведенныя мною въ текстѣ слова изъ 2-го изд. Обзора (с. 120). Но теперь послѣ цитированнаго примѣчанія (с. 374) они нуждаются по меньшей мѣрѣ въ какой-либо оговоркѣ. Въ примѣчаніи профессоръ говоритъ, что знакомцы служатъ военную службу *боярину*, а въ текстѣ—*государству* [отправляли службу и „*государственную* (*военную* въ походахъ и административную въ вотчинахъ“)]. Здѣсь нужны оговорки, или что на службу боярину подъ другимъ угломъ зрѣнія можно смотрѣть какъ на службу государству, или что въ царскій періодъ, о которомъ говоритъ профессоръ въ текстѣ, отношенія уже были иныя. Безъ этихъ же оговорокъ получается если не противорѣчіе, то нежелательная неясность.

скими и владычными слугами древнѣйшаго времени, дающими болѣе несомнѣнныя черты „феодализма“ или, говоря точнѣе, вассальныхъ отношеній. *Знакомцы* и *держальники* это значительно позднѣйшіе термины, термины XVII и начала XVIII вѣка. По сообщенію Древней Россійской Вибліоѳики, знакомцами назывались бѣдные дворяне, жившіе у бояръ, ѣвшіе за боярскимъ столомъ, сопровождавшіе своихъ „патроновъ“ въ ихъ выходахъ ко двору и въ поѣздкахъ въ гости, а въ военныхъ походахъ составлявшіе тѣлохранительную ихъ стражу [1]). Такіе знакомцы существенно отличаются отъ боярскихъ военныхъ слугъ землевладѣльцевъ удѣльнаго времени. Они находятся, однако, съ ними въ исторически преемственной связи. Боярскіе знакомцы это, такъ сказать, выродившіеся боярскіе слуги, при новыхъ порядкахъ сохраняющіе одну лишь тѣнь прежнихъ отношеній, прежняго своего важнаго значенія. Въ XVIII вѣкѣ знакомцевъ и держальниковъ смѣняютъ еще болѣе принизившіеся „приживальщики“, исчезнувшіе только съ паденіемъ крѣпостного права. Съ точки зрѣнія историческаго преемства въ знакомцахъ и держальникахъ можно видѣть пережитокъ вассально-служебныхъ отношеній, или отношеній дружинныхъ, какъ предпочитаютъ говорить наши изслѣдователи, пропуская смѣнившихъ дружину вассальныхъ слугъ. Но съ юридической точки зрѣнія отношенія знакомца къ боярину скорѣе должны быть отнесены къ категоріи родственнаго съ вассалитетомъ патроната. Элементъ защиты, защитной зависимости выступаетъ въ нихъ на первый планъ, тогда какъ коренной элементъ вассалитета—военная служба съ земли частному лицу — является въ нихъ случайнымъ и малозначущимъ, а иногда и вовсе отсутствуетъ. Знакомцы и держальники стоятъ гораздо ближе къ римской клиентелѣ, чѣмъ къ вассальнымъ слугамъ [2]).

[1]) Древн. Росс. Вивл., ч, XX, изд. 2, с. 171, 172, 213. Слово „держальникъ“ вполнѣ соотвѣтствовало, повидимому, слову „знакомецъ“. У стольника Григ. Вас. Ляпунова жилъ въ держальникахъ нѣкій „Алексѣй Герасимовъ сынъ Колемининъ“, бывшій очевидно сыномъ боярскимъ, потому что иначе правительственная грамота назвала бы его уменьшительнымъ именемъ, и очевидно не бывшій холопомъ, потому что въ такомъ случаѣ грамота назвала бы его „человѣкомъ“. „Алексѣй тебѣ (стольнику Ляпунову) свой и живетъ у тебя въ держальникахъ, и ты, де, дружа ему, Алексѣю, присылалъ по него (жалобщика Некрасова) многихъ людей и взяли его и привели къ тебѣ на съѣзжій дворъ“: А. Юр. Б., № 55, XXVIII, 1677.

[2]) Въ началѣ XVIII вѣка слова „держальникъ“ и „знакомецъ“ употребляются въ смыслѣ сторонника и клиента. Б. И. Куракинъ, разсказывая о событіяхъ 1682 г., называетъ Ив. Циклера и П. А. Толстого „держальниками“ боярина

II. Ленное землевладѣніе.

14. Перехожу къ бенефицію и затѣмъ къ лену или феоду, въ которомъ нѣкоторые историки видятъ важнѣйшій феодальный институтъ. Для большей ясности начну сравненіе русскихъ порядковъ съ западными въ этой области съ позднѣйшаго времени, а именно съ лучше извѣстнаго, благодаря большему количеству источниковъ, помѣстья-бенефиція XVI вѣка.

Настаивать на тожествѣ помѣстья и бенефиція, какъ юридическихъ институтовъ, въ сущности, нѣтъ надобности. Достаточно только отмѣтить ихъ основныя черты. Достаточно указать, что и помѣстье и бенефицій одинаково обозначаютъ землю, пожалованную лицу въ пожизненное владѣніе подъ условіемъ военной службы [1]). Въ грамотахъ на помѣстье владѣніе землею обусловливалось такъ: „а пожаловалъ есми NN тою деревнею, *доколѣ служитъ* NN *мнѣ и моимъ дѣтямъ*". Это какъ бы буквальный переводъ соотвѣтствующаго каролингскаго текста: „*quandiu nobis ac dilecto filio nostro* fideliter *deservierit*". Но для большей наглядности сравненія можетъ быть не лишнимъ будетъ показать, какъ близко совпадала система помѣстной службы, устано-

---

Ивана Милославскаго; тотъ же Куракинъ пишетъ, что боярин Артамонъ Матвѣевъ „посылалъ одного (изъ) своихъ *знакомцевъ* къ Ивану Милославскому говорить"... Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, кн. I, с. 44, 45, 48.

[1]) Историки русскаго права, говоря о помѣстьяхъ, тѣмъ не менѣе, не принимали во вниманіе тожественныхъ бенефиціевъ. Невниманіе къ бенефицію особенно невыгодно отразилось на изслѣдованіяхъ о происхожденіи помѣстья. Проф. *Сергѣевичъ* отмѣтилъ въ лекціяхъ „нѣкоторую аналогію отдѣльныхъ чертъ помѣстной системы" феодальнымъ порядкамъ вообще: Лекціи и изслѣдов., изд. 1883 г. с. 684. Близкое сходство помѣстья съ бенефиціемъ и мусульманскимъ икта отмѣтилъ проф. *Ковалевскій*, Экон. рость Европы, т. I, с. 383. Недавно г. *И. Рожковъ* указалъ, что „московское помѣстье почти совершенно тожественно съ западнымъ бенефиціемъ". Кромѣ помѣстья—бенефиція, онъ отмѣтилъ еще два „зародыша феодализма" въ московской Руси XVI вѣка: „льготы—иммунитеты и закладничество — коммендацію" (*Міръ Божій*, 1900 г., № 12. Тоже въ Учебникѣ русск. истор. 1901 г., с. 50). Въ вопросѣ о закладничествѣ г. Рожковъ опирается на мою статью о закладничествѣ — патронатѣ. Объ иммунитетѣ въ Россіи я читалъ рефератъ въ 1898 г. (Отчетъ въ Историч. Вѣст.). Г. Рожковъ отмѣчаетъ присутствіе феодальныхъ институтовъ *въ Московской Руси XVI вѣка*, ничего не говоря о предшествующемъ времени; я же изслѣдую феодальные институты *удѣльнаго времени*. Въ это удѣльное время, кромѣ отмѣченныхъ г. Рожковымъ, бенефиція, иммунитета и коммендаціи, существовалъ еще и четвертый, важный феодальный институтъ: вассалитетъ, а также раздробленіе суверенитета.

вленная Іоанномъ Грознымъ, съ порядками службы бенефиціальной при Карлѣ Великомъ.

Іоаннъ Грозный, одинаково съ Карломъ Великимъ, обязываетъ всѣхъ дворянъ, владѣющихъ землею въ достаточномъ размѣрѣ, нести военную конную службу съ снаряженіемъ изъ собственныхъ средствъ, являясь въ полкъ въ случаѣ войны, и въ большомъ количествѣ раздаетъ помѣстья, создавая широкій контингентъ такихъ служилыхъ людей. Въ указахъ о помѣстной службѣ мы встрѣчаемъ рядъ постановленій, тожественныхъ и параллельныхъ капитулярiямъ Карла Великаго и его ближайшихъ преемниковъ. И въ московскомъ государствѣ и въ каролингской имперіи устанавливается одинаково служба какъ съ помѣстій, такъ и съ вотчинъ; и тамъ и здѣсь землевладѣльцы обязываются являться въ полкъ по призыву правительства, надлежащимъ образомъ вооруженные, въ сопровожденіи извѣстнаго числа ратниковъ. „конны, людны и оружны“, и съ запасомъ провіанта [1]). Качество вооруженія обусловливается размѣромъ земельнаго владѣнія. Такъ, у насъ въ XVI в. „со ста четвертей доброй угожей земли“ требовался „человѣкъ на конѣ въ доспѣхѣ въ полномъ“. А по капитулярію 805 г. такую тяжело вооруженную конную службу должны были нести владѣльцы 12 гуфъ [2]).

И у насъ, и на западѣ правительство внимательно слѣдитъ за строгимъ исполненіемъ этихъ постановленій и ведетъ упорную борьбу съ лицами, уклоняющимися отъ службы. Наши указы о наказаніи „нѣтчиковъ“ представляютъ любопытную параллель капитулярiямъ о штрафахъ за „нѣтство“ („das Nichterscheinen“), о такъ называемомъ heribannus. Сообразно съ основнымъ условіемъ помѣстнаго владѣнія, московское правительство грозило за неявку на службу отнятіемъ помѣстья; но на практикѣ, не желая совершенно лишиться хотя бы и неисправныхъ слугъ, оно отнимало у нихъ только часть помѣстья, или, отписавъ всю землю, вслѣдъ затѣмъ возвращало ихъ раскаявшимся дворянамъ. На западѣ точно также правительство грозило за неявку на службу отнятіемъ бенефиція, а при Карлѣ Великомъ по тѣмъ же соображеніямъ, какъ у насъ, установило правило о взиманіи съ неисправныхъ слугъ, за нѣтство, взамѣнъ отнятія земли,

[1]) *G. Waitz*. т. IV, сс. 209, 569, 570, 540. *И. Павловъ-Сильванскій*, Госуд. служ. люди, с. 102, 186, 190.

[2]) Et insuper omnis homo de duodecim mansus brunean habeat: Capit. Theodos. 805, c. 6. Полагаютъ, что кто имѣлъ панцырь, brunea, тотъ долженъ былъ имѣть и коня: см. *G. Waitz*, т. IV, с. 546 (schwergerüstete Rossdienst).

денежныхъ штрафовъ, сообразно ихъ состоятельности. Московское правительство возвращало помѣстья виновнымъ дѣтямъ боярскимъ, чтобы не лишить ихъ возможности загладить вину, чтобы они впредь „были на государевѣ службѣ противу-наряду сполна". Ту же цѣль имѣлъ въ виду Карлъ Великій, когда ограничивалъ наказаніе вассалу за неявку на службу денежнымъ штрафомъ, ita ut iterum se valeat preparare ad Dei servitium et nostram utilitatem [1]).

Въ нашихъ указахъ и наказахъ, точно также какъ въ капитуляріяхъ, ярко выражается взглядъ на помѣстье, какъ на государственную собственность, состоящую во временномъ условномъ владѣніи помѣщика. Московское правительство обязывало помѣщика „не пустошити помѣстья", не переводить крестьянъ на вотчинныя земли, не разгонять ихъ непомѣрными поборами и въ 1621 г. постановило даже за опустошеніе помѣстья наказывать кнутомъ его владѣльца. Франкское правительство точно также требовало, „чтобы тѣ, кто имѣетъ нашъ бенефицій, старались улучшать его во всемъ" и чтобы королевскіе посланцы наблюдали за тѣмъ, какъ владѣльцы бенефиціевъ содержатъ пожалованныя имъ земли [2]).

Оба правительства одинаково стараются пресѣчь попытки помѣщиковъ распоряжаться помѣстьемъ, какъ полною собственностью, запрещаютъ осваивать его и отчуждать. И оба правительства одинаково дѣлаютъ распоряженія, послужившія исходнымъ пунктомъ послѣдующему превращенію *помѣстій* въ наслѣдственную, маіоратную *собственность*, а именно устанавливаютъ практику передачи помѣстья сыну или родственнику помѣщика послѣ его смерти или еще при жизни, въ случаѣ его неспособности нести военную службу. Сынъ помѣщика не имѣлъ собственно *права* на полученіе помѣстья, но на дѣлѣ онъ обыкновенно наслѣдовалъ отцу, за рѣдкими случаями полной неспособности къ военной службѣ [3]). Обычный переходъ помѣстья къ сыну и родственникамъ породилъ взглядъ на по-

---

[1]) Capit. Aquisgr., c. 20. Capit. Theod. 805 г., c. 19. *G. Waitz*, т. IV, с. 208, 557.

[2]) Ut hi qui beneficium nostrum habent bene illud inmeliore in omni re studeant: Capit. Aquisgr., c. 4. Тоже Capit. 768 и 789. См. *G. Waitz*. т. IV, с. 209.

[3]) Въ указѣ 1-го октября 1550 г., это выражено такъ: „а который по грѣхомъ изъ тое тысячи (подмосковныхъ помѣщиковъ дворянъ) вымретъ, а сынъ его къ той службѣ не пригодится, и въ того мѣсто прибрать другого". Тотъ же порядокъ на западѣ отразился напр. въ постановленіи о томъ, что не слѣдуетъ отнимать бенефиція у состарившагося на службѣ помѣщика, *особенно* если онъ имѣетъ сына, который вполнѣ можетъ его замѣнить: *G. Waitz*, т. IV, с. 231, прим. 2, а также с. 584, прим. 1.

мѣстье, какъ на наслѣдственное, родовое владѣніе. Въ нашей исторіи XVII вѣка наблюдается тотъ же самый процессъ превращенія помѣстнаго землевладѣнія въ вотчинное, что и на западѣ послѣ Карла Великаго.

15. Но эта исторія русскаго помѣстья XVI—XVII вв. не входитъ прямо въ мою задачу. Мой главный предметъ изученія—Удѣльная Русь XIII- XV вв., а не Московское царство.

Помѣстная система съ указанной выше регламентаціей службы, съ правилами о походномъ вооруженіи, о явкѣ въ полкъ, о верстаніи и припускѣ новиковъ и проч., сложилась впервые въ XVI вѣкѣ. Но помѣстье, въ основныхъ его чертахъ пожалованія земли подъ условіемъ службы, существовало уже въ Удѣльной Руси съ XIII-го вѣка, если не раньше, и самое позднее съ начала XIV вѣка.

Въ духовной грамотѣ Іоанна Калиты 1328 г. встрѣчается много разъ цитировавшееся извѣстіе о пожалованіи села Борису Воркову подъ условіемъ службы: „аже имѣть сыну моему которому служити, село будетъ за нимъ, не имѣть-ли служити дѣтямъ моимъ, село отоймуть". Наши изслѣдователи давно обратили вниманіе на извѣстіе о Борисѣ Ворковѣ; его называютъ первымъ нашимъ помѣщикомъ, но нѣкоторые при этомъ неправильно считаютъ его и единственнымъ помѣщикомъ времени Калиты, основываясь на томъ, что великій князь упоминаетъ только о немъ одномъ. Духовная грамота отнюдь не допускаетъ такого заключенія. Раздѣливъ между сыновьями свои московскія села, Іоаннъ Калита въ концѣ грамоты говоритъ особо о своихъ „селахъ купленыхъ" и тутъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что Богородичское село, купленное въ Ростовѣ, онъ далъ Борису Воркову подъ условіемъ службы. Изслѣдователи не обратили вниманія на то, что здѣсь идетъ рѣчь о селѣ, купленномъ Калитою въ чужомъ княжествѣ, Ростовскомъ, которое въ 1328 г. еще не принадлежало Москвѣ [1]), и что Калита поставилъ Воркова въ исключительное положеніе, а именно, не желая стѣснять вольность его службы, предоставилъ ему служить, кому онъ хочетъ изъ трехъ сыновей наслѣдниковъ, сохраняя за собою пожалованное ему село. О селахъ, пожалованныхъ слугамъ въ предѣлахъ московскихъ владѣній, раздѣленныхъ между князьями наслѣдниками, Семеномъ, Иваномъ и Ан-

[1]) Ростовскіе князья подчинились Москвѣ послѣ смерти кн. Өедора Васильевича, т. е. послѣ 1331 г. (см. *Экземплярскій*, Великіе и уд. князья Сѣв. Руси, т. II, с. 39—40.

дреемъ, не надо было упоминать особо, потому что условія пожалованія были хорошо извѣстны, а принадлежность такихъ селъ тому или другому князю опредѣлялась границами выдѣленныхъ имъ удѣловъ. Борисо Ворковъ, конечно, не былъ единственнымъ помѣщикомъ того времени; фактъ пожалованія села слугѣ въ чужомъ княжествѣ свидѣтельствуетъ не объ исключительности, а напротивъ о распространенности практики условнаго пожалованія земель.

Договорная грамота 1362 года упоминаетъ о слугахъ, условно владѣвшихъ землею, какъ объ особомъ, довольно многочисленномъ разрядѣ слугъ. Владѣя участками дворцовыхъ княжескихъ земель, княжескихъ доменовъ, состоявшихъ въ завѣдываніи дворскаго—дворецкаго, эти слуги были подчинены его вѣдѣнію и грамоты называютъ ихъ „слугами подъ дворскимъ“. Въ 1362 г. великій князь Дмитрій Донской условился съ своимъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ не принимать взаимно такихъ дворныхъ слугъ: „а которыи слуги потягли къ дворьскому, а черныи люди къ сотникомъ, тыхъ ны въ службу не принимати, но блюсти ны ихъ съ одиного, такоже и численыхъ людий“ [1]). Дворные слуги упоминаются здѣсь впервые, конечно, не потому, чтобы они впервые явились около 1362 г., а потому, что въ этомъ году князья впервые согласились не принимать ихъ въ чужой удѣлъ; раньше же такіе слуги, наряду со всѣми боярами и слугами, пользовались полной свободой службы по общему правилу: „а боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля“... Вполнѣ отчетливое указаніе на помѣстно-бенефиціальный характеръ землевладѣнія слугъ поддворскихъ находимъ въ духовной грамотѣ князя Владиміра Андреевича 1410 года: „А кто будетъ подъ дворьскимъ слугъ, тѣхъ дѣти мои промежи себе не принимаютъ, ни отъ сотниковъ; а кто тѣхъ выйдетъ изъ удѣловъ дѣтей моихъ и княгини моей, инъ земли лишенъ, а земли ихъ сыну моему, чей будетъ удѣлъ“. (№ 40).

Въ нашей литературѣ была высказана мысль, что слуги подъ дворскимъ были не военными слугами князя, но его слугами — ра-

[1]) Собр. госуд. грам. и догов., № 23. Въ договорѣ тѣхъ же князей 1388 г. къ соглашенію о непріемѣ слугъ подъ дворьскимъ прибавлено соглашеніе о непокупкѣ ихъ земель:... „блюсти ихъ съ одиного, а земль ихъ не купити“ (№ 33). Въ договорѣ Василія Дмитріевича съ тѣмъ же княземъ Владиміромъ Андреевичемъ 1389 г. этой прибавки нѣтъ: „А которыи слуги потягли къ дворьскому при нашихъ отцѣхъ, а черныи люди къ сотьскому, а тѣхъ намъ не принимали, также и тобѣ“ (№ 35). То же въ договорѣ 1433 г., № 45, 1456 г., № 84.

ботниками по дворцовому хозяйству: конюхами, псарями, сокольниками, ключниками и тому подобными. Однако, только что цитированная духовная ясно показываетъ, что слуги подъ дворскимъ принадлежали къ составу „бояръ и слугъ", то есть военныхъ слугъ удѣльнаго времени: „*а боярома и слугама*—сказано въ этой грамотѣ—*кто будетъ не подъ дворьскимъ*, вольнымъ воля". Въ этой же духовной перечисляется нѣсколько селъ и слободокъ „за слугами", то есть состоящихъ въ условномъ владѣніи слугъ. Князь Владиміръ Андреевичъ завѣщалъ своей женѣ княгинѣ Оленѣ „Лужу и со всѣми слободами и съ волостями... и что въ Лужѣ *села за слугами* и въ слободахъ, и тѣ села всѣ княгинѣ моей". Поименовывая затѣмъ лужевскія волости и слободки, князь называетъ имена ихъ владѣльцевъ: Гридю Ярцева, Степана Осипова, Гридю Федотова Лукина. Если бы эти владѣльцы были не „слугами" лицами боярскаго сословія, а мелкими слугами по дворцовому хозяйству, полусвободнаго состоянія, то князь назвалъ бы ихъ не Гридей и Степаномъ, а Гридька и Степанко.

Тверская писцовая книга, сохранившая слѣды служебныхъ отношеній удѣльнаго времени, строго отличаетъ слугъ отъ конюховъ, сытниковъ, псарей, ключниковъ. Часть слугъ подъ дворскимъ могла быть, однако, княжескими работниками. На западѣ бенефиціи также давались не однимъ только военнымъ слугамъ и вассаламъ, но и низшимъ служащимъ и работникамъ по дворцовому хозяйству.

Земли, дававшіяся слугамъ подъ дворскимъ, назывались въ удѣльное время *служними землями* [1]). Съ этимъ же самымъ наименованіемъ встрѣчаемся мы въ помянутой Тверской писцовой книгѣ 1540 г. Писцовая книга отличаетъ „служни земли" не только отъ помѣстныхъ земель, но и отъ вотчинныхъ. Между тѣмъ, по существу эти земли, какъ видно изъ текста книги, ничѣмъ не отличаются отъ вотчинныхъ, описанныхъ подъ заголовкомъ: „села и деревни дѣтей боярскихъ тверичъ". Дѣти боярскія владѣютъ служними землями такъ же, какъ вотчинами, на полномъ правѣ собственности, по духовнымъ, купчимъ, закладнымъ, дѣловымъ, мѣновымъ и другимъ крѣпостямъ. Владѣльцы служнихъ земель, такъ же какъ вотчинники, пользуются полною свободой службы; одни изъ нихъ служатъ великому князю, другіе тверскому владыкѣ и частнымъ лицамъ, третьи не служатъ никому [2]).

---

[1]) Собр. гос. гр. и дог., № 33, 1388 г.: „А кто будетъ покупилъ земли данныѣ, служни или черныхъ людий"...

[2]) Ср. „Въ Суземьѣ села и деревни князи и дѣтей боярскихъ тверичъ", стр. 163—168 и „Въ Суземьѣ же села и деревни служни", стр. 169—174. Ср. также

Очевидно, что старый терминъ служни земли потерялъ юридическое значеніе и сохранился только, какъ обозначеніе извѣстнаго раіона земель, нѣкогда, дѣйствительно, состоявшихъ въ условномъ владѣніи слугъ. Служни земли удѣльнаго времени, очевидно, къ XVI вѣку уже были освоены въ собственность, пройдя тотъ же кругъ развитія, что западные бенефиціи и наши позднѣйшіе помѣстья [1]).

Для обозначенія условнаго владѣнія землей въ XVI вѣкѣ распространяется новый терминъ помѣстье, впервые явившійся въ концѣ XV столѣтія. Въ удѣльный же періодъ помѣстье называлось совершенно также, какъ на западѣ, *жалованьемъ*—*beneficium*. Наши князья давали свои *села въ жалованье*, какъ на западѣ земля давалась *in beneficium* [2]). Въ перемѣнѣ термина отразилось измѣнившееся значеніе условнаго землевладѣнія. Помѣстная система XVI и XVII вѣковъ была принудительнымъ *испомѣщеніемъ* служилыхъ людей, обязанныхъ службой, и съ ея регламентированнымъ верстаніемъ новиковъ существенно отличалась отъ порядковъ удѣльнаго времени. Бенефицій—„жалованье“ удѣльнаго времени было именно пожалованіемъ, милостью, наградой вольному слугѣ за его вѣрную службу. Помѣстье было связано съ обязательной службой государству; „жалованье“ же—съ свободнымъ вассально-служебнымъ договоромъ слуги съ господиномъ.

16. Наравнѣ съ условнымъ пожалованіемъ земель практиковалось на западѣ въ феодальную эпоху пожалованіе должностей. Рядомъ съ fief-terre существовалъ fief-office. Должности графа, маркграфа, фохта приравнивались къ земельнымъ ленамъ-бенефиціямъ и одинаково съ землею давались вассалу за службу. „Хотя первоначально—говоритъ Вайцъ — должности и лены, пожалованія въ должность и въ ленъ различались одно отъ другого, но съ теченіемъ времени они слились воедино. Дѣло идетъ здѣсь прежде всего о связанныхъ съ должностью прибыльныхъ правахъ, но затѣмъ также обо всемъ, что носило въ

въ книгѣ *И. П. Лаппо* списки документовъ на право владѣнія вотчинами и служними землями, стр. 222—225.

[1]) *Г. Блюменфельдъ*, Формы землевлад. въ др. Россіи, с. 334—335. (Зап. Имп. Новор. Унив., т. XXXIX) правильно усмотрѣлъ въ слугахъ подъ дворьскимъ „помѣщиковъ“ и „низшій классъ дружины“. О нихъ же см. *В. И. Сергьевичъ*, Р. Юр. Др., I, с. 395. *С. В. Рождественскій*, Служилое землевладѣніе, с. 31 и слѣд., и моя книга Госуд. служ. люди, с. 26—27.

[2]) „А кому буду давалъ своимъ княземъ и бояромъ и дѣтемъ боярьскимъ *свои села съ жалованье*, или хотя и въ куплю кому далъ“: С. Ч. Г. Д., № 86, 1462.

себѣ чисто верховный, государственный характеръ: пожалованный распоряжается и пользуется въ предѣлахъ отношеній и условій, которыя вытекаютъ изъ характера отдѣльныхъ правъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ судъ". Въ другомъ томѣ своего труда Вайцъ слѣдующимъ образомъ еще рельефнѣе указываетъ основныя черты графскаго управленія въ феодальное время: „при преемникахъ Карла начали обходиться съ должностями, именно съ графствами, подобно тому, какъ съ бенефиціями. Графства и аббатства неоднократно упоминаются вмѣстѣ, какъ предметъ пожалованія, при чемъ въ отношеніи тѣхъ и другихъ имѣются въ виду ближайшимъ образомъ владѣнія, связанные съ ними, *доходы*, ими обезпечиваемые. Остальныя права являются почти какъ принадлежность къ владѣніямъ и доходамъ. Такъ какъ къ тому же владѣльцы пользовались ими все болѣе и болѣе только для своей собственной выгоды, то и передача ихъ получила сходство съ пожалованіемъ въ бенефицій" [1]).

Эти порядки пожалованія должности, какъ доходной статьи, были наиболѣе распространены во Франціи, то-есть въ классической странѣ феодализма. Весьма широко они были распространены и въ удѣльной Руси. Кормленіе-жалованіе по существу тожественно съ fief-office, съ леномъ-должностью; и въ томъ и въ другомъ выражается средневѣковый частноправный взглядъ на государственное управленіе. Наши намѣстники и волостели, совершенно также, какъ графы, не столько управляли, сколько собирали въ свою пользу доходы въ видѣ пошлинъ разнаго рода, и съ теченіемъ времени пользовались своими правами „все болѣе и болѣе только для собственной своей выгоды". Слово „кормленіе", происходящее отъ глагола кормить-управлять (кормчій, кормило) и значившее первоначально „управленіе", съ теченіемъ времени начали понимать въ смыслѣ питанія-прокормленія, сближая его съ „кормомъ"-доходами.

Совершенно такъ же какъ на западѣ, пожалованіе волости въ управленіе-кормленіе приравнивается у насъ въ XIV-XV вв. къ пожалованію земли въ помѣстное владѣніе. Князья „жалуютъ" своихъ слугъ волостями въ кормленіе точно также, какъ они „жалуютъ" ихъ деревнями и селами впрокъ, въ вотчину, или „доколѣ служитъ". Кормленіе у насъ точно также, какъ на западѣ, называлось въ удѣльный періодъ, одинаково съ помѣстьемъ (служней землею), *жалованьемъ* (бенефиціемъ): „пожаловалъ есми ясельничимъ NN въ кормленье. А наѣхать ему на

[1]) *G. Waitz*, Deutsche Verfassungsgesch. т. VI, с. 32—33, т. IV, с. 216.

свое жалованье на Благовѣщеньевъ день лѣта 7064“ [1]). Князья жалуютъ кормленіями своихъ бояръ „за ихъ къ намъ выѣздъ“, то-есть за вступленіе въ службу, при заключеніи вассальнаго служебнаго договора, такъ же какъ на западѣ, гдѣ такой договоръ закрѣплялся пожалованіемъ лена.

Порядокъ леннаго пожалованія кормленій вполнѣ господствовалъ въ удѣльной Руси XIV и XV вв., во время полнаго развитія у насъ феодальныхъ отношеній. Несомнѣнно, что онъ сложился гораздо раньше, но я указываю въ особенности на XIV вѣкъ, потому что отъ этого времени мы имѣемъ уже ясныя свидѣтельства источниковъ. Въ духовной вел. кн. Семена Ивановича 1353 г. читаемъ: „а хто моихъ бояръ иметъ служити у моее княгини, а волости имуть вѣдати, дають княгинѣ моей прибытъка половину“ (№ 24). Бояринъ, вѣдающій волость, получаетъ въ свою пользу половину „прибытка“, или, какъ позднѣе говорили, „дохода“; онъ остается вольнымъ слугою: „а вольнымъ слугамъ воля, кто въ кормленьи бывалъ и въ доводѣ при нашемь отци и при насъ“ (1341, № 23). Онъ можетъ свободно отъѣхать, но долженъ уплатить князю слѣдующую ему часть прибытковъ: „А который бояринъ поѣдеть исъ кормленья отъ тобѣ ли ко мнѣ, отъ мене ли къ тобѣ, а службы не отслуживъ, тому дати коръмленье по исправѣ; а любо служба, отъслужити ему“ (1362, № 27).

Къ XIV вѣку относится и первая, извѣстная намъ, грамота на пожалованіе кормленія. Обыкновенно считаютъ древнѣйшей грамоту на кормленіе 1425 г. Между тѣмъ древнѣйшей слѣдуетъ признать грамоту 1363—1389 гг., тожественную съ кормленными грамотами по формулировкѣ и по существу пожалованія и отличающуюся отъ нихъ только пропускомъ словъ: „за ихъ къ намъ выѣздъ въ кормленіе“ [2]).

---

[1]) Доп. къ А. Ист., I, № 53. „А *жалованье* за Ощерою Ивановичемъ бояриномъ были Коломна... Руса обѣ половины“: *И. Срезневскій*, Мат. для слов. I. с. 813.— „И ты бъ намѣстнику Дм. Салтыкову *съ нашего жалованья* съ Дорогобужа велѣлъ съѣхати“ (1587) Р. Ист. Библ., II, 46. „Что за нимъ *мое жалованье волость* Антоновскій станъ“... Акты Разр. прик. (Юшкова), № 69 (1506), id. № 75 (1509). Точно также называются помѣстья: „что ихъ деревни прадѣдовъ ихъ... княжеское жалованье моего князя Юрья Ивановича прадѣда въ отчинѣ моей“. Тоже, № 66 (1506).

[2]) „Се язъ, князь Велики Дмитрей Ивановичъ пожаловалъ есмь Ондрея Фрязина Печорою, какъ было за его дядей за Матѳеемъ за Фрязиномъ...

А вы, Печеряне, слушайте его и чтите, а онъ васъ блюдетъ и ходитъ по пошлинѣ.

„Се язъ, князь Великій Василій Васильевичъ всея Русіи пожаловалъ есми Ивана Григорьевича Расла... волостью Лузою, за ихъ къ намъ выѣздъ въ кормленья. И вы, всѣ люди тое волости чтите ихъ и слушайте, а они васъ вѣдають, и

17. Итакъ, у насъ въ удѣльное время несомнѣнно существовало бенефиціальное землевладѣніе и, рядомъ съ бенефиціальнымъ пожалованіемъ земли въ условное владѣніе, практиковалось пожалованіе должностей въ условное пользованіе. Ленныя должности-кормленія были у насъ также широко распространены, какъ и на западѣ; но что касается бенефиціевъ: служилыхъ земель, помѣстныхъ жалованій, то они въ удѣльное время, насколько можно судить по крайне скуднымъ источникамъ эпохи, не имѣли преобладающаго распространенія. Господствующимъ типомъ боярскаго землевладѣнія было землевладѣніе вотчинное.

Это обстоятельство отнюдь не представляетъ собою какой-либо противоположности осново-началамъ феодальнаго строя. Въ развитой вполнѣ системѣ феодализма бенефиціальное-помѣстное землевладѣніе занимаетъ второстепенное мѣсто; господствующимъ типомъ является наслѣдственный вотчинный феодъ, существенно отличающійся отъ пожизненнаго помѣстнаго бенефиція. Боярскую вотчину надо противополагать не бенефицію, но вотчинному феоду. И я сейчасъ постараюсь показать, что боярское вотчинное землевладѣніе удѣльнаго времени въ существенныхъ чертахъ тожественно съ вотчинно-феодальнымъ.

По извѣстной схемѣ феодальныхъ отношеній, выработанной еще юристами-теоретиками XIII вѣка, и до сихъ поръ господствующей надъ умами историковъ, ткань феодальнаго государства представляетъ собою единообразную сѣть ленныхъ отношеній. Единообразіе это существовало, однако, только въ теоріи. Терминами ленъ или феодъ (а также бенефицій) обозначались глубоко различныя по существу отношенія. Леномъ назывались самыя разнообразныя пожалованія господина своему слугѣ за службу; объектомъ этого пожалованія были прежде всего земли: наслѣдственная собственность или пожизненное владѣніе; та или иная должность, управленіе большимъ округомъ-графствомъ и небольшимъ фохтствомъ, должность сборщика налоговъ;

какъ было при моемъ дѣдѣ... такъ и при мнѣ" 1363—1389. А. А. Э. I, № 6.

судити и ходити велять у васъ тіуномъ своимъ, а доходъ имать по наказному списку". 1425, авг. 28. А. Юр. № 161, I.

Такая же старая формула: „а вы *бояре* и *слуги* и всѣ люди того пути, чтите сво и слушайте, а онъ васъ блюдетъ, а ходитъ по старой пошлинѣ, какъ было прежъ сего". Акты Разр. Прик. № 17 (1462 — 1501). № 21 (1462 — 1494). (Вмѣсто бояре и слуги" въ это время уже начинали говорить бояре и дѣти *боярскіе*). — Иногда жалуются въ кормленіе только опредѣленныя пошлины съ куни—продажи: „пожаловалъ есми... въ кормленье въ Мещерѣ и въ Мещерскомъ уѣздѣ всею пошлиною, кто что продастъ или промѣнитъ или купитъ": А. Разр. Пр., № 73, 1508. (Подобное, № 85, 1511).

деньги въ видѣ единовременнаго денежнаго дара и въ видѣ ежегодной ренты; какое-либо помѣщеніе, напримѣръ, комната или часть укрѣпленной площадки замка, и проч. Отъ дѣйствительнаго пожалованія имущества, принадлежащаго господину, надо отличать пожалованіе фиктивное: пожалованіе слугѣ имущества, ему же принадлежащаго. Алодіальный собственникъ получаетъ обратно въ видѣ пожалованія свой же алодъ. Леномъ преимущественно называлось пожалованіе военному слугѣ-вассалу; но ленами назывались также пожалованія хозяйственнымъ слугамъ, промышленникамъ и ремесленникамъ, какого-либо угодья, рыбной ловли, виноградника, мельницы, съ обязательствомъ платить часть дохода натурой или деньгами господину. Въ этихъ случаяхъ отличительный признакъ лена: пожалованіе земли военному слугѣ исчезаетъ, и ленъ является неподходящимъ названіемъ оброчнаго владѣнія [1]).

Единообразная сѣть ленныхъ отношеній не имѣетъ существеннаго значенія въ виду того, что она состоитъ изъ глубоко различныхъ по существу отношеній, которыя объединяются общимъ символомъ пожалованія, прилагаемымъ равно, какъ къ дѣйствительнымъ, такъ и къ фиктивнымъ пожалованіямъ. Въ сравнительномъ изученіи, поэтому, мы должны выдѣлить изъ этой сѣти господствующій типъ лена-феода и опредѣлить его основныя черты.

Феоды образовались, какъ извѣстно, отчасти изъ алодовъ, а главнымъ образомъ изъ бенефиціевъ. Древнѣйшіе бенефиціи весьма скоро стали наслѣдственными, а затѣмъ владѣльцы пріобрѣли въ отношеніи ихъ право распоряженія. Первоначально право распоряженія было существенно стѣснено тѣмъ, что на отчужденіе феода требовалось согласіе сеньера. Но это стѣсненіе отпало съ теченіемъ времени. Во Франціи, въ эпоху разцвѣта феодализма сеньеръ не могъ воспретить вассалу продать феодъ или передать его въ чужія руки инымъ путемъ; сеньеръ могъ только выкупить феодъ, или же взыскать съ покупщика, въ видѣ вознагражденія за ускользающую отъ него землю, извѣстную сумму денегъ, обыкновенно въ размѣрѣ годового дохода съ земли. Кромѣ этого права выкупа (rachatum), сеньеръ имѣлъ также право рельефа (relevium), относившееся къ случаямъ перехода феодовъ по наслѣдству; сеньеръ имѣлъ въ этихъ случаяхъ право на взысканіе извѣстной суммы денегъ съ наслѣдника; рельефъ въ большей части

[1]) Подробнѣйшее перечисленіе разнообразныхъ видовъ ленныхъ пожалованій: *Waitz*, т. VI, гл. I.

мѣстностей взыскивался только при переходѣ наслѣдства къ боковымъ линіямъ [1]). Эти права сеньера были того же порядка, что и нынѣшнія права государства въ отношеніи территоріи; такъ же, какъ эти послѣднія, они мало или вовсе не стѣсняли правъ собственника.

Съ точки зрѣнія частнаго права, феодъ былъ, такимъ образомъ, вотчиной, полной собственностью или наслѣдственной собственностью съ ограниченнымъ правомъ распоряженія. Въ области же публичнаго права отличительная черта феода—крайняя слабость связи его съ территоріей сеньера, верховнаго владѣльца земель феодаловъ. Территоріальная принадлежность феода связана была съ личнымъ вассальнымъ подчиненіемъ его частнаго собственника. Порывая вассальную связь съ сеньеромъ, феодалъ отрывалъ свою землю отъ владѣній сеньера и передавалъ ее въ обладаніе своему новому господину. Это право земельной коммендаціи составляетъ наиболѣе важный, основной признакъ феодальнаго землевладѣнія, рѣзко отличающій его отъ современнаго. Это право коммендаціи и его значеніе особенно наглядно проявлялись въ тѣхъ случаяхъ, когда феодъ представлялъ собою крупное владѣніе, прочно освоенное собственникомъ. Леномъ считалось, вѣдь, и цѣлое герцогство, и цѣлое королевство, разъ владѣлецъ или глава его сталъ чьимъ-либо вассаломъ. Но зависимость такого лена отъ сеньера была совершенно номинальной; дѣйствительное значеніе имѣла только вассальная связь; ленное княжество или королевство зависѣло отъ сеньера, лишь постольку, поскольку князь или король былъ вассаломъ. Порывая вассальную связь, феодальный землевладѣлецъ сохранялъ за собою свои владѣнія и вмѣстѣ съ этими владѣніями передавался другому сеньеру. Извѣстно много случаевъ перехода вассала съ леномъ отъ одного сеньера къ другому. Въ 1159 году графъ Эврейскій Симонъ Монфортъ принесъ оммажъ англійскому королю и передалъ въ его обладаніе всѣ свои земли. Въ 1173 году графъ Тулузскій, поссорившись съ французскимъ королемъ, принесъ открыто оммажъ на свое графство англійскому королю. Когда въ началѣ XIII столѣтія французскіе вассалы отложились отъ англійскаго короля Іоанна Безземельнаго, то они тѣмъ самымъ лишили его всѣхъ его французскихъ владѣній. Въ такихъ

---

[1]) Другія права сеньера на феодъ: право опеки—пользованіе землей во время малолѣтства вассала, и право forfaiture (foris factura) отнятіе земли у вассала за какую-нибудь вину—встрѣчались только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и не были общими принципами феодализма: *Guizot*, Hist. de la civilis. en France, т. IV, с. 33—34.

переходахъ вассаловъ вмѣстѣ съ ленами, въ этой свободной коммендаціи лица съ землей проявляется одна изъ важнѣйшихъ чертъ феодальнаго строя, а именно преобладаніе личныхъ отношеній надъ территоріальными, отсутствіе государственной территоріальной власти. Верховная власть сеньера на вотчинный иммунитетный феодъ его вассала была весьма слабой и покоилась единственно на вассальной вѣрности владѣльца феода. Современнаго начала неотчуждаемости участковъ государственной территоріи по волѣ ихъ частныхъ собственниковъ не существовало. Земля велѣдъ за ея собственникомъ легко ускользала отъ власти ея верховнаго обладателя.

Новѣйшій историкъ французскаго феодализма К. Морте, настаивающій на преобладающей роли поземельныхъ отношеній въ феодальномъ строѣ, не могъ не признать, что до XIII вѣка сеньеры не имѣли въ сущности постояннаго территоріальнаго верховенства. „Въ первое время феодализма, какъ ни значительна была тогда роль земельной собственности въ новыхъ соціальныхъ отношеніяхъ, сеньерія не имѣла, какъ можно было бы подумать, характера исключительно территоріальнаго; она была часто личной и простиралась болѣе на группы лицъ, чѣмъ на строго опредѣленный доменъ... Графы и князья обладали въ сущности территоріальнымъ верховенствомъ только въ отношеніи своихъ домеповъ, которые имъ принадлежали въ то же время по праву собственности; внѣ же домена ихъ власть осуществлялась менѣе въ отношеніи территоріи, чѣмъ въ отношеніи лицъ, которые связаны были съ ними вассальною клятвой вѣрности“. Морте отмѣчаетъ и ту характерную черту феодальныхъ владѣній, которая была создана этимъ преобладаніемъ личныхъ связей и, поддерживая ихъ, задерживала образованіе территоріи, а именно крайнюю черезполосицу владѣній: „Большая часть сеньерій, большихъ и малыхъ, которыя фигурируютъ въ X вѣкѣ на картѣ феодальной Франціи, далеко не имѣли компактной территоріи, на которой сеньеръ могъ бы осуществить свою верховную власть правильно и однообразно“ [1]).

---

[1]) *Ch. Mortet.* Féodalité. Большая статья въ La Grande Encyclopédie, édition H. Lamirault, XVIII, стр. 206. Территоріальный характеръ феодальныхъ отношеній, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ и въ томъ числѣ Морте, выражался въ томъ, что личныя связи вассальной вѣрности опирались на поземельныя пожалованія-лены. Дѣйствительно, въ позднѣйшую эпоху вассалитетъ имѣлъ тѣсную связь съ бенефиціемъ: вассальная вѣрность по правилу закрѣплялась бенефиціемъ. Но, какъ я указалъ въ текстѣ, бенефиціи-лены были весьма часто фикціей; онъ могъ состоять не только изъ земли, но изъ должностей и денегъ и проч. Этого не было бы, если

Феодальное право свободной коммендаціи лица съ землей создавало крайнюю подвижность, крайнюю неустойчивость отношеній, разрушало, въ полномъ своемъ развитіи, всякій правопорядокъ. Въ феодальныхъ странахъ, поэтому, весьма рано начинается обратное теченіе закрѣпленія земли, образованія территоріальной власти. Борьба древняго феодальнаго начала личной зависимости съ новымъ началомъ зависимости территоріальной проходитъ чрезъ всѣ средніе вѣка, постепенно обостряясь и заканчиваясь торжествомъ территоріальной государственной власти. Въ области государственно-правовыхъ отношеній новое начало въ феодальную эпоху проявляется весьма слабо. Большая устойчивость земельныхъ владѣній, закрѣпленіе феодовъ осуществляется чрезъ посредство тѣхъ же доминирующихъ личныхъ связей, а именно путемъ установленія большей крѣпости вассальной связи. Чтобъ прикрѣпить землю, во Франціи начинаютъ прикрѣплять ея обладателя, установляя правила, котда онъ можетъ покинуть своего сеньера. Эти правила, однако, постоянно нарушаются во имя исконнаго обычнаго права свободы вассальной связи и не достигаютъ цѣли.

Новое теченіе объединенія и закрѣпленія земель обнаруживается прежде всего въ области не правовыхъ, а фактическихъ отношеній, которыя подготовляютъ отмѣну стараго права. Территоріи создаются путемъ удаленія феодальныхъ владѣльцевъ, путемъ постепеннаго уничтоженія феодовъ разными средствами и въ числѣ ихъ, особенно, насиліемъ, узурпаціей. Сеньеры, округляя и увеличивая свои домены, уменьшаютъ или вовсе уничтожаютъ черезполосицу, и отнимаютъ такимъ образомъ у коммендаціи ту почву, которая ее питала. „Территоріальный характеръ суверенныхъ правъ, — говоритъ Морте — который въ XIII вѣкѣ сталъ общимъ правиломъ феодовъ-сеньерій, былъ, напротивъ того, исключеніемъ въ X вѣкѣ. Онъ опредѣлился и пріобрѣлъ общее господство только позднѣе въ XI и XII вѣкахъ, двумя различными путями: съ одной стороны, потому, что сеньеръ, доменъ котораго пересѣкался черезполосными владѣніями и личными судами (justices personnelles), постепенно ихъ выкупилъ, захватилъ или искоренилъ; съ другой стороны, потому, что сеньеръ, который имѣлъ личный суверенитетъ на часть обитателей феода, распространилъ свои

бы земля, земельныя связи дѣйствительно были основой феодальнаго правопорядка Въ первомъ періодѣ феодализма вассалитетъ отнюдь не имѣлъ тѣсной связи съ бенефиціемъ: см. примѣчаніе *Seeliger*'а въ 2 изд. *Вайца*, т. VI, с. 48—50. *И. Виноградовъ*, Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ Лангобардской Италіи: *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1880, дек., 361.

права посредствомъ договора или захвата (узурпаціи) до того, что подчинилъ своей власти весь феодъ цѣликомъ".

Обстоятельно изучившій процессъ образованія нѣмецкихъ княжескихъ территорій, Карлъ Лампрехтъ точно также указываетъ, что государственная территоріальная власть образуется къ концу среднихъ вѣковъ на основѣ фактическаго объединенія земель. „Въ средніе вѣка—говоритъ онъ—только очень немногія территоріи достигли того государственнаго объединенія, которое мы въ настоящее время признаемъ неизбѣжнымъ и необходимымъ: повсемѣстно были многочисленныя исключенія изъ такого государственнаго единства (Enklaven и Exklaven); въ отношеніи значительнаго количества частей территоріи оставалось сомнительнымъ, подчинены ли они вообще власти какого-нибудь территоріальнаго государя и, если подчинены, то до какой именно степени".—„Благодаря пожалованіямъ императора, благодаря истолкованію помѣстныхъ и защитныхъ правъ, какъ правъ верховной власти, правъ суверенныхъ, *а еще болье благодаря простой узурпаціи*, князья получали государственную власть надъ такими частями своей территоріи, въ которыхъ они не имѣли раньше и графскихъ правъ... Въ то время, какъ князья, *выходя за предѣлы своихъ*, имѣвшихъ столь различное происхожденіе, *правъ, пытались создать понятіе о верховной власти* и примѣнить это понятіе къ опредѣленной, по возможности замкнутой, области королевства, они нашли и основу для этихъ стремленій, именно самое территорію; только признавъ отдѣльныя права земли, территоріи, они становились настоящими князьями, настоящими государями" [1]).

18. Отъ феодальной Франціи и Германіи обратимся къ Удѣльной Руси. Здѣсь мы находимъ то же самое преобладаніе личныхъ связей надъ поземельными, находимъ ту же, что и на западѣ, коммендацію лица съ землей, и въ концѣ удѣльнаго времени—то же возникновеніе территоріальной верховной власти и борьбу ея съ феодальной свободой лица и земли.

Въ Удѣльной Руси коммендація-закладничество лица влекла за собою и коммендацію земли. Грамоты говорятъ о „заложившихся селахъ", о „селахъ, зашедшихъ безъ кунъ" за другого князя или боярина [2]). Князья обязуются въ чужихъ владѣніяхъ „селъ не дер-

---

[1]) *К. Лампрехтъ*, Истор. германскаго народа. т. II. стр. 526. 527. D. Wirtschaftsleben, т. I, отд. 2, с. 1345—1346, 1262 и др.

[2]) О *заложившихся* селахъ нѣсколько неясно говоритъ новгородская грамота

жати, не купити, *ни даромъ пріимати*", потому что земля, купленная княземъ или принятая имъ въ даръ отъ закладника, переходила въ его обладаніе, ускользала отъ власти мѣстнаго князя; и, давая это обязательство, князья постоянно нарушаютъ его, покупаютъ села въ чужомъ удѣлѣ и принимаютъ закладниковъ. Вопреки договорамъ, они высылаютъ въ чужой удѣлъ своихъ приставовъ и даньщиковъ для управленія этими селами. Они обращаются съ этими селами въ чужомъ удѣлѣ, такъ же какъ съ землями своего княжества, и даже даютъ владѣльцамъ ихъ жалованныя грамоты, съ привилегіями судебными и податными. Великій князь Дмитрій Донской даетъ жалованныя грамоты въ удѣлъ кн. Владиміра Андреевича и обратно. „А въ твой ми удѣлъ—договариваются эти князья—грамотъ жалованныхъ не давати, также и тобѣ; а которыя грамоты подавалъ и тѣ ми грамоты отоимати" (1362, № 27).

Съ конца XIV вѣка князья стараются установить взаимными соглашеніями новое начало неприкосновенности удѣла, какъ опредѣленной территоріи, для властей другого княжества, начало территоріальной государственной власти. Въ двухъ договорахъ конца XIV вѣка, и затѣмъ въ большей части договоровъ, начиная съ 1451 г., мы находимъ формулу: „судомъ и данью потянути по землѣ и по водѣ", и подобную ей: „судомъ и данью потянути по удѣломъ, гдѣ кто живетъ" [1]). Между-княжескіе договоры сохранили ясные слѣды той борьбы, какую до начала XVI вѣка эта новая норма права вела съ старой феодальной свободой земли. Въ настоящее время это положеніе представляется столь общепризнаннымъ, что оно даже не упоминается въ договорахъ между государствами. Въ удѣльный же періодъ у насъ, такъ же какъ на феодальномъ западѣ, возникающая территоріальная власть была столь шаткой, что князья, не ограничиваясь провозглашеніемъ общаго принципа, цѣлымъ рядомъ особыхъ соглашеній поясняли его значеніе и старались предусмотрѣть всѣ возможныя его нарушенія. Они обязывались взаимно *„въ чужой удѣлъ не вступатися никоторыми дѣлы"* и поясняли: „ни приставовъ не высылати, ни грамотъ жалованныхъ не давати, ни земель не купити, ни закладней не

1317 г. (№ 12), но она подтверждаетъ и прямо ссылается на „Фектистову грамоту", т.-е. на грамоту 1305 г. (№ 6), гдѣ эти „заложившіяся" села обозначены, какъ „села зашедшія безъ кунъ" и ясно противопоставлены селамъ „купленымъ". См. мою статью: „Нов. объясненіе закладничества": *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1901, № 10.

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог., № 28, (1368), № 40 (1410). А. А. Э., I, № 11 (1398). Позднѣйшіе договоры съ 1451 г.: №№ 76, 88, 119—120 и другіе.

держати", а также „ни судовъ не судити, ни дани не имати" въ чужомъ удѣлѣ. Наши изслѣдователи видятъ обыкновенно въ этихъ соглашеніяхъ о неприкосновенности удѣла, о территоріальной подвластности не вновь утверждаемое, а давно установившееся общее право. Нѣкоторые историки, однако, правильно указывали, что „начало суверенаго территоріальнаго господства" только съ теченіемъ времени „одержало верхъ надъ частнымъ имущественнымъ правомъ", и что „признаніе правъ территоріальнаго господства" было результатомъ долгой борьбы. Б. Н. Чичеринъ говоритъ, что въ древней Руси, также какъ на западѣ, отношенія личныя преобладали надъ территоріальными. М. Затыркевичъ правильно замѣтилъ, сославшись на договоры князей, что „всѣ служилые люди со всѣми принадлежавшими имъ людьми и землями подчинялись не областной власти, но власти личной того князя, которому служили". В. Н. Сергѣевичъ на это ему возражалъ, что „договорами вездѣ утверждается территоріальное начало" [1]). Дѣйствительно, договорами вездѣ *утверждается* территоріальное начало, но тѣ же договоры показываютъ, что это было еще *не утвердившееся* начало, и что общее господствующее начало было личное, а не территоріальное.

Древнее право коммендаціи лица съ землей поддерживалось существовавшей у насъ, такъ же какъ на западѣ, крайней черезполосицей владѣній, которая вызывалась отчасти самой же коммендаціей, отчасти постоянными дѣлежами удѣловъ. Значительная часть удѣльныхъ княжествъ представляла собою не строго отграниченную отъ сосѣднихъ, непрерывную площадь, а совокупность черезполосныхъ, разбросанныхъ владѣній. Князья своими раздѣлами долгое время сами поддерживали черезполосность владѣній. Вел. кн. Дмитрій Донской, раздѣливъ свои земли между сыновьями, „вымалъ у дѣтей своихъ изъ удѣловъ" нѣсколько волостей, слободъ и селъ и далъ ихъ своей княгинѣ, не въ частную собственность, а въ полное государственно-княжеское обладаніе, запретивъ сыновьямъ вступаться во владѣнія княгини (1389, № 34). Рязанскій великій князь въ 1496 г., установивъ границу между своими владѣніями и удѣломъ своего брата, оставилъ въ своемъ полномъ обладаніи село Переславичи, находившееся за чертой гра-

---

[1]) *А. Приары*, Опытъ ист. сост. гор. обывателей, 1868, стр. 15. *Б. Чичеринъ*. Опыты, стр. 313. *М. Затыркевичъ*, О вліяніи борьбы между народ. и сослов. на образов. строя русск. госуд. Чт. М. О. Ист. и Др., 1873, кн. I—III, с. 190—191. Рецензія Сергѣевича: *Журн. Мин. Нар. Пр.*, ч. CLXXXIII, 1876.

нищы во владѣніяхъ брата: „а что мое село Переславичи въ твоемъ удѣлѣ, а сидятъ въ немъ мои холопи Шишиловы, и то село зъ данью и съ судомъ и со всѣми пошлинами мое великаго князя“ (№ 127). Экстерриторіальная слобода или волость, принадлежавшая сосѣднему князю, служила прибѣжищемъ для жителей княжества отъ власти мѣстнаго князя и давала обладателю такой слободы или волости возможность осуществлять свою, узурпаторскую — съ точки зрѣнія новаго договорнаго права—власть надъ лицами и землями въ чужомъ удѣлѣ. По договорнымъ грамотамъ можно замѣтить, что закладничество вообще развивалось тамъ, гдѣ власть чужого князя была близка и легко осуществима. Такъ напримѣръ, Великій Новгородъ, оставляя во владѣніи тверского князя купленныя имъ новгородскія села, не преминулъ особой статьей договора предупредить опасныя послѣдствія существованія въ предѣлахъ новгородской земли экстерриторіальныхъ оазисовъ, принадлежащихъ тверскому князю: „*а изъ тыхъ селъ* суда имъ (князю и его мужамъ) не судити, ни дворяномъ ѣздити, *ни людей* новгородьскихъ *приимати, ни земли*“ (1327, № 15) [1]).

19. Изъ общаго закладничества селъ по древнему обычному праву, конечно, не исключались и боярскія села, боярскія вотчины. Если мелкіе своеземцы: смерды и купчины закладывались-коммендировались у насъ вмѣстѣ съ землею, то и бояре, владѣльцы крупныхъ вотчинъ, должны были имѣть право перехода на службу къ другому князю вмѣстѣ съ своею землею, иначе говоря, право *отъѣзда съ вотчинами*. Крупная боярская вотчина, благодаря иммунитету, представляла собою въ миніатюрѣ самостоятельное государство; такъ же какъ на западѣ, она была у насъ ограждена отъ въѣзда волостелей; тѣмъ легче могла она отдѣлиться отъ территоріи княжества, порвать слабую нить, привязывавшую ее къ этой территоріи. Древнѣйшій бояринъ былъ не только вольнымъ слугою, но и вольнымъ вотчинникомъ.

Устанавливая территоріальную власть, отрицая закладничество лицъ и земель вообще, князья рядомъ особыхъ соглашеній вступаютъ въ борьбу съ коммендаціей боярскихъ вотчинъ. Разнообразіе такихъ соглашеній показываетъ, что утверждаемое ими договорное право было

[1]) Когда договоры говорятъ о переходахъ новгородскихъ бояръ къ тверскому князю, то имѣютъ въ виду по преимуществу бояръ изъ Торжка и пригородовъ, наиболѣе близкихъ къ тверскимъ владѣніямъ (1368, № 28). Другіе примѣры черезполосицы въ моей статьѣ о закладничествѣ и у Чичерина въ Опытахъ, с. 281 и сл. Чичеринъ также сопоставляетъ нашу черезполосицу съ запашной (282).

новостью, что оно не выражало собою давно установившагося общаго права, а постоянство нарушеній договорнаго права до начала XVI вѣка свидѣтельствуетъ, что боярскіе отъѣзды съ вотчинами опирались на болѣе сильный древній обычай. Великій Новгородъ, стремясь пресѣчь коммендацію, постановилъ въ 1368 г., что бояре, отъѣзжающіе на службу къ тверскому князю, лишаются своихъ земель (№ 28); раньше того въ 1307 г. онъ рѣшился конфисковать земли у закладниковъ, отдающихся тверскому князю (№ 10). Совершенно иная мѣра принята была московскими и другими князьями въ тѣхъ же видахъ закрѣпленія боярскихъ вотчинъ. Не найдя возможнымъ стѣснить боярское право отъѣзда путемъ конфискаціи вотчинъ у отъѣзжавшихъ слугъ, какъ это сдѣлалъ болѣе сильный Новгородъ, князья рѣшились отдѣлить личную службу бояръ отъ земли, личную связь отъ территоріальной подвластности. По договорамъ мДитрія Донского съ тверскимъ великимъ княземъ и съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, 1362 и 1368 гг., бояре, отъѣзжая къ другому князю, сохраняли частное право собственности на свои вотчины, но эти вотчины должны были оставаться въ государственномъ обладаніи мѣстнаго князя. Боярин воленъ служить, кому онъ хочетъ, но, въ качествѣ вотчинника, онъ долженъ подчиняться мѣстной власти, и „судомъ и данью потянути по землѣ и по водѣ“ (№№ 27, 28). Соглашенія эти устанавливали совершенно ненормальный порядокъ, ненормальность котораго можетъ быть объяснена единственно его переходнымъ характеромъ отъ старыхъ формъ къ новымъ. Боярин былъ, вѣдь, прежде всего военнымъ слугою; онъ обязанъ былъ не только лично нести военную службу, но и приводить съ собою отряды своихъ слугъ и людей, живущихъ на его землѣ. Такимъ образомъ, сохраняя за собою право собственности на землю во владѣніяхъ оставленнаго имъ князя, боярин привлекалъ людей изъ чужого княжества для военной службы своему новому господину, не говоря уже о томъ, что онъ извлекалъ съ земли въ чужомъ княжествѣ средства для военной службы иному князю. Ненормальность этого порядка должна была особенно ясно обнаруживаться въ тѣхъ случаяхъ, когда два князя, которымъ одновременно подчиненъ былъ боярин, одному — въ качествѣ слуги, другому — въ качествѣ вотчинника, когда эти два князя вступали въ вооруженную борьбу между собою.

Вопреки соглашеніямъ князей, старый обычай отъѣзда съ вотчинами удержался до начала XVI вѣка. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ духовная грамота великаго князя Ивана Васильевича

1504 года: „а бояромъ и дѣтямъ боярскимъ ярославскимъ *съ своими вотчинами и съ куплями* отъ моего сына Василья *не отъыхати никому* никудѣ“ (№ 144). Объ этомъ же свидѣтельствуютъ настойчиво повторяемыя князьями до конца удѣльнаго времени, и совершенно излишнія съ точки зрѣнія современнаго намъ государственнаго права, указанія на то, что, передавая удѣлъ князю наслѣднику, завѣщатель передаетъ въ его обладаніе и боярскія вотчины, лежащія въ предѣлахъ этого удѣла, какъ опредѣленной территоріи: „а которыя села и деревни въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ за моими князьми и за бояры и за дѣтьми за боярскими, за кѣмъ ни буди; и то все сыну же моему Василью“ (№ 144, с. 392) [1]).

Боярин, „отъѣзжающій съ вотчиной“, представляетъ собою явленіе, тожественное феодалу, переходящему вмѣстѣ со своимъ леномъ-феодомъ отъ одного сеньера къ другому. Вышеприведенный текстъ договора объ отъѣздѣ бояръ съ вотчинами, будучи сопоставленъ съ соотвѣтствующими феодальными порядками, бросаетъ яркій лучъ свѣта на эту важную сторону порядковъ Удѣльной Руси. При крайней скудости источниковъ этого времени достаточно было бы и одного этого знаменательнаго текста. По счастью, въ одной изъ жалованныхъ грамотъ мы находимъ еще одно драгоцѣнное указаніе на изучаемыя отношенія ленной коммендаціи. Эта грамота свидѣтельствуетъ, что подчиненіе вотчины связано было съ заключеніемъ вассальнаго договора о службѣ. „Се язъ князь великій Иванъ Васильевичъ всеа Руси—читаемъ въ этой грамотѣ—пожаловалъ семи Иванка Максимовича сына Глядящего, что *билъ челомъ моей великой княгини Софьѣ и съ своею вотчиною*, съ половиною селомъ Глядящимъ, что въ Муромѣ въ Кузомскомъ стану, со всѣмъ съ тѣмъ, что къ его половинѣ потягло“. Слуга, вступая въ службу, бьетъ челомъ съ вотчиною, то есть передаетъ въ обладаніе князя свою землю. Дальнѣйшій текстъ еще болѣе интересенъ: „*И язъ, князь великій Ивашку пожаловалъ тѣмъ сю половиною селомъ Глядячимъ* со всѣмъ тѣмъ, что къ его половинѣ изстарины по тому жъ потягло; и кто у него имѣть жити людей на его половинѣ села Глядячего и тѣмъ его людемъ ненадобна

---

[1]) Вел. кн. Іоаннъ III передаетъ (въ обмѣнъ) волоцкимъ князьямъ Федору и Ивану волости Буйгородъ и Колпь и замѣчаетъ: „А которые земли въ тѣхъ волостехъ въ Буегородѣ и въ Колпи боярскіе и монастырскіе ихъ отчины и купли, и тѣ земли вѣдаютъ князь Оеодоръ и князь Иванъ судомъ и данью, а бояре и дѣти боярскіе и монастыри держатъ свои земли по старинѣ“ (1497, № 129).

моя дань"... Слѣдуютъ обычныя льготы жалованныхъ грамотъ. Здѣсь великій князь, совершенно также, какъ это дѣлалось при ленной коммендаціи на западѣ, жалуетъ слугу его же вотчиной [1]).

Въ виду слабости новаго территоріальнаго начала, князья не только сами взаимно обязуются не покупать селъ въ чужихъ владѣніяхъ, но и запрещаютъ это своимъ боярамъ. По московскому договору (Дмитрія Іоанновича съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ) 1388 года покупка селъ самими князьями и боярами въ чужомъ удѣлѣ воспрещена безусловно, а по московскому же договору 1389 г. она обусловлена согласіемъ князя: „а тобѣ въ нашихъ удѣлѣхъ и въ отчинѣ... селъ не купити, ни твоимъ дѣтемь, *ни твоимь бояромь безъ нашего вѣданья*"... (№ 35). Эти соглашенія преслѣдуютъ ту же цѣль закрѣпленія земли, что́ и дѣйствовавшія на западѣ въ разное время правила о неотчужденіи леновъ безъ согласія сеньера, или о непродажѣ министеріалами леновъ чужимъ вассаламъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы земли не ускользали отъ обладанія мѣстнаго князя (Вайцъ, V, 384).

Въ заключеніе—знаменательный примѣръ существовавшей у насъ феодальной коммендаціи вотчинъ. Онъ относится къ первымъ годамъ XVI вѣка, показывая, какъ долго не могло утвердиться у насъ начало неотчуждаемости территоріи по волѣ частнаго собственника. Это—довольно извѣстный въ нашей церковной исторіографіи фактъ передачи Волоколамскаго монастыря его игуменомъ Іосифомъ *изъ удѣла* Волоцкаго удѣльнаго князя *въ государство* московскаго великаго князя въ 1507 году. Іосифъ основалъ свой монастырь при дѣятельномъ покровительствѣ волоцкаго князя Бориса Васильевича въ его „вотчинѣ", въ глухомъ лѣсу. Монастырь быстро увеличилъ свои владѣнія благодаря земельнымъ вкладамъ; въ 1484 у Іосифа была уже каменная церковь, расписанная „хитрыми живописцы". Наслѣдовавшій князю Борису, сынъ его Федоръ, сначала также покровительствовалъ монастырю и въ 1500 году далъ ему деревню и половину слободки съ обычными

[1]) А. А. Э., I, № 120, 27-го іюля 1487. Въ другихъ грамотахъ, которыя давали льготы не при заключеніи служебнаго договора, этой формулы (пожаловалъ NN его же селомъ) не находимъ. Обыкновенная формула: „Се азъ князь великій *пожаловалъ NN что его земля*"... или „се азъ князь великій пожаловалъ архимандрита, далъ въ домъ святого Спаса". Ту же формулировку, что въ разсматриваемой грамотѣ, находимъ въ грамотахъ на пожалованіе кормленія: „Се азъ князь великій *пожаловалъ* NN въ кормленье *городомъ*". Іоаннъ III не нашелъ возможнымъ признать Ивашку Глядящего слугою одной лишь великой княгини; онъ жалуетъ его самъ, но въ то же время признаетъ его зависимость и отъ великой княгини, опредѣляя, что Ивашка подсуденъ великому князю или боярину введеному княгини Софьи.

иммунитетными льготами, но затѣмъ, позабывъ „приказъ своего отца и матери“, началъ притѣснять обитель. Іосифъ попытался князя „утѣшити мздою“ и „посла къ нему иконы Рублева письма и Діонисіева, и также платіе съ постригшихся“. Но князь Федоръ Борисовичъ настаивалъ на полной покорности: „аще не хощетъ мною повелѣнная творити, и онъ да изыдетъ, каможе хощетъ, а мнѣ держати монастырь по своей воли, яко же хощю азъ“. Тогда Іосифъ обратился къ великому князю Василію съ ходатайствомъ: „да простретъ руку свою и пріиметъ монастырь *въ покровъ и въ соблюденіе* свое, да не запустѣетъ и до конца не погибнетъ отъ многихъ неправдъ“. И затѣмъ Іосифъ не только не ушелъ изъ монастыря, какъ добивался его гонитель, но „отказалъ“ отъ него монастырь, передался московскому князю, „*отказался отъ своего государя въ великое государство*“. Василій Іоанновичъ „взя обитель пречистыя *въ свою державу*“, „взя монастырь отъ насилія удѣльнаго... *подъ свою царскую руку*“. Такъ разсказываетъ житіе, а самъ Іосифъ въ своемъ посланіи писалъ, что великій князь „*монастырь Пречистыя и мене грѣшнаго съ братіею взялъ въ великое свое государство*, и не велѣлъ князю Оедору Борисовичу вступатися ни во что“. Любопытно, что обиженный князь, отъ котораго игуменъ отложился съ своимъ монастыремъ, сдѣлалъ попытку поправить дѣло не путемъ перегоровъ съ великимъ княземъ, принявшимъ монастырь въ свое обладаніе, но посредствомъ соглашенія съ игуменомъ Іосифомъ, какъ бы признавая тѣмъ его право на переходъ: „князь же Феодоръ въ та времена у Іосифа нача прощатися, *моля его, еже бы возвратился*“, т.-е., возвратился бы съ монастыремъ. Еще болѣе знаменательно, что составитель житія, разсказывая объ этомъ фактѣ, не видитъ въ немъ ничего исключительнаго и сопоставляетъ его съ подобными же случаями въ прошломъ: „яко въ древнихъ лѣтахъ сія быша, отъ обидъ меньшихъ къ большимъ прибѣгали“. Іосифъ въ своемъ посланіи приводитъ и рядъ примѣровъ: „въ наши лѣта у князя Василья Ярославича въ вотчинѣ былъ Сергіевъ монастырь, а у князя у Александра у Оедоровича у Ярославскаго былъ въ вотчинѣ Каменскій монастырь, а у князей у Заѣкинскихъ былъ въ вотчинѣ монастырь Пречистыя, иже на Тользѣ“; игумены этихъ монастырей „били челомъ“ великому князю Василію Васильевичу и онъ „тѣ монастыри взялъ въ свое государство, да не велѣлъ тѣмъ княземъ въ тѣ монастыри вступатись ни во что“ [1]).

[1]) Сказанія о русскихъ и славянскихъ святыхъ, извлеченныя изъ Великихъ Мі-

III. Раздробленіе суверенной власти.

20. Разсмотрѣнныя выше отношенія вассальныя и ленныя, а также защитныя представляютъ собою систему отношеній, *объединяющихъ* феодальное общество. Они объединяютъ страну, раздѣленную на множество самостоятельныхъ владѣній, съ иммунитетными и полусуверенными правами. Иммунитетъ съ раздробленнымъ, разсѣяннымъ суверенитетомъ составляютъ начала *разъединенія*, раздѣленія страны.

Нѣкоторые историки видятъ характернѣйшія черты феодализма въ началахъ объединенія, въ личныхъ связяхъ, защитныхъ и ленныхъ. Другіе же выдвигаютъ на первый планъ начала разъединенія. Проф. Виноградовъ, напримѣръ, недавно въ своемъ учебникѣ далъ слѣдующее опредѣленіе феодализма: „каждый крупный помѣщикъ сдѣлался своего рода государемъ въ своей мѣстности. Такое *раздробленіе власти и переходъ ея къ помѣщикамъ принято называть феодализмомъ*“. Въ этомъ раздробленіи власти надо различать иммунитетныя и суверенныя права. Большая часть землевладѣльцевъ обладала только правами иммунитетными; крупнѣйшіе же—присвоили себѣ съ теченіемъ времени болѣе или менѣе ограниченныя суверенныя права. Если бы въ раздробленіи власти можно было видѣть главный рѣшающій признакъ феодализма, то вопросъ о признаніи государственнаго строя Руси феодальнымъ значительно упростился бы. Всѣ крупные землевладѣльцы съ древнѣйшаго времени у насъ, также какъ на западѣ, несомнѣнно обладали иммунитетными правами, обезпеченными имъ жалованными грамотами. Въ XIV и XV вв. появилось, кромѣ того, множество мелкихъ служебныхъ князей съ ограниченными суверенными правами. Удѣльная Русь, съ ея иммунитетными боярскими и монастырскими вотчинами и полусуверенными вотчинами княжескими, если руководствоваться однимъ лишь указаннымъ признакомъ, должна быть несомнѣнно признана феодальнымъ государствомъ [1]). Процессъ феодализаціи, въ

пей Четіихъ, ч. I, 1868 (Арх. ком.) с. 93 — 97. А. Истор., I, № 290, 1509 г. А. Арх. Экп.. I. № 136. *В. Милютинъ.* О недвиж. имущ. духов., с. 191, 239—240. *П. Хрущовъ.* Изслѣдов. о сочиненіяхъ Іосифа Санина, 1868, с. 213; г. Хрущовъ правильно полагаетъ, что Іосифъ не нарушилъ дѣйствовавшаго въ то время права, отказавшись отъ одного князя къ другому. Одно только „было сдѣлано Іосифомъ не по праву: онъ отошелъ съ монастыремъ въ великое княженіе безъ благословенія своего владыки“ (новгородскаго архіепископа Серапіона), ibidem, с. 207—208.

[1]) Это опредѣленіе неполно. Но если взять и полное опредѣленіе, то рѣшеніе вопроса не измѣнится. См. заключеніе.

смыслѣ раздробленія власти, перехода суверенныхъ правъ къ крупнѣйшимъ землевладѣльцамъ совершился у насъ, однако, какъ видно изъ послѣдующаго, совершенно инымъ путемъ.

Прежніе историки указывали въ особенности на слабость преемниковъ Карла Великаго, на личныя качества „лѣнивыхъ“ и „толстыхъ“ королей, какъ на первую причину распаденія каролингской монархіи на рядъ крупныхъ и мелкихъ суверенныхъ владѣній. Но личныя качества преемниковъ Карла могли только ускорить этотъ процессъ и вызвать быстрое грандіозное крушеніе его монархіи. Причины же раздѣленія лежали въ общемъ состояніи культуры того времени. „Постепенность культурнаго роста, замѣчаетъ проф. Виноградовъ, не допускаетъ быстраго появленія обширныхъ и сложныхъ государственныхъ системъ у молодыхъ, невоспитанныхъ исторіей, народовъ“.

Въ Удѣльной Руси мы находимъ условія географическаго и экономическаго порядка, подобныя западнымъ, и какъ результатъ ихъ тоже раздѣленіе страны на множество самостоятельныхъ владѣній съ суверенными правами. Въ Удѣльной Руси мы замѣчаемъ естественную слабую связность частей, географическую и экономическую разрозненность и обособленность округовъ и мелкихъ вотчинныхъ владѣній. Мы видимъ здѣсь 1) населенность рѣдкими оазисами среди дебрей лѣсовъ и топи болотъ, крайне затрудняющихъ пути сообщенія, 2) господство натуральнаго хозяйства, обезпечивающее, съ одной стороны, хозяйственную самостоятельность этихъ оазисовъ и, съ другой стороны, обусловливающее отсутствіе крупнаго торговаго и промышленнаго центра, который могъ бы служить базисомъ политическаго господства.

Обширная и слабо населенная Ростовская земля (или Понизовская, какъ ее называли новгородцы), XII и начала XIII вѣка, земля Андрея Боголюбскаго и Всеволода III Большое Гнѣздо не созрѣла еще для образованія обширнаго единаго государства. Подобно еще болѣе обширной и слабо населенной имперіи Карла Великаго, она дѣлится на быстро обособляющіяся части во второй половинѣ XIII вѣка, а черезъ столѣтіе мы видимъ ее раздѣленной на множество крупныхъ и мелкихъ княжескихъ владѣній.

Это раздѣленіе совершилось у насъ инымъ путемъ, чѣмъ на западѣ. Началось оно у насъ, совершенно также какъ тамъ, дѣлежемъ земель между сыновьями, наслѣдниками государя. Всеволодъ III раздѣлилъ свои владѣнія между сыновьями, также какъ Людовикъ Благочестивый. Раздѣленная Ростовская Русь на короткое время затѣмъ случайно соединилась въ рукахъ Ярослава Всеволодовича,

подобно тому, какъ монархія Карла соединилась случайно на короткое время въ рукахъ Карла Толстаго. Дальнѣйшее дѣленіе пошло различно. На западѣ родъ каролинговъ скоро угасъ; явились выборные короли; графы-управители и крупнѣйшіе землевладѣльцы захватили суверенныя права и возвысились до положенія владѣтельныхъ государей. У насъ не было этого момента узурпаціи. Родъ Всеволода Большое Гнѣздо быстро разросся и земля продолжала дѣлиться на все болѣе мелкія части между размножившимися князьями. Начало узурпаціи замѣнилось у насъ началомъ раздѣловъ. Въ широко распространившейся на западѣ узурпаціи власти ярко выразилась назрѣвшая необходимость раздѣленія страны на мелкія владѣнія. Той же самой назрѣвшей необходимости отвѣчали наши княжескіе раздѣлы земель. Одни и тѣ же внутреннія силы дѣйствуютъ на западѣ и у насъ; вслѣдствіе хорошо знакомыхъ историкамъ случайностей, онѣ различными путями находятъ себѣ выходъ, но въ результатѣ даютъ одинаковое раздробленіе государственной власти среди множества крупныхъ и мелкихъ владѣній съ суверенными и полусуверенными правами. У насъ также, какъ на западѣ, земля должна была неудержимо распасться, раздѣлиться на мелкіе самостоятельные мірки. Но въ моментъ назрѣвшаго раздѣленія страны у насъ оказалось на лицо множество князей претендентовъ съ наслѣдственными владѣтельными правами. Они замѣнили у насъ западныхъ феодаловъ, захватившихъ суверенныя права. Раздѣлы предупредили у насъ узурпацію; раздѣленіе „сверху“ предупредило раздѣленіе „снизу“; „окняженье“ земли предупредило ее „обояренье“. Но результатъ въ XIV, XV вѣкахъ получился тотъ же, что и на западѣ.

21. Говоря о раздѣлахъ, я разумѣю не первоначальныя дѣлежи Суздальской Руси на нѣсколько крупныхъ частей въ XIII вѣкѣ; не раздѣлы Всеволода III и его сына Ярослава († 1246) и не образованіе болѣе крупныхъ удѣловъ: Тверской, Ярославскій, Ростовскій, Бѣлозерскій, Московскій и др. Эти первоначальные раздѣлы не имѣютъ феодальнаго характера, представляя собою обыкновенное раздѣленіе единаго государства на нѣсколько равноправныхъ государствъ. Противопоставляя западно-европейской узурпаціи раздѣлы, противопоставляя феодальнымъ владѣніямъ съ узурпированными суверенными правами удѣльныя княжества, возникшія вслѣдствіе раздѣловъ, я имѣю въ виду дальнѣйшее дробленіе княжествъ въ XIV и XV вѣкахъ на мелкія княжескія владѣнія. Сѣверо-Восточная Русь быстро дробилась на мелкія княжества. Возьмемъ, напримѣръ, Тверское

княжество, обособившееся во второй половинѣ XIII столѣтія со времени княженія Ярослава Ярославича Тверского. Въ половинѣ слѣдующаго XIV вѣка здѣсь является нѣсколько удѣловъ: Дорогобужскій, Кашинскій, Холмскій, Микулинскій; раздѣленіе на этомъ не останавливается и въ началѣ XV вѣка здѣсь образуется еще нѣсколько мелкихъ удѣловъ: Городенскій, Зубцовскій, Телятевскій, Черятинскій, Старицкій. Точно также Бѣлозерское княжество, обособившееся во второй половинѣ XIII столѣтія, въ XIV и въ началѣ XV вѣка раздѣляется на длинный рядъ мелкихъ удѣловъ: Карголомскій, Ухтомскій, Сугорскій, Кемскій, Андожскій, Вадбольскій, Шелешпанскій. Точно также Ярославское княжество, расположенное отъ Волги на сѣверо-западъ по Мологѣ и Шекснѣ и на сѣверъ, на Кубенскомъ озерѣ, распадается въ ту же эпоху на нѣсколько удѣловъ: Моложскій по р. Мологѣ, Шехонскій, по р. Шекснѣ и ея притокамъ, Заозерско-Кубенскій и др. Эти удѣлы дробятся далѣе. Въ Моложскомъ удѣлѣ въ концѣ XIV вѣка возникаютъ мелкія княжества Сицкое, Прозоровское, Шуморовское.

Большая часть этихъ княжествъ была весьма незначительныхъ размѣровъ. Какъ замѣтилъ В. О. Ключевскій, территорія ихъ занимала обыкновенно бассейнъ какой-либо маленькой рѣчки, и нерѣдко ограничивалась только частью маленькаго рѣчного бассейна. Такъ напримѣръ, вдоль нижняго теченія рѣки Мологи, на протяженіи 60—70 верстъ мы находимъ около 1400 года четыре княжества: Моложское, по р. Мологѣ, затѣмъ, по лѣвымъ ея притокамъ княжества Сицкое (по р. Сити) и Прозоровское (по р. Себлѣ и Редмѣ), наконецъ, въ углу между Волгой и Мологой—Шуморовское, съ столицей въ селѣ Шуморовѣ. Незначительность владѣній приравнивала владѣльцевъ такихъ княжествъ къ боярамъ-вотчинникамъ; но они, несмотря на это, сохраняли свои наслѣдственныя владѣтельныя княжескія права. Мелкіе князья, какъ напримѣръ, Бохтюжскій и Карголомскій въ XV вѣкѣ даютъ льготныя и несудимыя грамоты на свои земли совершенно также, какъ великіе князья-государи. Даже въ XVI вѣкѣ мелкіе князья-„княжата“ сохраняли какъ это, такъ и нѣкоторыя другія владѣтельныя права [1]). Но незначи-

[1]) С. Ф. Платоновъ говоритъ о княжатахъ XVI вѣка, что они „сохранили всѣ аттрибуты государствованія: у нихъ былъ свой дворъ, свое „вотчество“, которое они выводили на службу великаго князя московскаго; они были свободны отъ поземельныхъ налоговъ; юрисдикція ихъ была почти не ограничена; свои земли они „жаловали“ монастырямъ въ отчины и своимъ служилымъ людямъ въ помѣстье. Пріобрѣтая къ старымъ вотчинамъ новыя, они и въ нихъ водворяли тѣ же порядки, хотя ихъ новыя земли не были ихъ родовыми и не могли сами по себѣ питать владѣльческихъ традицій“. Очерки по исторіи смуты въ Моск. госуд. XVI—XVII вѣковъ. с. 132.

тельные размѣры владѣній мѣшали многимъ князьямъ осуществлять въ полномъ объемѣ наслѣдственныя суверенныя права, и поставили ихъ въ зависимость отъ великихъ князей—полноправныхъ государей. Оставаясь государями въ предѣлахъ своихъ владѣній, они лишились политической самостоятельности и стали въ вассально-служебное подчиненіе къ великимъ князьямъ. Такіе „служебные князья" являютъ яркія феодальныя черты. Б. Н. Чичеринъ давно уже замѣтилъ, что „служебный князь совершенно уподоблялся феодальному барону, который будучи обязанъ службою своему ленному господину, оставался вполнѣ независимымъ внутри своихъ владѣній" (Опыты, с. 339).

Вся Сѣверо-Восточная Удѣльная Русь XIV—XV вв. была раздѣлена на массу крупныхъ и мелкихъ княжескихъ владѣній. Въ изслѣдованіи А. В. Экземплярскаго описано великое множество владѣтельныхъ князей московскихъ, тверскихъ, рязанскихъ, суздальско-нижегородскихъ, ярославскихъ, углицкихъ, бѣлозерскихъ, стародубскихъ, галицкихъ, серпуховскихъ. Изъ нихъ немногіе, „великіе князья" были настоящими независимыми государями: удѣльные князья были нѣсколько ограничены въ своемъ суверенитетѣ, будучи лишены права самостоятельныхъ политическихъ сношеній; наконецъ, многочисленные „служебные князья"—позднѣйшіе „княжата" обладали только полусуверенными правами, приближаясь къ крупнымъ иммуштетнымъ вотчинникамъ. Въ результатѣ, мы находимъ въ Удѣльной Руси тоже крайнее раздробленіе суверенныхъ правъ среди крупныхъ землевладѣльцевъ; рядомъ съ иммунитетными вотчинниками-баронами, находимъ пользующихся въ различной степени суверенными правами князей-сеньеровъ.

Въ числѣ другихъ суверенныхъ правъ наши удѣльные князья-феодалы пользовались и правомъ чеканки монеты, о которомъ всѣ вспоминаютъ, разсуждая о феодализмѣ. Среди нашихъ древнихъ монетъ встрѣчаются деньги, выбитыя мелкими служебными князьями. Въ тверскомъ музеѣ хранятся монеты, мѣдныя и серебряныя, съ надписями „Денга Городѣск., Городецко, Городеньск". Эти городенскія или городецкія деньги чеканены были, какъ полагаютъ, одними изъ самыхъ незначительныхъ тверскихъ удѣльныхъ князей, а именно князьями старицкими или городенскими (столица удѣла—въ Старицѣ, нынѣшнемъ уѣздномъ городѣ тверской губерніи) [1]). Извѣстны и другія не велико-

[1]) *А. К. Жизневскій.* Монеты Городенскія или Городецкія: Труды Моск. Нумизмат. Общ. 1893 г., I, с. 109—113. *А. Орѣшниковъ.* Мат. къ русской нумизматикѣ до царскаго періода: Труды М. Нумизм. общ., 1901, т. II, *В. Ляпицкій.* Междукняж. отнош. въ Влад. Моск. княж., с. 37, 47.

княжескія серебряныя и мѣдныя деньги (пулы): каширскія, микулинскія, спасскія и др. Іоаннъ III, разрушая феодальные порядки, завѣщалъ, чтобы въ удѣлахъ никто не чеканилъ монеты: „а сынъ мой Юрьи съ братьею по удѣломъ въ Московской землѣ и въ Тферской денегъ дѣлати не велятъ; а деньги велитъ дѣлати сынъ мой Василей на Москвѣ и во Тферѣ, какъ было при мнѣ" (№ 144, с. 397).

IV. Заключеніе.

22. Въ предшествующихъ главахъ, и въ ранѣе напечатанныхъ очеркахъ о патронатѣ и иммунитетѣ [1]) я выяснилъ существованіе въ удѣльной Руси XIII-XV вѣковъ всѣхъ тѣхъ институтовъ, которые въ своей совокупности образуютъ систему феодализма.

1) Здѣсь существовали разнообразныя отношенія *защиты-патроната*. Лица, отдавшіяся подъ защиту сильнаго человѣка, западноевропейскіе кліенты или коммендаты назывались у насъ закладнями или закладниками, а въ позднѣйшее время закладчиками. Наши термины закладываться-задаваться точно соотвѣтствуютъ по смыслу термину se commendare [2]). Закладничество лица въ удѣльное время влекло за собою, также какъ на западѣ, закладничество земли. Рядомъ съ такой личной и земельной коммендаціей, существовала у насъ и коммендація исключительно личная.

Отъ отношеній патроната, защитной зависимости, близкой къ подданству, отличается сродный патронату институтъ мундебурдія, въ которомъ, безъ всякой примѣси подданнической зависимости, выражается, присущій патронату, элементъ особаго покровительства лицу, взятому подъ защиту. Въ скудныхъ источникахъ удѣльнаго времени я указалъ тексты, соотвѣтствующіе западнымъ грамотамъ на мундебурдій. Соединявшаяся съ нимъ привилегія непосредственной подсудности королю развита была у насъ еще сильнѣе, чѣмъ на западѣ.

2) Отношенія удѣльныхъ бояръ и слугъ къ князю тожественны

---

[1]) Закладничество-патронатъ: Изв. И. Р. Археол. общ., т. IX, вып. 1, 2. Иммунитетъ въ Удѣльной Руси: *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1900, № 12, и отд. Нѣкоторыя соображенія о феодальныхъ порядкахъ въ Удѣльной Руси изложены въ моей книгѣ: „Государевы служилые люди", стр. 18—26, 298—300.

[2]) Слово „закладничество" равно по смыслу „коммендаціи". Въ моей статьѣ о закладничествѣ я, отмѣтивъ это его значеніе, расширилъ его смыслъ и приравнялъ термину „патронатъ", за неимѣніемъ у насъ спеціальнаго термина, соотвѣтствующаго патронату. Соловьевъ придавалъ слову „закладничество" еще болѣе широкое значеніе, приравнивая его „феодализму".

по существу съ отношеніями вассаловъ къ сеньору. „Боярская служба“ ничѣмъ не отличается отъ „вассалитета“. Она развивается, также какъ вассалитетъ, изъ отношеній дружинныхъ; наши бояре и слуги также, какъ вассалы, представляютъ собою осѣдлыхъ дружинниковъ землевладѣльцевъ. Боярская служба, какъ и вассалитетъ, совершенно не зависитъ отъ территоріальнаго подданства и опредѣляется свободнымъ договоромъ двухъ лицъ. Боярская служба, какъ и вассальная, есть прежде всего служба военная. Боярин „слуга“, также какъ вассальный „слуга“, есть вольный военный слуга землевладѣлецъ, получающій отъ господина за службу покровительство и матеріальную помощь, въ видѣ пожалованія земельныхъ владѣній и доходныхъ должностей. Вассальный договоръ опредѣляетъ собою у насъ, какъ и на западѣ, не только отношенія лицъ къ великому князю-государю, но и отношенія частныхъ лицъ между собою. Какъ древнѣйшіе дружинники имѣютъ свои дружины, такъ удѣльные бояре и духовные владыки имѣютъ своихъ подвассаловъ: военныхъ „слугъ“, „служилыхъ людей“, „послужильцевъ“, владѣющихъ помѣстьями и вотчинами, и не подчиненныхъ великому князю.

3) Въ области поземельныхъ отношеній у насъ существовала бенефиціальная форма землевладѣнія, пожалованіе земли подъ условіемъ службы; „служни земли“ не только по существу одинаковы съ „бенефиціями“, но и называются одинаково съ ними, „жалованіями“. Наши княжескіе и боярскіе слуги вознаграждались за службу также, какъ вассалы, не только пожалованіемъ земель, но и пожалованіемъ должностей; наше кормленіе тожественно съ леномъ-должностью, съ fief-office. Во время полнаго разцвѣта феодализма на западѣ типичной формой землевладѣнія былъ не бенефицій, не пожалованіе земли въ условное, пожизненное или наслѣдственное владѣніе, а вотчинный феодъ или ленъ, принадлежавшій лицу на правѣ собственности, которое весьма мало стѣснялось верховными правами сеньера на землю; феодъ до такой степени прочно принадлежалъ собственнику, что послѣдній, переходя на службу къ другому господину, передавалъ въ его обладаніе и свою землю. Эти основныя черты леннаго землевладѣнія нашли мы и въ Удѣльной Руси, въ боярскомъ вотчинномъ землевладѣніи. Наши бояре вмѣстѣ съ своими вотчинами переходили на службу отъ одного князя къ другому. Такъ же какъ феодалы, наши бояре были вотчинниками и имѣли право отъѣзда съ вотчинами. Старанія князей уничтожить феодальную коммендацію лица

съ землей и утвердить государственную территоріальную власть оставались тщетными до XVI вѣка.

4) Далѣе, въ Удѣльной Руси существовалъ институтъ иммунитета. Какъ свѣтскія, такъ и церковныя вотчины ограждены были у насъ, такъ же какъ на западѣ, ab introitu judicum, отъ въѣзда княжескихъ волостелей. Населеніе вотчины свободно было отъ податной и судебной зависимости въ общемъ порядкѣ. Вотчинникъ имѣлъ въ отношеніи населенія принадлежащей ему земли государственныя права суда и дани, въ полномъ объемѣ или въ значительной части. Частное владѣніе представляло собою маленькое государство въ государствѣ.

5) Наконецъ, суверенныя права въ Удѣльной Руси были также раздѣлены между крупнѣйшими землевладѣльцами, какъ и на западѣ. Рядомъ съ иммунитетными боярскими и монастырскими вотчинами, у насъ существовало большое число мелкихъ княжескихъ вотчинъ съ полусуверенными правами.

Въ общемъ, всѣ эти учрежденія создаютъ въ Удѣльной Руси феодальный правопорядокъ, рѣзко отличающійся отъ позднѣйшаго московскаго государственнаго строя. Государственныя начала единообразнаго подданства и территоріальной власти уже существуютъ такъ же какъ и въ западныхъ феодальныхъ государствахъ, но не опредѣляютъ собою основъ правопорядка. Феодальныя личныя начала преобладаютъ. Въ удѣльныхъ княжествахъ, рядомъ съ великокняжескими землями (доменами), мы находимъ большое число полузависимыхъ крупныхъ частновладѣльческихъ вотчинъ съ полусуверенными и иммунитетными правами; сильные владѣльцы этихъ вотчинъ привлекаютъ подъ свою заступу и на свою службу мелкихъ землевладѣльцевъ; они связаны съ центральной велико-княжеской властью личною, свободною вассальною службой; полузависимыя вотчины ихъ не имѣютъ прочной связи съ территоріей княжества.

Въ Удѣльной Руси, такъ же какъ на феодальномъ западѣ, преобладаютъ особность, самостоятельность частныхъ владѣній, на почвѣ иммунитета и раздробленнаго суверенитета, и объединеніе вотчинниковъ личными, непрочными связями защиты и вольной службы, по началамъ патроната и вассалитета. Личныя связи преобладаютъ надъ поземельными. Весьма рано у насъ, такъ же какъ на западѣ, начинается борьба великокняжеской территоріальной власти съ феодальными личными, договорными началами. Историческая эволюція у насъ, какъ и

на западѣ, идетъ по пути отрицанія личныхъ связей, сплоченія и закрѣпленія земель и лицъ, по пути установленія государственной территоріальной власти.

Французскіе историки различаютъ три главныхъ типа феодальныхъ владѣній во Франціи: 1) большія сеньеріи, въ числѣ около 40, княжества, графства и вице-графства (duchés, comtés et vicomtés), пользующіяся всѣми государственными правами, 2) малыя сеньеріи, очень многочисленныя, по большей части châtellenies, vicomtés, vidamies et avoueries, господа которыхъ имѣютъ небольшія земли и ограниченныя права, наконецъ, 3) еще болѣе многочисленныя земельныя владѣнія, не имѣющія сеньеріальныхъ-суверенныхъ правъ, но пользующіяся феодальными правами и главнымъ изъ нихъ—иммунитетомъ.

На такіе же три типа могутъ быть раздѣлены земли и въ Удѣльной Руси. Высшій слой большихъ сеньерій - государствъ составляли великія княжества и болѣе значительныя княжества удѣльныя, въ томъ же приблизительно числѣ 30 — 40. Слѣдующій слой составляли мелкія удѣльныя княжества, имѣвшія ограниченныя государственныя права. Наконецъ, третій слой—такія же какъ на западѣ, иммунитетныя боярскія и монастырскія вотчины.

Всѣ эти владѣнія, такъ же какъ на западѣ, связаны были между собою вассально-служебными отношеніями. Служебный князь былъ слугою великаго или удѣльнаго князя-сеньера. Въ свою очередь онъ имѣлъ военныхъ слугъ вассаловъ въ лицѣ бояръ и дѣтей боярскихъ. Боринъ, въ свою очередь, имѣлъ своихъ слугъ - мелкихъ помѣщиковъ. Получается та же, что и на западѣ, феодальная лѣствица землевладѣльцевъ, связанныхъ вассальною службою.

23. Государственный порядокъ Удѣльной Руси совпадалъ съ феодальнымъ не только въ этихъ основныхъ чертахъ, но и во многихъ частностяхъ. Въ предшествовавшемъ изложеніи я отмѣтилъ много второстепенныхъ, сходныхъ и тожественныхъ чертъ. Это сходство частностей не лишено значенія. Оно служитъ средствомъ провѣрки; оно подтверждаетъ правильность выводовъ, полученныхъ при изученіи основныхъ чертъ феодальнаго правопорядка, являясь слѣдствіемъ глубокаго сходства основъ.

Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что въ русской древности мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ тѣ же самыя учрежденія, тѣ же отношенія и воззрѣнія, что́ и на феодальномъ западѣ, иногда въ полномъ развитіи, иногда въ менѣе опредѣленныхъ чертахъ. Въ нашихъ грамотахъ встрѣчаются фразы, представляющія собою какъ бы

буквальный переводъ соотвѣтствующихъ латинскихъ текстовъ. Для важнѣйшихъ феодальныхъ учрежденій въ русской древности были спеціальные термины, точно соотвѣтствующіе западно-европейскимъ. Коммендаты назывались у насъ *закладнями;* для обозначенія феодальной коммендаціи употреблялись слова задаваться-закладываться. Русскій дружинникъ, какъ и германскій, назывался мужемъ; боярин же, такъ же какъ вассалъ, — *слугою* господина великаго князя. Для обозначенія бенефиція у насъ было спеціальное слово — *жалованіе*; это слово у насъ имѣло столь же широкое распространеніе, какъ на западѣ слова бенефицій и ленъ. Жалованьемъ называлась и земля, пожалованная въ условное владѣніе (помѣстье), и должность, и иммунитетныя льготы. Села и волости у насъ, такъ же какъ на западѣ, даются „въ жалованье"—in beneficium.

Изучая главные феодальные институты, я далеко не исчерпалъ всего богатаго матеріала, который дается сравнительнымъ изученіемъ русскихъ и западно-европейскихъ порядковъ. Для примѣра укажу на прекарій. Въ нашихъ грамотахъ можно найти образцы всѣхъ разнообразныхъ прекарныхъ договоровъ по схемѣ, выработанной П. Ротомъ [1]).

24. Сравнивая учрежденія Руси и Запада, я выдѣлялъ шагъ за шагомъ ихъ основныя черты, выясняя тожество скелетовъ этихъ учрежденій. Допустимъ, скажутъ мнѣ, что скелеты этихъ учрежденій построены одинаково; но, можетъ быть, духъ, оживлявшій ихъ, былъ совершенно инымъ; можетъ быть, на русской почвѣ, въ иной обстановкѣ феодальныя учрежденія потеряли свое живое значеніе? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, достаточно напомнить довольно извѣстныя черты удѣльнаго времени, чтобы показать, что феодальныя учрежденія у насъ въ свое время жили полною жизнью.

Въ Удѣльной Руси господствуетъ то же разъединеніе, та же особность

---

[1]) *Paul Roth*, Feodalität und Unterthanverband, 1863. с. 145 — 167. У насъ были и прекаріи-бенефиціи (precariae datae), и прекаріи вкладные (precariae oblatae). Въ жалованной грамотѣ митрополита Б. Тютчеву, такъ же какъ въ Турской формулѣ, земля жалуется лицу въ пожизненное владѣніе, съ условіемъ, что послѣ смерти прекариста участокъ земли возвратится къ церкви со всѣми приплодами и улучшеніями. (А. А. Э., I. № 71 (1162) *Fustel de Coulanges*. Les origines du système féodal, с. 135). Этотъ прекарій у насъ, такъ же какъ на западѣ, разсматривается какъ пожалованіе—бенефиціи. Вкладчики-прекаристы у насъ также, какъ на западѣ, часто, вкладывая землю въ монастырь, сохраняли за собою пожизненное владѣніе: „а держати ми то сельцо за собою до своего живота" (donation avec rèserve d'usufruit)

частей, что и на западѣ, унаслѣдованныя отъ свободной эпохи дружинно-вѣчевой, и изчезнувшія только подъ давленіемъ тяжелой московской государственности. Крупнѣйшія княжества-земли проявляли задатки самостоятельнаго развитія; между населеніемъ ихъ во время войнъ обнаруживался племенной антагонизмъ; въ области права замѣтны различія въ учрежденіяхъ княжествъ тверского, рязанскаго и московскаго, не говоря уже о новгородской землѣ [1]); московское княжество сильно отличается отъ всѣхъ другихъ княжествъ сѣверо-восточной Руси тѣмъ, что въ немъ ранѣе всего укрѣпляются государственныя начала. Особность какъ великихъ княжествъ, такъ и небольшихъ частныхъ владѣній питалась и поддерживалась географическими условіями эпохи колонизаціи; лѣса и болота разрозняли и обособляли части земли; бывшія владѣнія нѣкоторыхъ княжествъ, благодаря естественнымъ преградамъ, даже въ XVI вѣкѣ составляли обособленные уединенные уголки [2]).

Феодальный духъ свободы и независимости ярко выражался въ отношеніяхъ бояръ къ князю. Право отъѣзда давало силу и само-

---

(А. Юр. Б. I, № 63, XV (1479–1516) и многія другія). Сохраняя пожизненное владѣніе, они иногда при этомъ обязывались платить монастырю оброкъ-цензъ: „Что намъ въ монастырь далъ NN деревеньку свою... ино ему жити въ той монастырской деревнѣ до его живота безъ выреду, а давати ему въ монастырь празги (оброкъ) съ году на годъ по гривнѣ денегъ“. (Акты Холмогорской епархіи: Р. Ист. Библ., т. XIV, с. 37. Писцовыя книги Калачова, I, 791). Наиболѣе характерный видъ средневѣковаго прекарія состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что вкладчикъ передаетъ землю монастырю въ безусловную собственность и затѣмъ получаетъ ее обратно во владѣніе или пользованіе, но уже не по праву, а изъ милости, въ видѣ пожалованія отъ монастыря. У насъ также встрѣчаются грамоты, въ которыхъ пожизненное владѣніе вкладчика землею, данной монастырю, разематривается какъ милость, пожалованіе монастыря: „а покамѣсть Богъ продлитъ живота, а *архимандриту пожаловати меня вонъ не высылати*“. Въ другой грамотѣ вкладчикъ двора проситъ игумена: „и меня бы сетя пожаловали на томъ же дворѣ велѣли жити“. Въ третьей грамотѣ старица, даруя (по завѣщанію своего сына, на поминокъ его души) село монастырю, *бьетъ челомъ* игумену, прося его дозволить жить нѣкоторое время въ этомъ селѣ ея человѣку: „да што бы сете, господине, пожаловали, нашего человѣка еще не велѣли двинуть, доколѣ его помѣстимъ“ (*С. В. Рождественскій*, Служилое землевладѣніе, с. 105, выписка изъ грамоты). *С. Шумаковъ*, Тверскіе акты, т. I, с. 53 (1516). Угличскіе акты, с. 75. О вкладныхъ грамотахъ вообще см. *М. Горчаковъ*, О зем. влад. всер. митроп., с. 89—92.

[1]) О начаткахъ областной самобытности частнаго права, см. *П. Дювернуа*, Чт. по гражд. праву, т. I, 189—190.

[2]) *С. О. Платоновъ*, Очерки по ист. смуты, с. 34: Галичское княжество — Галичъ Мерскій. — Бѣлозерскія княжества.

стоятельность удѣльному боярству. „Князь не могъ приказывать своимъ вольнымъ слугамъ: онъ долженъ былъ убѣждать ихъ въ цѣлесообразности своихъ намѣреній“ [1]). Если князь дерзалъ дѣйствовать самовластно, бояре, какъ и древніе дружинники, смѣло отказывались слѣдовать за нимъ: „о себѣ, княже, еси замыслилъ, мы того не вѣдали, не ѣдемъ по тебѣ“. Великій князь Дмитрій Донской такъ охарактеризовалъ важное самостоятельное значеніе своихъ бояръ, сказавъ имъ, умирая: „съ вами царствовахъ, землю русскую держахъ... и мужествовахъ съ вами на многы страны... подъ вами грады держахъ и великія власти... вы же не нарекостеся у мене бояре, но князи земли моей“ [2]). Такъ говорилъ Дмитрій Донской, одинъ изъ сильнѣйшихъ князей изучаемаго времени. Московскіе государственные порядки представляютъ разительный контрастъ съ порядками удѣльно-феодальными. Іоаннъ III, „переставливающій старые обычаи“ говоритъ, въ думѣ неугодному совѣтчику: „пойди смердъ прочь, ненадобенъ ми еси“. Вольныхъ великокняжескихъ *слугъ* смѣняютъ государевы *холопы*. Князь Холмскій въ княженіе Ивана III, въ записи о неотъѣздѣ, называетъ себя еще слугою, но со временъ Василія III это наименованіе замѣняется словомъ холопъ.

Та „феодальная независимость, доведенная до крайнихъ предѣловъ“, о которой говорятъ французскіе историки, ярко проявлялась у насъ въ частыхъ отъѣздахъ бояръ. Вассалы на западѣ переходили отъ одного сеньера къ другому въ погонѣ за выгодой. Точно также наши бояре въ погонѣ за выгодой въ большомъ числѣ отъѣзжаютъ отъ удѣльныхъ князей къ великому князю московскому, который лучше другихъ князей вознаграждалъ своихъ слугъ и вѣрнѣе ограждалъ ихъ отъ обидъ и притѣсненій. Тверскіе бояре и дѣти боярскіе въ большомъ числѣ переходятъ въ концѣ XV вѣка къ великому князю московскому. Даже бояре, славившіеся своей долгою и вѣрною службою князю, нерѣдко отъѣзжали отъ него, изъ за какой-нибудь обиды. Такъ въ 1433 году отказался отъ московскаго великаго князя видный московскій боярин Иванъ Дмитріевичъ Всеволожскій, обиженный тѣмъ, что великій князь не сдержалъ своего обѣщанія жениться на его дочери. Такъ въ началѣ XIV вѣка уѣхалъ изъ Москвы боярин Акинфъ Гавриловичъ, не пожелавшій быть меньше новаго слуги московскаго князя, боярина Родіона Нестеровича. Княжескіе договоры часто упо-

---

[1]) *В. И. Сергѣевичъ.* Р. Юрид. Древн., т. II, с. 348.

[2]) П. С. Р. Л., VIII, 56, XI, 114 (1389).

минаютъ объ отъѣхавшихъ боярахъ и слугахъ. „Вассалы, говоритъ Вайцъ, во время частыхъ междоусобій князей соперниковъ „присоединялись то къ одной сторонѣ, то къ другой, оставляли своихъ старыхъ господъ, чтобы отъ новыхъ получить бо́льшія выгоды“. Совершенно также поступаютъ наши бояре. Во время долгой борьбы великаго князя Василія съ Дмитріемъ Шемякою, бояре и дѣти боярскіе легко подчиняются Шемякѣ, но при малѣйшей надеждѣ на успѣхъ князя Василія, бьютъ ему челомъ въ службу, отказываясь отъ его соперника.

Характерной чертой западныхъ феодаловъ была ихъ военная профессія, ихъ воинскій духъ. Эта черта выразилась въ рыцарствѣ. Наши бояре и князья въ значительной степени утратили рыцарскія черты, которыя свойственны были ихъ предшественникамъ дружинникамъ и такъ ярко обрисованы въ Словѣ о полку Игоревѣ. Тѣмъ не менѣе, они, какъ ихъ предшественники дружинники и какъ западные феодалы, всѣ были воинами. Всѣ они обязаны были садиться на конь, когда князь выступалъ въ походъ. И во время постоянныхъ удѣльныхъ междоусобій, всѣмъ имъ часто приходилось сражаться во главѣ отрядовъ ихъ слугъ и людей. Духовные владыки не выступали сами въ походъ, но взамѣнъ себя посылали своихъ воеводъ, предводительствовавшихъ владычнымъ воинствомъ.

Господствующія у насъ представленія о рѣзкомъ различіи между древне-русскими и западными порядками зиждутся, съ одной стороны, на маломъ знакомствѣ съ своеобразнымъ удѣльнымъ временемъ, незамѣтно сливающимся въ трудахъ многихъ нашихъ историковъ съ лучше изученными періодами Кіевской дружинной Руси и Московскаго государства, и, съ другой стороны, на слишкомъ схематическомъ пониманіи западнаго феодализма въ преувеличенно рѣзкихъ чертахъ. Такъ, въ данномъ случаѣ, съ одной стороны, наши бояре были не только кормленщиками и сельскими хозяевами, но и воинами; а съ другой стороны, западные феодалы были не только воинами-рыцарями, но и хозяевами-землевладѣльцами, и вовсе не были такъ воинственны, какъ часто думаютъ: землевладѣніе значительно ослабило ихъ воинскій духъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, мы можемъ установить различіе между нашими и западными порядками только по количеству, но не по качеству. Соловьевъ вѣрно замѣчаетъ, что „войны феодальнаго періода отличаются своею мелкостію и непродолжительностію: *вассалы такіе же охотники надолго отлучаться отъ своихъ домовъ, какъ и наши помѣщики;* при большей

самостоятельности ихъ положенія у нихъ выговорены срокъ—и далѣе этого срока они не останутся въ походѣ" [1]).

Въ своевольномъ феодальномъ обществѣ живетъ идеалъ вѣрнаго рыцаря, вѣрнаго вассала. Chansons de geste воспѣваютъ преданнаго рыцаря, самоотверженно служащаго сеньеру и исполняющаго желанія сеньера даже тогда, когда онъ ихъ не одобряетъ. Этотъ идеалъ былъ знакомъ и нашей древности; онъ живо отразился въ церковно-публицистической литературѣ.—Во французской пѣснѣ идеально преданный сеньеру рыцарь Бернье говоритъ: „мой сеньеръ Рауль предатель хуже Іуды, но онъ мой сеньеръ; ни за что на свѣтѣ я не ослушаюсь его". Въ русской лѣтописи вѣрный боярин (Семенъ Тонилѣвичъ) провозглашаетъ тотъ же принципъ безпрекословнаго исполненія воли князя: „и вѣдятъ они (князья) между собою, а язъ вѣмъ то, еже служити своему господину отъ всего сердца". — Эта вѣрность службы, какъ у насъ, такъ и на западѣ, не исключала права отказа (défi). Названный рыцарь Бернье, оскорбленный сеньеромъ Раулемъ, отказывается отъ него. Также и одинъ изъ нашихъ бояръ, прославляемый лѣтописцемъ за долгую самоотверженную службу (П. Д. Всеволожскій), кончаетъ тѣмъ, что оставляетъ своего князя. Это право отказа въ извѣстныхъ случаяхъ признается даже поученіями XIV в., настаивающими на покорности бояръ князьямъ: „аще кто отъ своего князя къ иному отъидетъ, *а достойну чести пріемля отъ него,* то подобенъ Іудѣ". Вѣрность здѣсь обусловливается „достойною честью". Боярин остается все-таки вольнымъ слугою, также какъ вѣрный рыцарь. Въ случаѣ обиды отказъ вступаетъ въ свои права [2]).

25. Свобода и независимость у насъ, также какъ на западѣ, вели къ насиліямъ и самоуправству. Великокняжеская власть была еще недостаточно сильна, чтобы обезпечить общественную безопасность. Житія святыхъ переполнены разсказами о разбойникахъ, разорявшихъ вновь устраивавшіеся монастыри. Населеніе терпѣло насилія не только отъ лихихъ людей, но и отъ сильныхъ людей: бояръ и дѣтей бояр-

---

[1]) *Соловьевъ,* Исторія Россіи, т. XIII, кн. III, стр. 690.

[2]) Кн. для чт. по ист. ср. вѣковъ, ч. II, стр. 749. *J. Flach,* Les origines de l'ancienne France. II. c. 498—481. 531. *М. Дьяконовъ,* Власть моск. госуд., с. 168. 170. Даже когда рыцарь давалъ клятву *пожизненной* вѣрной службы, онъ и тогда сохранялъ право отказа. En règle la compagnie était nouée pour l'existence entière... pour la faire cesser plus tôt, une rupture de foi, un *défi* était nécessaire.

скихъ. Своевольные и самоуправные бояре, такъ же какъ западные феодалы, дѣлали разбойничьи наѣзды. Въ правой грамотѣ начала XVI вѣка сохранилось любопытное подробное описаніе одного такого разбойничьяго боярскаго набѣга. Князь Иванъ Лапинъ съ своими людьми пріѣхалъ разбоемъ на монастырскій дворъ, угналъ монастырскихъ коней, ограбилъ имущество на 50 р. съ полтиною (однорядку, шубу бѣлью, калиту съ деньгами) и убилъ монастырскаго слугу. На крикъ монастырскихъ людей прискакалъ великокняжескій псарь и сосѣдніе крестьяне; они поскакали въ погоню за грабителями, захватили одного изъ нихъ, Карпика и, приведя его въ свою деревню, „къ мертвому Ивашкѣ къ ногѣ привязали“. Но этимъ дѣло не кончилось. Монастырскіе люди зовутъ пристава, сотскаго и понятыхъ и отправляются съ убитымъ Ивашкой и пойманнымъ Карпикомъ къ намѣстнику въ Каширу. Князь Иванъ Лапинъ дѣлаетъ вооруженное нападеніе со многими людьми на этихъ представителей власти, чтобы отбить своего человѣка Карпика; завязывается новый бой; люди князя Лапина были на коняхъ и въ саадакахъ. Монастырскіе люди такъ разсказывали объ этомъ намѣстнику: „и какъ господине, будемъ проѣзжать противъ села Воскресенскаго... князь Иванъ насъ угонилъ съ своими многими людьми... да насъ, господине, и пристава и его понятыхъ учали бити и стрѣляти и саблями сѣчи, а хотѣлъ, господине, того Карпика у насъ выбити, а мы, г-не, у нихъ отбилися, да на томъ бою у понятого, у сотцкаго, у Онлата саблею ногу отсѣкли“. Князь Лапинъ потерпѣлъ пораженіе; былъ взятъ въ плѣнъ и второй его слуга Дуленко, „на конѣ и въ саадакѣ“. Показаніе потерпѣвшихъ вполнѣ подтвердилось; судъ судилъ самъ великій князь; предсталъ на судъ и главный обвиняемый, князь Лапинъ. И что же? понесъ онъ какую нибудь-строгую кару за двукратный разбой и вооруженное нападеніе на пристава, представителя княжеской власти? Почти не бывало. Онъ вмѣстѣ съ своими людьми по приговору обязанъ былъ вернуть ограбленное, въ суммѣ 50 рублей съ полтиною, и уплатить 4 рубля за Ивашкову голову [1]). Дѣло происходило уже въ началѣ XVI вѣка, а въ болѣе раннее время разбой сильнаго боярина могъ бы остаться и совсѣмъ безнаказаннымъ.

---

[1]) *Дедотовъ-Чеховскій*, Акты относ. до гражданской расправы т. I, № 45. (1535). Сынъ боярскій Романъ Волжинъ во время одного разбойничьяго наѣзда въ 1573 г. въ Коломенскомъ уѣздѣ убиваетъ 22 человѣка, мужиковъ, женокъ и дѣвокъ: А. Юр. Б. № 230. II. III.

Къ разбоямъ, грабежамъ и насиліямъ сильныхъ людей присоединялись насилія великокняжескихъ властей. Центральная государственная власть была у насъ, такъ же какъ на западѣ, слишкомъ слаба, чтобы сдерживать произволъ мѣстныхъ властей; господствовавшій у насъ, одинаково съ западомъ, порядокъ пожалованія должностей, какъ доходныхъ статей, во временное пользованіе, ослаблялъ административное подчиненіе; разбросанность административныхъ округовъ и недостатокъ путей сообщенія не давали возможности скораго и строгаго контроля. Неправедный судъ и насилія княжескихъ тіуновъ составляли одну изъ любимыхъ политическихъ темъ древне-русской церковной письменности. „Не имѣй себѣ двора близъ княжа двора, писалъ Даніилъ Заточникъ, не держи села близъ княжа села: тіунъ бо есть яко огнь, трепетицею накладенъ, а рядовичи его яко искры: аще отъ огня устережися, но отъ искры не можешь устрещися жженія порть". Та же тема—въ „Наказаніи княземъ, иже даютъ волость и судъ небогобойнымъ и лукавымъ мужемъ" и въ „Словѣ о властеляхъ и судіяхъ, емлющихъ мзду и неправду судящихъ" [1]).

На описанной почвѣ насилія и самоуправства у насъ, такъ же какъ на западѣ, широко развиваются частные союзы защиты, процвѣтаютъ учрежденія патроната-закладничества и вассальной службы, которая также представляетъ собою одно изъ отношеній защиты. Одинаковая почва на западѣ и въ Россіи изъ одинаковыхъ зеренъ древнѣйшаго права даетъ одинаковыя произрастанія. „При слабости общей государственной власти — говоритъ Соловьевъ — общество для своего поддержанія прибѣгаетъ къ частнымъ союзамъ, слабый становится подъ покровъ сильнаго, бѣдный подъ покровъ богатаго, закладывается за него, дѣлается его захребетникомъ; неимущій идетъ въ услуженіе, въ добровольное холопство, естественно очень быстро переходящее въ рабство: бѣдный землевладѣлецъ отдаетъ свою землю, свою вотчину богатому и сильному землевладѣльцу, чтобы только получить отъ него защиту. Это явленіе не есть національное, не принадлежитъ какому-нибудь одному времени, но общее народамъ въ разныя времена, когда дѣйствуютъ указанныя выше условія (слабости государственной власти)". Древняя Россія, по мнѣнію Соловьева, не представляетъ исключенія. „Во все продолженіе древней русской исторіи

[1]) *И. Шляпкинъ*, Слово Даніила Заточника, стр. 17. (Нам. Др. Письм.). Памятники стар. русск. литер., вып. IV, стр. 185 и 184. *М. Дьяконовъ*, Власть Моск Госуд., стр. 48.

мы видимъ стремленіе менѣе богатыхъ, менѣе значительныхъ людей закладываться за людей, болѣе богатыхъ, болѣе значительныхъ, пользующихся особыми правами, чтобы подъ ихъ покровительствомъ найти облегченіе отъ повинностей и безопасность“ [1]).

Мелкіе своеземцы задавались за бояръ, князей и монастыри, ища у нихъ обороны „отъ сильныхъ людей наспльства“; договорныя грамоты удѣльнаго времени свидѣтельствуютъ объ очень широкомъ развитіи закладничества. Съ другой стороны, бояре и дѣти боярскіе, оставляя слабыхъ князей, часто биля челомъ въ службу князьямъ могущественнымъ, ища, какъ богатыхъ жалованій, такъ и сильной заступы. Монастыри, убѣгая отъ насилія удѣльныхъ князей, передавались великимъ князьямъ, прося ихъ о „покровѣ и соблюденіи“. Чтобы обезопасить своихъ людей и слугъ, великіе князья давали имъ защитныя, береженыя грамоты и привилегіи непосредственной подсудности великому князу или боярину введеному (мундебурдій). Жалованными грамотами они обезпечивали независимость боярскихъ и монастырскихъ вотчинъ отъ мѣстныхъ властей, освобождая ихъ отъ въѣзда волостелей, тіуновъ и доводчиковъ.

26. Выясняя тожество основныхъ учрежденій Удѣльной Руси и феодальнаго запада, я отмѣтилъ въ своемъ мѣстѣ уже нѣкоторыя черты различія. Иммунитетъ во всѣхъ его основныхъ и второстепенныхъ чертахъ у насъ былъ развитъ такъ же широко, какъ на западѣ; но онъ не имѣлъ послѣдствіемъ узурпаціи суверенитета. Раздробленіе суверенитета у насъ совершилось иначе: путемъ княжескихъ раздѣловъ, а не путемъ узурпаціи. Это различіе процесса феодализаціи не измѣняетъ факта тожественности иммуштетовъ русскаго и западнаго, и факта широкаго разсѣянія суверенныхъ правъ.

Мнѣ остается здѣсь отмѣтить, не указанный выше, одинъ, наиболѣе важный пунктъ различія между порядками Удѣльной Руси и Запада. Это различіе не касается существа отношеній, а относится только къ степени, интенсивности ихъ проявленія. Это есть различіе по количеству, а не по качеству.

Въ Удѣльной Руси было сильное сословіе феодаловъ: княжатъ, бояръ и духовныхъ владыкъ, съ полусуверенными и иммунитетными правами. Но наши княжата, бояре и владыки, въ общемъ, несомнѣнно, были слабѣе западныхъ феодаловъ.

---

[1]) *С. Соловьевъ.* Наблюд. надъ историч. жизнью народовъ: Сочиненія, стр. 185 Исторія Россіи, кн. I, стр. 1215.

Причина ихъ сравнительной слабости заключалась въ отсутствіи у насъ въ удѣльное время крѣпостного права, которое давало на западѣ прочную опору феодальному землевладѣнію. Начатки развитія крѣпостного права встрѣчаются у насъ еще въ удѣльное время. Въ княжескихъ договорахъ упоминаются численныя земли, владѣльцы которыхъ (численки) не имѣли права перехода. Въ боярскихъ вотчинахъ было много холоповъ, посаженныхъ на пашню,—это феодальная tenure servile. Но несомнѣнно, что въ удѣльное время, такъ же какъ въ XVI вѣкѣ, до установленія крѣпостного права владѣльческія земли обрабатывались преимущественно свободными крестьянами арендаторами. Широкій просторъ Сѣверо-Восточной Руси въ первое время ея колонизаціи обусловливалъ подвижность ея населенія и невозможность его закрѣпощенія; и впослѣдствіи долгое время возможность выхода крестьянъ въ „поле“ (на окраины) парализовала силу указовъ о закрѣпощеніи. Отсутствіе же крѣпостного права обезсиливало бояръ, въ качествѣ сельскихъ хозяевъ.

Обезсиленныхъ бояръ смѣнили княжата, въ качествѣ сильнѣйшихъ представителей сословія феодаловъ. Но тѣ же условія, которыя вредили боярскимъ вотчинамъ, помѣшали усиленію землевладѣнія княжатъ. Экономическій кризисъ XVI вѣка, вызванный той же колонизаціей, быстрымъ отливомъ населенія на вновь очищенныя отъ татаръ земли и начавшимся переходомъ къ денежному хозяйству, быстро разрушилъ княжескія вотчины. Смутное время окончательно ихъ обезсилило.

Поэтому, у насъ не было и яркихъ проявленій упорной борьбы могущественныхъ феодаловъ съ великими князьями-государями. Московскіе государи вели упорную вооруженную борьбу только съ большими „великими княжествами“. Мелкіе же князья и бояре подчинялись имъ большею частью безъ боя. Но если у насъ не было яркихъ проявленій борьбы феодаловъ съ государями, то все же нельзя не замѣтить, что эта борьба велась и у насъ, такъ же какъ на западѣ, съ древнѣйшаго времени до Іоанна Грознаго. Борьба съ княжатами Іоанна III, Василія III и Іоанна Грознаго теперь уже, главнымъ образомъ благодаря В. О. Ключевскому, хорошо изучена. Мы хорошо знаемъ, какъ во второй половинѣ XV вѣка Іоаннъ III „переставливалъ старые обычаи“, создавая единовластное московское царство на почвѣ феодальнаго многовластія и разъединенія удѣльнаго времени; мы знаемъ, какъ онъ отнималъ у княжатъ наслѣдственныя владѣнія, какъ онъ лишилъ ихъ права предводительствовать на войнѣ собственными кня-

жескими полками; знаемъ, что его преемникъ Василій III отнималъ у княжатъ ихъ феодальные бурги—укрѣпленные городки-столицы ихъ удѣловъ; изъ изслѣдованія проф. Платонова мы знаемъ, что опричнина Іоанна Грознаго была завершеніемъ всѣхъ этихъ распоряженій его предшественниковъ; мы знаемъ теперь всю ту обстановку удѣльно-феодальныхъ порядковъ, которые вызвали у перваго царя болѣзнь, манію преслѣдованія, знаемъ, что его тиранія развилась на той же почвѣ, что и тиранія Людовика XI. Борьбѣ московскихъ государей съ княжатами предшествовала борьба московскихъ князей съ боярами. Юрій Долгорукій сгубилъ боярина Кучку; Василій Дмитріевичъ отнялъ земли у боярина Свибла. Князь Курбскій говоритъ: „обычай есть издавна московскимъ княземъ желати братій своихъ крови и губити ихъ, убогихъ ради и окаянныхъ вотчинъ, несытства ради своего". Это замѣчаніе можно отнести не только къ борьбѣ съ княжатами, но и къ борьбѣ съ боярами.

Итакъ, у насъ велась по существу одинаковая съ западной борьба съ феодалами. Она отличалась отъ западной только тѣмъ, что наши феодалы не могли оказать стойкаго сопротивленія несоразмѣрно сильнѣйшимъ въ сравненіи съ ними великимъ князьямъ и московскимъ государямъ. Въ древнѣйшее время великіе князья легко сокрушали сильныхъ бояръ. Позднѣе московскіе государи также сравнительно легко сокрушали княжатъ. Въ то время, какъ на западѣ была борьба болѣе или менѣе равныхъ силъ, со всѣми яркими послѣдствіями столкновенія равныхъ силъ, у насъ была менѣе видная борьба сильнѣйшаго съ слабѣйшимъ, съ быстрымъ каждый разъ пораженіемъ слабѣйшаго. При Іоаннѣ III можно замѣтить напряженность усилій московскаго правительства въ борьбѣ съ княжатами. Въ концѣ царствованія, однако, Іоаннъ III уже рѣшился на смертную казнь „высокоумничавшаго" князя Семена Ряполовскаго-Стародубскаго. При Іоаннѣ же Грозномъ борьба превратилась всецѣло въ ожесточенное гоненіе, не оправдывавшееся болѣе обстоятельствами.

Одной изъ типичнѣйшихъ чертъ западнаго феодализма является въ обычномъ представленіи укрѣпленный каменный замокъ, съ бойницами, рвами, подъемными мостами. Эта внѣшняя черта, дѣйствительно, является весьма характеристичной. Болѣе того, каменные бурги, или вѣрнѣе, природа страны, дававшая возможность феодаламъ укрѣпляться камнемъ на малоприступныхъ возвышенностяхъ, укрѣпляла и оформливала основоначала феодализма, усиливая самостоятельность господствующаго сословія. Въ Удѣльной Руси не было ка-

менныхъ замковъ. Но каменные замки замѣнялись укрѣпленными городками на холмахъ, на возвышенномъ берегу рѣки, или на старинныхъ мерянскихъ курганахъ. Эти княжескіе городки и кремли удовлетворяли той же потребности, что и западные феодальные замки. Духовные наши владыки также возводили укрѣпленія. Монастыри строились одинаково съ княжескими кремлями: „оба устраивались обыкновенно при озерѣ или при рѣкѣ въ малопристуиныхъ мѣстахъ; оба окружались стѣнами однородной архитектуры, съ башнями, бойницами, воротами“ [1]). У бояръ XIV—XV вѣковъ не было ни бурговъ, ни городковъ. Но каждая боярская вотчина даже въ позднѣйшее время въ XVII вѣкѣ представляла собою вооруженный станъ. Стратегическое значеніе западно-европейскихъ горъ замѣнялось у насъ болотами и непроходимыми лѣсами.

Здѣсь мы опять можемъ отмѣтить отличіе въ силѣ, въ степени выраженія феодальныхъ началъ. Княжескіе деревянные городки, монастырскіе кремли и окруженные частоколомъ боярскіе дворы въ малопристуиныхъ мѣстахъ имѣли то же назначеніе, что́ и каменные замки и крѣпости, и также до извѣстной степени обезпечивали опиравшуюся на военную силу, самостоятельность нашего феодальнаго сословія. Но они, конечно, не могли *вполнѣ* замѣнить каменныхъ замковъ, какъ ни усиливалось значеніе этихъ укрѣпленій болотами и лѣсами. Природа нашей страны ослабляла силу феодальныхъ началъ.

27. Природа страны ослабляла силу феодальныхъ началъ, но не уничтожала ихъ совершенно. Наше первенствующее феодальное сословіе въ лицѣ бояръ и княжатъ было слабѣе западнаго, но все же оно было достаточно сильно, чтобы составить крѣпкое ядро феодальнаго правопорядка. При томъ же слабость его, при тожествѣ основныхъ началъ удѣльнаго правопорядка съ феодальнымъ, обусловливалась единственно природой страны.

Въ своемъ сравненіи русскаго историческаго развитія съ западноевропейскимъ, Б. Н. Чичеринъ давно отмѣтилъ различіе въ силѣ значенія русскаго боярства и западнаго сословія феодаловъ. Но это различіе получило у него чрезмѣрное значеніе потому, что онъ 1) неправильно выводилъ его изъ особыхъ, несходныхъ, будто бы, съ феодальными, началъ русскаго правопорядка, 2) до крайности преувеличилъ землевладѣльческую слабость нашего боярства и 3) не принялъ во

---

[1]) *Ник. Никольскій*, Кирило-Бѣлозерскій монастырь, т. I, с. 8—9. „Уже въ Кіевѣ и Ростовской области... монастыри обносились крѣпостными стѣнами“.

вниманіе княжатъ, рано усилившихъ значеніе нашего феодальнаго сословія.

„Феодальный владѣлецъ—говоритъ Б. Н. Чичеринъ—вступалъ въ прочный наслѣдственный (?) союзъ съ своимъ господиномъ, тогда какъ бояре и слуги заключали съ князьями временные, случайные договоры и при малѣйшемъ неудовольствіи тотчасъ отъѣзжали къ другимъ. Это имѣло неисчислимыя послѣдствія: феодальный владѣлецъ сдѣлался осѣдлымъ, получилъ преимущественное значеніе землевладѣльца, укрѣпился на своей землѣ, построилъ себѣ замокъ... Напротивъ того, бояре и слуги, переходя съ мѣста на мѣсто (?), не могли получить значенія землевладѣльцевъ, не могли укрѣпиться на своей землѣ и стать во главѣ прочнаго владѣльческаго союза. Они оставались при своемъ личномъ обособленіи и болѣе всего (?) дорожили личною свободою (правомъ отъѣзда)... У насъ также были вотчинные суды, но это право даровалось вотчинникамъ, какъ особая милость князя; иначе крестьяне подлежали общему суду княжескихъ кормленщиковъ. Такія жалованныя грамоты давались преимущественно духовенству и гораздо рѣже (?) боярамъ и слугамъ, которые, переходя съ мѣста на мѣсто, менѣе дорожили своимъ поземельнымъ значеніемъ... Тогда какъ баронъ, сильный своимъ поземельнымъ значеніемъ, старался округлить и обособить свои владѣнія, русскій помѣщикъ или вотчинникъ искалъ только (?) независимости своего собственнаго лица и менѣе дорожилъ землею“ [1]).

Исходный пунктъ этого разсужденія, коренное различіе въ служебныхъ договорахъ вассальныхъ и боярскихъ—прочность и наслѣдственность первыхъ, и временность и случайность вторыхъ — долженъ быть признанъ неосновательнымъ: содержаніе обоихъ договоровъ, какъ я показалъ въ своемъ мѣстѣ, было одинаково. Западные вассалы (и въ особенности германскіе) были такими же вольными слугами, какъ и наши бояре.—Неоснователенъ также и аргументъ разсужденія, касающійся жалованныхъ грамотъ. У насъ нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что иммунитетныя грамоты давались боярамъ и слугамъ рѣже, чѣмъ духовенству; свѣтскіе иммунитеты у насъ были также широко распространены, какъ и монастырскіе. Когда Б. Н. Чичеринъ писалъ свою книгу, ему еще не было извѣстно большое количество грамотъ свѣтскимъ землевладѣльцамъ, которыя открыты лишь въ недавнее время [2]).

[1]) Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ, 1856, с. 29—31.

[2]) Въ своихъ Опытахъ г. Чичеринъ самъ же признаетъ широкое распространеніе

Столь же неосновательно и общее изображеніе удѣльныхъ бояръ и слугъ въ видѣ какихъ-то перехожихъ странниковъ. На чемъ основано это изображеніе? Единственно на статьяхъ договоровъ о вольной службѣ бояръ и на извѣстіяхъ лѣтописей о ихъ отъѣздахъ. Эти извѣстія показываютъ единственно, что статьи договоровъ не оставались мертвою буквою и что бояре нерѣдко пользовались правомъ отъѣзда. Но отсюда нельзя же, теряя перспективу, заключать, что бояре— какъ выразился П. И. Милюковъ, повторяя и преувеличивая мысль Чичерина,—свободно „странствовали изъ удѣла въ удѣлъ“ и „не дорожили землей“ [1]). Иностранные источники свидѣтельствуютъ, что и на западѣ феодалы часто переходили отъ одного сеньера къ другому. Съ равнымъ основаніемъ, какъ о нашихъ боярахъ, отсюда можно бы заключить, что феодалы не дорожили землей и свободно странствовали.

Какъ ни многочисленны извѣстія лѣтописей и родословныхъ объ отъѣздахъ бояръ, но все же ихъ слишкомъ немного въ сравненіи съ численностью боярства вообще. Этимъ извѣстіямъ, далѣе, съ избыткомъ можно противопоставить извѣстія о боярскихъ родахъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе служащихъ въ одномъ и томъ же княжествѣ. Соображеніе о томъ, что бояре мало или совсѣмъ не дорожили землей, само по себѣ неправдоподобно; оно можетъ быть допустимо только въ отношеніи дружинниковъ кіевской Руси, гдѣ преобладали первобытная промышленность и торговля; но возможно ли, чтобы боярское сословіе не дорожило землей въ сѣверной Руси,—странѣ по преимуществу земледѣльческой? Междукняжескіе договоры много говорятъ объ отъѣздахъ бояръ и слугъ, но они всегда при этомъ имѣютъ въ виду

свѣтскихъ иммунитетовъ въ Россіи: „каждая вотчина представляла собою маленькое княжество, точно также какъ княжество было ни что иное, какъ большая вотчина... Каждый землевладѣлецъ имѣлъ въ своей вотчинѣ феодальныя права, которымъ подлежалъ всякій, кто селился на его землѣ. Сюда принадлежало право суда, съ сопряженными съ нимъ доходами, право на извѣстныя повинности, право на сборъ разнообразныхъ пошлинъ“ (217—218).

[1]) Оч. по ист. р. культ., ч. I., изд. 2-е, с. 168. Чичеринъ говоритъ только, что бояре „*меньше дорожили землей*“ и „*переходили съ мѣста на мѣсто*“. По Милюкову же: *не дорожили и странствовали*. Здѣсь дѣлаютъ ту же ошибку, что и въ отношеніи крестьянскихъ переходовъ. Извѣстія о свободѣ крестьянъ и о крестьянскомъ отказѣ такъ гипнотизировали изслѣдователей, что они стали всю древнюю Русь считать Русью перехожей. Только въ послѣднее время выдвинутыя извѣстія о крестьянахъ сторожильцахъ и о вывозѣ крестьянъ нѣсколько исправили и здѣсь ошибку перспективы. Между тѣмъ крайне преувеличенное представленіе о „бродячемъ состояніи рабочаго населенія“ въ древней Руси давало опору и представленію о странствованіяхъ бояръ.

боярь и слугъ—землевладѣльцевъ. Подтверждая право отъѣзда, они въ то же время постоянно регулируютъ поземельныя отношенія отъѣзжавшихъ бояръ къ князьямъ и настойчиво обязываютъ князей не вступаться въ дома и въ села отъѣхавшихъ слугъ. Тѣ же договоры, далѣе, содержатъ много упоминаній объ обширныхъ земельныхъ владѣніяхъ бояръ и о покупкѣ боярами селъ. Соловьевъ говоритъ: „осѣдлость князей въ однихъ извѣстныхъ княжествахъ должна была повести и къ осѣдлости дружины, которая могла теперь пріобрѣсть важное первенствующее *земское* значеніе въ качествѣ постоянныхъ, богатѣйшихъ землевладѣльцевъ, въ качествѣ лицъ, пользующихся наслѣдственно правительственными должностями. Отъ описываемаго времени можно встрѣтить довольно ясныя указанія на усилившееся значеніе боярства“ [1]).

Наше боярство удѣльнаго времени было такимъ же осѣдлымъ землевладѣльческимъ сословіемъ, какъ и западные феодалы, оно пользовалось иммунитетомъ, такъ же какъ эти послѣдніе. Само по себѣ, оно, тѣмъ не менѣе, не можетъ быть сопоставляемо съ болѣе сильнымъ западнымъ сословіемъ феодаловъ. Но не надо упускать изъ виду, какъ это сдѣлалъ Б. Н. Чичеринъ, служебныхъ князей, или *княжатъ*. Утративъ часть суверенныхъ правъ, мелкіе удѣльные князья въ XIV вѣкѣ приблизились къ боярамъ и вмѣстѣ съ ними составили сильное сословіе феодаловъ, которое смѣло можетъ быть сопоставляемо съ западно-европейскимъ. Такіе князья представляютъ всѣ безспорныя черты осѣдлаго феодальнаго владѣльца, который — говоря словами разбираемаго автора — „получилъ преимущественное значеніе земле-

---

[1]) Ист. Росс., кн. I, с. 1171. Иначе: кн. I, с. 268, примѣч. *В. И. Сергѣевичъ* дѣлаетъ правильный выводъ изъ договоровъ: „Вольные слуги суть воины и по общему правилу живутъ не при дворѣ князя, а въ своихъ имѣніяхъ“: Р. Юр. Др., I. 310. Землевладѣльческую осѣдлость боярства признаютъ *Градовскій* и *В. О. Ключевскій*. Градовскій полагалъ, что „осѣдлость служилаго сословія обусловила, такъ сказать, и осѣдлость государственной власти“. (Ист. мѣстн. упр., с. 125, нов. изд.). Онъ отыскалъ, однако, другое, чѣмъ Чичеринъ, коренное отличіе отъ запада въ положеніи бояръ: „бояре и другіе лица служилаго сословія *въ качествѣ землевладѣльцевъ* (курс. подл.), не имѣли никакого правительственнаго административнаго значенія для той мѣстности, гдѣ находились ихъ села. Частное землевладѣніе въ древней Россіи не было источникомъ политическихъ правъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанностей къ государю, какъ въ феодальной Европѣ“ (с. 136). Но подъ феодальной Европой здѣсь никакъ не можетъ разумѣться Европа собственно феодальнаго времени. Землевладѣніе здѣсь, какъ и у насъ, само по себѣ не давало правительственнаго значенія въ мѣстности, не принадлежавшей лицу.

владѣльца, укрѣпился на своей землѣ, построилъ себѣ замокъ, сталъ во главѣ постояннаго мелкаго союза своихъ собственныхъ вассаловъ и слугъ, и такимъ образомъ устроилъ на своихъ владѣніяхъ маленькое общество, которое давало ему силу и возможность стоять за свою самостоятельность“ [1]).

Одинъ изъ нашихъ изслѣдователей, столь любящихъ указывать на своеобразность русскихъ порядковъ, указалъ, въ качествѣ иллюстраціи къ разницѣ въ положеніи русскаго и западнаго дворянскаго сословій, на то, что наше боярство не знало родовыхъ прозваній по названіямъ своихъ владѣній. Въ отношеніи бояръ это до извѣстной степени вѣрно. Но невѣрно въ отношеніи высшихъ представителей нашего феодальнаго сословія: княжатъ Кубенскихъ, Ухтомскихъ, Карголомскихъ, Шуморовскихъ, Прозоровскихъ, Микулинскихъ и пр. и пр., которые назывались такъ по именамъ своихъ вотчинъ.

28. Говоря объ осѣдлости бояръ и о ихъ землевладѣльческомъ значеніи, я подошелъ къ важному вопросу о развитіи крупнаго землевладѣнія въ древней Руси. Боярская вотчина является основной ячейкой феодальнаго строя. „Крупная земельная собственность“, говоритъ профессоръ Ковалевскій, составляетъ „экономическій фундаментъ, на которомъ возникаетъ феодальная система“. Въ германской исторической наукѣ главное вниманіе въ послѣднее время обращено не на изученіе феодальныхъ институтовъ, а на изученіе средневѣковаго крупнаго землевладѣнія, его происхожденія, его устройства и отношеній къ крестьянскимъ маркамъ-общинамъ, волостямъ.

Но это особая обширная тема. Въ другой работѣ я имѣю въ виду показать, что наше волостное устройство, вотчинное хозяйство и управленіе, и отношенія вотчинъ къ маркамъ-волостямъ тожественны съ германскими въ основныхъ чертахъ. Въ этой статьѣ я поставилъ себѣ задачей изученіе системы главныхъ феодальныхъ учрежденій.

Равнымъ образомъ я здѣсь не беру на себя задачи выяснить происхожденіе феодализма въ древней Руси. Для этой цѣли надо было бы выполнить особую сложную работу; а именно сравнить общія причины большаго или меньшаго развитія, или полнаго отсутствія феодализма въ различныхъ германскихъ, славянскихъ и иныхъ восточныхъ странахъ.

Сообразно съ моею темой, я позволю себѣ здѣсь коснуться

---

[1]) Въ другомъ своемъ трудѣ Б. Н Чичеринъ самъ признаетъ, что служебный князь можетъ быть вполнѣ уподобляемъ феодальному барону, и указываетъ на множество служебныхъ князей.

только вопроса о происхожденіи нашихъ феодальныхъ учрежденій. Я полагаю, что наши феодальныя учрежденія не были заимствованы, что они развились у насъ какъ результатъ общихъ съ западноевропейскими условій географическаго и экономическаго порядка и началъ первобытнаго права; я присоединяюсь въ этомъ случаѣ до извѣстной степени къ взгляду Лампрехта на феодализмъ, какъ на „организовавшое натуральное хозяйство“.

Удѣльный феодализмъ въ цѣломъ, несомнѣнно, не былъ заимствованъ. Но если разбирать отдѣльно феодальныя учрежденія, то для нѣкоторыхъ изъ нихъ можно указать возможность заимствованія.

Наши вассальныя отношенія развились, такъ же какъ на западѣ, изъ отношеній дружинныхъ. Но откуда явилась у насъ дружина? Это довольно трудно разглядѣть во мракѣ, окутывающемъ первые вѣка нашего кіевскаго періода. Если мы признаемъ, что наши дружины всецѣло варяжскаго происхожденія, то въ такомъ случаѣ, мы должны будемъ указать въ нихъ варяжскіе корни вассальныхъ отношеній. Но есть основанія полагать, что дружины были у насъ и до варяговъ, и что варяжская этнографическая примѣсь въ дружины кіевскихъ князей не имѣла большого вліянія на ея юридическое существо. Во всякомъ случаѣ, замѣтимъ, что варяжское вліяніе могло быть только зерномъ, изъ котораго самостоятельно выросли вассальныя отношенія, безъ всякаго дальнѣйшаго вліянія со стороны. Переходъ дружинныхъ отношеній въ вассальныя совершился на сѣверѣ, въ глухомъ углу между Волгой и Окой, огражденномъ лѣсными дебрями отъ западнаго вліянія.

То же самое слѣдуетъ замѣтить и о происхожденіи отношеній защиты. Начало ихъ должно быть отнесено къ глубокой древности. Если признать силу варяжскаго вліянія, то въ немъ можно было бы видѣть начало русскаго патроната. Но варяги, повидимому, не имѣли рѣшающаго вліянія на нашъ древнѣйшій правопорядокъ.

Что касается третьяго важнаго института феодальной эпохи—иммунитета, то его начальное зерно можно искать въ Византіи, если только признать вмѣстѣ съ нѣкоторыми западными историками церковное, монастырское происхожденіе иммунитета. Я полагаю, что правильнѣе видѣть въ иммунитетѣ исконный институтъ, выросшій на почвѣ древней самостоятельности волостей-марокъ и обусловленной ею самостоятельности выдѣлившихся изъ марокъ частновладѣльческихъ вотчинъ. Во всякомъ случаѣ, здѣсь, такъ же какъ въ области вассальныхъ отношеній, необходимо признать, что византійскій или южнославянскій примѣръ могъ дать только первый толчекъ самостоятель-

ному развитію у насъ иммунитета, со всѣми яркими его чертами. Въ древнѣйшей Византіи не было иммунитета, и здѣсь въ XI—XIII вв. онъ едва ли не развился подъ славянскимъ вліяніемъ болгаръ и сербовъ.

Въ томъ же византійскомъ вліяніи можно искать перваго начала нашего помѣстья. Попытки этого рода у насъ уже дѣлались. Но фактъ существованія и широкаго развитія условнаго помѣстнаго пожалованія земель въ разнообразныхъ странахъ, въ феодальной Европѣ, въ Сѣверной Руси, въ Византіи, въ Персіи, Индіи,—заставляетъ признать самопроизвольное его происхожденіе. Проф. Ковалевскій говоритъ о „самопроизвольномъ характерѣ того процесса феодализаціи, который повелъ къ образованію на западѣ Европы такого же крупнаго и зависимаго отъ службы владѣнія, какимъ въ мусульманскомъ мірѣ являются „икта", а въ славянскомъ,—имѣя въ виду здѣсь преимущественно Россію—отличное отъ вотчины помѣстье" [1]).

Для остальныхъ феодальныхъ порядковъ: вотчинной коммендаціи и раздробленія суверенной власти трудно указать возможность заимствованія. Что касается раздробленія суверенной власти, то оно у насъ произошло совершенно иначе, чѣмъ на западѣ, путемъ княжескихъ раздѣловъ, а не путемъ узурпаціи. Въ этомъ случаѣ уже вовсе не можетъ быть рѣчи о заимствованіи.

Нашъ феодализмъ, такимъ образомъ, въ цѣломъ отнюдь не былъ заимствованъ. Можно говорить только о заимствованіи отдѣльныхъ феодальныхъ учрежденій изъ разныхъ мѣстъ и въ разное время. Но если мы будемъ настаивать на заимствованіи, то въ общемъ получимъ довольно нескладную картину развитія. Зерно вассалитета—дружина, и зерно отношеній защиты заимствованы отъ варяговъ; зерна иммунитета и помѣстья—изъ Византіи. Къ заимствованіямъ присоединился ни откуда не заимствованный порядокъ земельной коммендаціи; княжескіе раздѣлы повели къ раздробленію верховной власти среди вотчинниковъ; и въ результатѣ получилась вся сѣть феодальныхъ отношеній, тожественная съ западно-европейской. Очевидно, заимствованія не имѣли никакого значенія, или имѣли значеніе минимальное. Были какія-то внутреннія силы, которыя, помимо рѣшающаго вліянія заимствованій, создали у насъ феодальный строй.

Западная наука выводитъ феодализмъ изъ началъ древнѣйшаго

---

[1]) *М. Ковалевскій.* Экономич. ростъ Европы, т. I, с. 383. Объ иктадарахъ см. *его же* Общинное землевладѣніе, с. 133 и сл.

германскаго права, полагая, что иноземныя римскія начала только придали нѣкоторую оформленность германскому феодализму. Сообразно этому слѣдуетъ признать, что феодализмъ развился у насъ самопроизвольно, изъ родственныхъ германскимъ славянскихъ началъ древнѣйшаго права, на сходной почвѣ условій экономическаго и географическаго порядка, при чемъ замѣчающіяся въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ феодальныхъ отношеній недостатокъ законченности, оформленности, надо отнести къ недостатку латинскаго вліянія.

29. Мои выводы и наблюденія должны показаться совершенно неожиданными для большинства читателей, въ виду утвердившагося въ нашей наукѣ взгляда на полное своеобразіе русскаго историческаго развитія и коренное несходство древне-русскаго строя съ феодальнымъ. Въ своей работѣ, однако, я могъ не разъ, въ подтвержденіе важнѣйшихъ положеній, сослаться на мнѣнія предшествующихъ историковъ. Это показываетъ, что выводы мои отнюдь не оторваны отъ почвы нашей науки, какъ то можетъ показаться на первый взглядъ. Первые изслѣдователи, касавшіеся вопроса о феодализмѣ въ Россіи, смотрѣли на феодализмъ съ оставленной теперь точки зрѣнія, какъ на раздѣлъ страны между дружинниками завоевателями. Дружинѣ франковъ, по ихъ мысли, соотвѣтствовала дружина варяговъ; раздѣлу земли—раздача городовъ мужамъ (дружинникамъ) первыми варяжскими князьями. Рюрикъ отдалъ въ „управленіе знаменитымъ единоземцамъ своимъ“ завоеванные города. „Такимъ образомъ,—писалъ *Карамзинъ*—вмѣстѣ съ верховною княжескою властію утвердилась въ Россіи, кажется, и система *феодальная, помѣстная* или *удѣльная,* бывшая основаніемъ новыхъ гражданскихъ обществъ въ Скандинавіи и во всей Европѣ, гдѣ господствовали народы германскіе. Монархи обыкновенно цѣлыми областями награждали вельможъ и любимцевъ, которые оставались ихъ подданными, но властвовали, какъ государи въ своихъ удѣлахъ“ [1]). Ту же мысль повторилъ *Полевой* [2]) и затѣмъ *Кавелинъ* въ болѣе опре-

---

[1]) Ист. Гос. Росс., т. I, гл. IV, с. 70, изд. Эйнерлинга.

[2]) Ист. русск. нар., т. I, с. 70—71 (1829). Варяги у насъ, какъ и вездѣ, „налагали иго тяжкаго военнаго деспотизма на покорявшіеся имъ власти народы“. Владычество исключительно принадлежало варягамъ, „которые признавали власть варяга, дѣлавшагося властителемъ страны, но неполучавшаго надъ товарищами безусловнаго начальства“. (Слово „феодализмъ“ стоитъ только въ оглавленіи къ этимъ страницамъ). „Феодализмъ, гибельный и страшный для государей и подданныхъ, во всей Европѣ тогдашней былъ причиною дѣлежа областей наслѣдникамъ“: т. I. с. 275. „Феодализмъ вездѣ переходилъ въ систему удѣловъ, гдѣ монархія могла побѣждать его“

дѣленной формулировкѣ: „система управленія, принесенная къ намъ варягами—Русью, была по всѣмъ вѣроятіямъ дружинная, то-есть феодальная; князья, подчиненные великому князю кіевскому, находились въ вассальномъ отношеніи къ нему: но феодальная система у насъ не успѣла развиться и изъ личной обратиться въ территоріальную" [1]).

Эти соображенія для моей работы дали очень мало. Взглядъ на феодализмъ, какъ на раздѣлъ завоеванной страны между дружинниками завоевателями, давно оставленъ [2]). Феодализмъ, какъ особая си-

---

т. II, с. 38, примѣч. Въ *системѣ удѣловъ*, обладаемыхъ членами одного семейства, подъ властію старшаго въ родѣ. Полевой видѣлъ „*феодализмъ семейный*": т. II, с. 37—38 (1830). Ср. *П. Н. Милюковъ*, Главн. теч. р. ист. мысли, с. 350.

[1]) *К. Д. Кавелинъ*. Собр. сочиненій т. I, с. 161—166. *Л. Лакіеръ*, О вотчинахъ и помѣстьяхъ (1848): „великій князь былъ обладателемъ всей земли, дружинники получали отъ него земли въ лепъ за услуги, ими государству оказанныя, а частной собственности на движимыя имѣнья, на земли мы не видимъ: но элементъ дружинный, принесенный къ намъ извнѣ, сроднившій насъ на время съ понятіями чуждыми, съ феодализмомъ, не могъ долго удержаться во всей чистотѣ въ нашемъ отечествѣ... Мало по малу горсть пасельниковъ уступила коренному народонаселенію,—мѣсто феодализма и раздачи городовъ мужамъ занялъ раздѣлъ земли между членами Великокняжескаго рода" (17—18). Лакіера оспаривалъ *А. Кавелинъ*. О феодализмѣ на Руси: Чтен. Общ. Ист. и Др. Росс., 1848, № 9.

[2]) Въ то время, сравнивая наше историческое развитіе съ западнымъ, главное вниманіе обращали на завоеваніе. Большинство видѣло главное отличіе русской исторіи въ томъ, что на западѣ въ началѣ развитія было завоеваніе страны иноплеменной дружиной, а у насъ было призваніе князей. Соловьевъ отвергалъ значеніе завоеванія, указывая на Германію, гдѣ, въ противоположность Франціи и Англіи и такъ же какъ у насъ, не было завоеванія (кн. I, 268). Чичеринъ же, хотя и смотрѣлъ на феодализмъ съ нашей точки зрѣнія, но все-таки признавалъ значеніе завоеванія: вотчинныя права князей, по его мнѣнію, коренились въ завоеваніи. (Опыты, 286).—Та же идея о завоеваніи, какъ исходномъ пунктѣ историческаго развитія положена, въ нѣсколько переиначенномъ видѣ, въ основу работы *М. Затырквича*. Авторъ, желая показать, что наша исторія шла совершенно тѣмъ же путемъ, какъ на западѣ, на основѣ борьбы племенъ и сословій, разсуждаетъ о „борьбѣ осѣдлаго населенія съ кочевыми народами", о „возстаніи бояръ и посадскихъ людей" (гл. VII) и о „возстаніи городовъ" (гл. VIII) въ домонгольскій періодъ. Въ заключеніе онъ кратко касается порядковъ удѣльной, сѣверо-восточной Руси. „Союзническое дружинное государство", образовавшееся вслѣдствіе завоеванія, переходитъ у насъ, какъ и повсюду, въ „государственный строй феодальный, основанный на господствѣ сельскаго землевладѣльческаго дворянства" (с. 201). Въ сѣверо-восточной Руси у насъ являются „мелкопомѣстные служилые люди", и земля раздѣляется на множество княжествъ; такимъ образомъ возникаетъ „феодально-конфедеративная монархія" (351). „Съ переходомъ всего мелкопомѣстнаго служилаго сословія подъ непосредственную власть Великаго Князя Московскаго, Московское княжество изъ феодально-конфедеративной монархіи обра-

стема ленныхъ и иммунитетныхъ отношеній, развивается послѣ дружиннаго періода.

Съ этой именно точки зрѣнія на феодализмъ сравнивали русскія учрежденія съ феодальными Б. Н. Чичеринъ и Соловьевъ, и многія наблюденія ихъ сохранили все свое значеніе до нашего времени.

Чичеринъ утверждалъ, что „славянскій міръ и западный при поверхностномъ различіи явленій представляетъ глубокое тожество основныхъ началъ своего быта". Онъ мѣтко выразилъ въ общей формулѣ это тожество основныхъ началъ жизни Руси и Запада въ средніе вѣка. Эти начала опредѣляются господствомъ личныхъ договорныхъ отношеній, противоположныхъ поздпѣйшимъ отношеніямъ территоріальнаго государства. „Понятія о постоянной принадлежности къ обществу, какъ къ единому цѣлому, о государственномъ подданствѣ вовсе не было; вмѣсто государя и подданныхъ мы видимъ только лица, вступающія между собою въ свободныя обязательства" (Опыты, 343). Общественною связью служило либо имущественное начало—вотчинное право землевладѣльцевъ, либо свободный договоръ, либо личное порабощеніе одного лица другимъ". Эти отношенія Чичеринъ, слѣдуя Вайцу, объединяетъ въ понятіяхъ „частное право", „гражданскій союзъ". „Отношенія родственныя, договорныя, имущественныя, однимъ словомъ, частное право, сдѣлались основаніемъ всего быта... Такъ произошелъ союзъ гражданскій, образовавшійся изъ столкновеній и отношеній личностей, вращающихся въ своей частной сферѣ" (368). Эти отношенія одинаково господствуютъ какъ въ средневѣковой Россіи, такъ и на феодальномъ западѣ; „форма гражданскаго общества въ извѣстную эпоху была общимъ достояніемъ всѣхъ новыхъ народовъ: въ средніе вѣка мы видимъ ее на западѣ, точно также какъ у насъ". Основы порядка были одинаковы у насъ и на западѣ; но тожественныя съ западными отношенія у насъ отличались шаткостью: „особенностью древней Руси была шаткость всѣхъ гражданскихъ отношеній, шаткость, происходившая отъ недостатка исторической гражданственности, какую западно-европейскимъ народамъ завѣщалъ Римъ, такъ и отъ самой природы страны, степной, скудной, малонаселенной, способствовавшей кочеванію" (365) [1]).

тилось въ феодально-служилую монархію" (353): „О вліяніи борьбы между народ. и сослов. на образов. р. госуд.": Чтен. М. Общ. Ист. и Др. 1873, кн. I—III.

[1]) Но Чичеринъ преувеличиваетъ значеніе этой шаткости. Онъ противопоставляетъ ее какъ русскую особенность крѣпости, прочности западныхъ феодальныхъ отношеній. Эти послѣднія также не отличались особой прочностью и болѣе окрѣпая

Изучая детально удѣльный періодъ, Б. Н. Чичеринъ сдѣлалъ нѣсколько вѣрныхъ сопоставленій русскихъ порядковъ съ феодальными. Такъ напримѣръ, онъ вѣрно отмѣтилъ феодальныя черты положенія нашихъ служебныхъ князей. „Служебный князь *совершенно* уподоблялся феодальному барону, который, будучи обязанъ службою своему лѣнному господину, оставался вполнѣ независимымъ внутри своихъ владѣній" (339). Такъ, онъ отмѣтилъ существованіе у насъ такой же іерархической лѣствицы землевладѣльцевъ, какъ въ феодальномъ мірѣ на западѣ (84). Но такихъ наблюденій въ его распоряженіи было еще слишкомъ немного, чтобы, не ограничиваясь общимъ сравненіемъ существа русскаго и западнаго порядковъ, выяснить тожество ихъ основъ [1]).

Поэтому его общая параллель между учрежденіями Руси и феодальнаго запада оказалась неудачной. Задавшись цѣлью выяснить въ этой параллели „глубокое тожество основныхъ началъ быта" русскаго и западнаго, Б. Н. Чичеринъ, сравнивая отдѣльныя учрежденія, пришелъ къ выводу, что на западѣ договоры были „прочными и потомственными", а на Руси „временными и случайными", что на западѣ во

только въ концѣ феодальнаго времени. Относительно непрочности вассальныхъ договоровъ на западѣ я уже говорилъ. И здѣсь отмѣчу противъ Чичерина только его же собственныя слова: „*Во Франціи*... въ средніе вѣка *существовала такая разрозненность*, какъ можетъ быть ни въ какомъ другомъ западно-европейскомъ государствѣ... [*Въ Древней Россіи разрозненность и шаткость отношеній существовали еще въ большей степени*. личная независимость, которая выражалась въ правѣ отъѣзда, была еще сильнѣе развита, нежели во Франціи" (357—358).

[1]) Наибольшее значеніе для моей темы имѣютъ Опыты, но не введеніе къ диссертаціи „Областныя Учрежденія", гдѣ Чичеринъ дастъ общее сравненіе русскаго развитія и западнаго. Объ эти работы не вполнѣ согласованы. Доминирующая идея въ опытахъ—сходство, во введеніи же—различіе. Оттѣняя феодальныя стороны русскихъ порядковъ, Чичеринъ нерѣдко останавливался на полдорогѣ, и самъ, какъ будто бы, не замѣчалъ ихъ феодальнаго значенія. Такъ напр., правильно обрисовавъ положеніе служебнаго князя и указавъ, что рядомъ съ князьями „видными" существовало множество князей самыхъ ничтожныхъ, которые, тѣмъ не менѣе, владѣли однимъ только городомъ, волостью или селомъ,—„были такіе же верховные владѣльцы своихъ земель, какъ и князья московскіе" (261), Чичеринъ не замѣтилъ, что эти ничтожные, но полусуверенные князья—слуги составили у насъ верхній слой сословія феодаловъ. Такъ далѣе, указавъ, что главной обязанностью бояръ, какъ и князей была военная служба (359), Чичеринъ не отмѣтилъ этого существеннаго сходства бояръ съ вассалами.—Такъ, наконецъ, сопоставивъ частноправный взглядъ на должность (выражающійся во взяткахъ наслѣдія кормленій) съ такимъ же взглядомъ на западѣ (продажа должностей во Франціи) (362—363). Чичеринъ не сопоставилъ феодальной fief-office съ кормленіемъ.

всѣхъ учрежденіяхъ выражался крѣпкій союзный духъ, а на Руси „каждая отдѣльная личность обособлялась въ своей частной сферѣ". Въ результатѣ параллели получилось не тожество, а глубокое различіе такихъ основныхъ началъ быта, какъ союзность и индивидуальность, прочность и шаткость договорныхъ отношеній.

Къ цѣннымъ наблюденіямъ Чичерина *Соловьевъ* прибавилъ весьма важное указаніе на существованіе въ древней Россіи одного изъ основныхъ феодальныхъ институтовъ, патроната. *Неволинъ* разъяснилъ истинное значеніе нашихъ жаловашныхъ грамотъ, давъ понять, что онѣ создавали у насъ феодальные иммунитеты. Любопытно, что Соловьевъ говорилъ о закладничествѣ-вассальствѣ и о закладничествѣ-феодализмѣ, главнымъ образомъ, въ статьяхъ, посвященныхъ западно-европейской исторіи, и не входилъ въ подробное обсужденіе вопроса о феодализмѣ въ Россіи. Неволинъ же поступилъ еще уклончивѣе: говоря о жаловашныхъ грамотахъ, онъ даже не упомянулъ о существованіи тожественныхъ западно-европейскихъ иммунитетныхъ грамотъ. Между тѣмъ, что же другое, какъ не хорошо знакомый ему по трудамъ историковъ феодализма иммунитетъ, имѣлъ онъ въ виду, говоря, что на основаніи нашихъ жалованныхъ грамотъ „поземельный владѣлецъ получалъ многія права державной власти и становился въ своей вотчинѣ какъ бы княземъ?" [1]).

Недомолвки Соловьева и Неволина повели къ тому, что ихъ указанія на существованіе двухъ важныхъ феодальныхъ институтовъ: патроната и иммунитета въ древней Россіи были оставлены безъ всякаго вниманія послѣдующими историками; вмѣстѣ съ тѣмъ забыты были и цѣнныя наблюденія Б. Н. Чичерина. Мнѣніе о коренномъ отличіи русской древности отъ западно-европейской возобладало. Изслѣдователи, какъ будто, стали опасаться, какъ бы не ошибиться, увлекшись „обманчивой одинаковостью внѣшней оболочки" (о чемъ предостерегалъ Кавелинъ, разбирая труды Чичерина). Градовскій началъ усиленно подчеркивать черты несходства между русскими порядками и феодальными. Недавно одинъ изъ видныхъ русскихъ историковъ, П. Н. Милюковъ, заявивъ, что основныя тенденціи исторического процесса всюду одинаковы, построилъ свою работу по исторіи русской культуры на рѣзкомъ противоположеніи русскаго и западно-европейскаго историческаго развитія.

[1]) Также уклончиво поступилъ *В. Милютинъ*, сказавшій, что жалованныя грамоты создавали у насъ изъ монастырской вотчины „государство въ государствѣ", и не упомянувшій о западномъ иммунитетѣ.

Между тѣмъ, хотя изслѣдованіе феодальныхъ отношеній въ Россіи и прекратилось, но въ нашей исторической литературѣ мало по малу накоплялись важныя данныя для пересмотра этого вопроса. Съ одной стороны, проф. Владимірскій-Будановъ съ своемъ „Обзорѣ исторіи русскаго права“ и проф. Леонтовичъ въ изслѣдованіи „Старый земскій обычай“ (1889) выяснили много тожественныхъ съ германскими славянскихъ правовыхъ учрежденій древнѣйшаго времени. Съ другой стороны, проф. Ключевскій, изслѣдуя позднѣйшую эпоху образованія московской государственности, обнаружилъ характерныя феодальныя черты нашихъ княжатъ, а также княжескаго землевладѣнія удѣльнаго времени, хотя онъ, слѣдуя примѣру Неволина, и не говорилъ ничего о феодализмѣ. Новѣйшіе историки, и въ особенности проф. Платоновъ, дальнѣйшимъ разясненіемъ борьбы Іоанна Грознаго съ княжатами, еще болѣе оттѣнили картину разрушенія феодальныхъ порядковъ, опять-таки ничего не говоря о феодализмѣ. Большое значеніе имѣло также болѣе глубокое разслѣдованіе основныхъ началъ феодализма въ трудахъ новыхъ западныхъ историковъ, и болѣе отчетливое выясненіе основныхъ чертъ русскихъ учрежденій въ трудахъ проф. Сергѣевича и другихъ русскихъ историковъ послѣдняго времени. Наконецъ, нѣкоторые изъ открытыхъ недавно актовъ дали новое освѣщеніе извѣстнымъ уже явленіямъ.

Вернувшись съ этими новыми пріобрѣтеніями нашей науки къ забытымъ мыслямъ историковъ 40-хъ и 50-хъ гг., я могъ обосновать ихъ, развить и дополнить. И мнѣ кажется, что я возбудилъ назрѣвшій вопросъ. Въ прошломъ году одинъ изъ молодыхъ изслѣдователей, г. Рожковъ, ссылаясь въ отношеніи закладничества-патроната на мою работу, заявилъ, что „въ Московской Руси XVI вѣка были на лицо всѣ элементы, изъ которыхъ сложился средневѣковый феодальный строй: помѣстье-бенефицій, льготы-иммунитеты и закладничество-коммендація“. Въ то же время М. Ф. Владимірскій-Будановъ, который и раньше отмѣчалъ сходство нѣкоторыхъ русскихъ учрежденій съ феодальными, но въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, въ новомъ изданіи „Обзора исторіи русскаго права“, обсуждая ту же мою статью, и также какъ г. Рожковъ обративъ вниманіе на московское государство, а не на Удѣльную Русь, призналъ, что въ московскомъ государствѣ существовали „явленія кліентства и феодализма“, хотя они „не господствовали здѣсь, по крайней мѣрѣ ничѣмъ не опредѣляли существенныхъ основъ государственнаго и частнаго права въ

Москвѣ". Въ отношеніи Москвы, Московскаго государства XVI—XVII вѣковъ, это совершенно справедливо, но я въ своихъ работахъ имѣлъ въ виду Удѣльную Русь XIII—XV столѣтій, съ ея феодальными порядками, противоположными московскому государственному строю.

2007237635